

Вестник НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ Московского университета

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 13

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

№ 4 · 2018 · ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

История

- Валеев Р.М., Василюк О.Д., Кириллина С.А., Мейер М.С.* Из жизни отечественного востоковедного сообщества на заре XX столетия: переписка В.В. Бартольда и А.Е. Крымского в 1908–1913 гг. (по материалам архивных фондов) 3
- Видясова М.Ф.* Алжир – крепость, в подземелье которой прячутся джинны 19
- Кириллина С.А., Орлов В.В.* Историко-культурная и экономическая специфика шерифского землепользования в Северной Африке (XVI–XIX вв.) 31
- Сафронова А.Л.* Проблемы интерпретации княжеского наследия в современной Индии 41
- Тертицкий К.М.* Китайская Кяхта 56

Публикации

- Фролов Д.В., Зарипов И.А.* «Понимание Корана» Мусы Бигиева. Часть 1 70

Рецензии

- Исаев В.А.* Рецензия на кн.: В а с и л ь е в А. М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: ЦЕНТР-ПОЛИГРАФ, 2018 91
- Meliantsev V.A., Gorozhankina A.A.* How and Why Has It Managed to Succeed? Book review: Lee Keun. Economic Catch-up and Technological Leaperogging: the Path to Development and Macroeconomic Stability in Korea. Cheltenham:Edward Elgar Publishing, 2016 99

Памяти...

- Зинаида Григорьевна Лапина 108
- Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение» в 2018 г.* 109

CONTENTS

History

<i>Valeev R.M., Vasylyuk O.D., Kirillina S.A., Meier M.S.</i> From the Life of the Oriental Academic Community in Russia at the Dawn of the 20 th Century: Correspondence of V.V. Bartold and A.E. Krymskiy in 1908–1913 (based on the Archival Materials)	3
<i>Vidiassova M.F.</i> Algeria – a Bastion with Jinns in its Dungeon	19
<i>Kirillina S.A., Orlov V.V.</i> Specific Historical, Cultural and Economic Features of Sharifian Land Use in the North Africa (XVI–XIX Centuries)	31
<i>Safronova A.L.</i> Problems of Interpretation of Princely States' Heritage in Contemporary India	41
<i>Tertitski K.M.</i> Chinese Kyakhta	56

Publications

<i>Frolov D.V., Zaripov I.A.</i> “The Understanding of the Qur’an” by Musa Jarullah Bigiev. Part 1	70

Reviews

<i>Isaev V.A.</i> Book Review: Vasi lyev A. M. From Lenin To Putin. Russia in the Middle and Near East. M.: CENTRPOLIGRAF edition, 2018 . . .	91
<i>Meliantsev V.A., Gorozhankina A.A.</i> How and Why Has It Managed to Succeed? Book review: Lee Keun. Economic Catch-up and Technological Leaperogging: the Path to Development and Macroeconomic Stability in Korea. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2016	99

In Memoriam...

Zinaida Grigorievna Lapina	108
<i>Index of Articles and Other Matter</i> Published in the Journal “The Bulletin of Moscow University. Series 13. Vostokovedenie” in the Year 2018	109

ИСТОРИЯ

**Р.М. Валеев, О.Д. Василюк, С.А. Кириллина,
М.С. Мейер**

ИЗ ЖИЗНИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДНОГО СООБЩЕСТВА НА ЗАРЕ XX СТОЛЕТИЯ: ПЕРЕПИСКА В.В. БАРТОЛЬДА И А.Е. КРЫМСКОГО В 1908–1913 гг. (по материалам архивных фондов)¹

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный
университет»*

420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Институт востоковедения имени А.Е. Крымского

Национальной академии наук Украины

Украина, 01001, Киев, ул. Грушевского, 4

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»*

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье анализируются материалы неопубликованной переписки Василия Владимировича Бартольда и Агафангела Ефимовича Крымского в 1908–1913 гг., содержащей ценные сведения, которые позволяют расширить наши представления о направлениях и проблемах отечественного востоковедения в

Валеев Рамиль Миргасимович – доктор исторических наук, профессор кафедры алтаистики и китаеведения Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) Федерального университета (e-mail: valееv200655@mail.ru).

Василюк Оксана Дмитриевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения имени А.Е. Крымского Национальной академии наук Украины (e-mail: o_vasylyuk@yahoo.com).

Кириллина Светлана Алексеевна – доктор исторических наук, профессор, ведущий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: s.kirillina@gmail.com).

Мейер Михаил Серафимович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, президент ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mihailmeyер@mail.ru).

¹ Исследование проведено в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 18-09-00331 «Эпистолярное наследие российских востоковедов на рубеже веков: переписка А.Е. Крымского, В.Р. Розена, Ф.Е. Корша, В.А. Жуковского, С.Ф. Ольденбурга, В.В. Бартольда, Н.А. Медникова, П.К. Коковцева, В.Ф. Минорского (1890–1930-е гг.)».

начале XX в. Переписка двух выдающихся ученых свидетельствует о том, что их сближали человеческая общность и сходство профессиональных интересов. Письма В.В. Бартольда и А.Е. Крымского показывают, насколько их волновало состояние науки о Востоке и системы ее преподавания.

Ключевые слова: ориенталистика; эпистолярное наследие; система образования; исламский мир.

История российского востоковедения, направления, закономерности и итоги развития ориенталистики, научное, просветительское и особенно эпистолярное наследие отечественных востоковедов являются актуальными академическими и прикладными проблемами современной российской и зарубежной историографии, источниковедения и культурологии. На современном этапе повышенное внимание ученых и общественности вызывают теоретические, геополитические, социокультурные и историко-научные направления и факторы формирования и развития ключевых центров академического, университетского и практического востоковедения в исторической ретроспективе. Особый научный и просветительский интерес представляет наследие таких корифеев отечественного востоковедения, как А.К. Казембек (1802–1870), Ф.Е. Корш (1843–1915), В.Р. Розен (1849–1908), В.Д. Смирнов (1855–1918), Н.А. Медников (1855–1918), В.А. Жуковский (1858–1918), С.Ф. Ольденбург (1863–1934), В.В. Бартольд (1869–1930), А.Е. Крымский (1871–1942), И.Ю. Крачковский (1883–1951), П.К. Коковцев (1861–1942), А.Е. Снесарев (1865–1937), В.Ф. Минорский (1877–1966) и др. Их судьбы и наследие тесно переплетены, о чем свидетельствует их неопубликованное эпистолярное наследие, сохранившееся в архивных центрах Санкт-Петербурга, Москвы и Киева.

В эпоху, когда эпистолярный жанр почти вымирает, чрезвычайно интересно заглянуть в пожелтевшие архивные листы, которые доносят до нас мысли, чувства и переживания выдающихся российских востоковедов. Несомненно, к таковым относятся известные отечественные ученые Василий Владимирович Бартольд и Агафангел Ефимович Крымский. Они были людьми одного поколения, но выросшими в различных условиях. Оба получили прекрасное образование и в конечном итоге стали яркими представителями трех востоковедных школ – петербургской, московской и киевской. Оба были востоковедами широкого профиля, специалистами по филологии, истории и этнографии Востока. Оба были избраны академи-

ками – В.В. Бартольд в 1913 г. в Российскую академию наук (РАН) и А.Е. Крымский в 1918 г. в Украинскую академию наук (УАН). На протяжении ряда лет А.Е. Крымский и В.В. Бартольд вели переписку, поскольку А.Е. Крымский жил в Москве и преподавал в Лазаревском институте восточных языков, а В.В. Бартольд с 1901 г. был профессором факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Она отражала их личное восприятие происходящего в профессиональной и общественной жизни, благодаря чему мы можем понять скрытые мотивы многих процессов того времени. В связи с этим их неопубликованная и не введенная в научный оборот переписка представляется важным источником сведений по истории отечественного востоковедения.

В фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского сохранилось девять писем В.В. Бартольда, адресованных А.Е. Крымскому, а в фондах Санкт-Петербургского архива Российской академии наук – семь ответных писем А.Е. Крымского. Дошедшая до нас переписка охватывает 20-летний период – с 1908 по 1928 г. В настоящей публикации освящается первый хронологический блок этого эпистолярия, который содержит письма дореволюционного периода (1908–1913), когда А.Е. Крымский жил и работал в Москве.

Мы не знаем, когда началась эта переписка и когда произошла первая личная встреча ученых. Возможно, их знакомство состоялось еще в 1899 г., когда вернувшемуся из поездки в Ливан А.Е. Крымскому нужно было сдавать магистерский экзамен на Восточном факультете Петербургского университета. Тогда-то он и познакомился со многими петербургскими востоковедами, в число которых, вероятно, вошел и В.В. Бартольд.

Первое письмо, принадлежащее перу В.В. Бартольда, датировано 12 декабря 1908 г. Оно носит сугубо деловой характер и явно написано под впечатлением прочитанного после получения экземпляра нового издания работы А.Е. Крымского «История Персии, ее литературы и дервишеской теософии»². Острый глаз специалиста сразу же заметил некоторые неточности, на которые он поспешил указать своему коллеге. «Лондонских рукописей Гардизи³ нет, – писал

² Первое издание: *Крымский А.Е.* История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. Т. 1. Вып. I. М., 1901.

³ Гардизи, Абу Саид – персидский историк XI в.

В.В. Бартольд, – одна находится в Оксфорде, другая в Кембридже. ... В поправке, вероятно, придется оговорить некоторую непоследовательность в именовании автора Гардизи: на стр. 3–4 Каруизий ... со стр. 43 отдается предпочтение форме “Гардизий”, без объяснения причины; на стр. 47 Вы, вопреки своему обыкновению, не склоняете это имя и пишете Гардизи. Ср[авните] также Неср (в оглавлении) и Наср (в тексте) и т.п.»⁴

Ответ А.Е. Крымского не сохранился. В следующем письме В.В. Бартольда, датированном 11 февраля 1909 г., дискуссия относительно книги «История Персии, ее литературы и дервишеской теософии» продолжилась, при этом автор письма указывал своему коллеге на нюансы, которые, по его мнению, подлежали коррекции: «Должен признаться, что ... Ваше изложение (это, конечно, дело вкуса) мне не нравится. Такие выражения, как “крохотные сведения” (стр. 6 прим. 4) ... и т.п. производят странное впечатление в университетском курсе». В.В. Бартольд отмечает пропуски в работе: «Из пособий Вы, если не ошибаюсь, совершенно не упоминаете ... книги *Le Strange, The lands of the Eastern Califate*⁵, также по большей части других английских географических сочинений»⁶. Вместе с тем в письме были затронуты и более общие проблемы современной востоковедной науки. В частности, В.В. Бартольд писал: «Что касается Ваших книг, то я объясняю многие из их недостатков, помимо тех условий, в которых Вам пришлось работать, и других причин, еще состоянием нашей науки. Я вполне признаю, что в этом отношении существует своего рода *circulus vitiosus* (порочный круг. – *Авт.*): для сколько-нибудь отчетливого представления [о] деталях необходимы, особенно для студентов, общие курсы политической истории, между тем, пока не исследованы детали, невозможно сколько-нибудь ясное представление о целом и внесение причинной связи событий ... Вы пишете, что вследствие излагаемых Вами причин Ваши работы “будут появляться лишь в минимально сносном виде”, а не в том, в каком бы Вы хотели их видеть. Мне кажется, что не только Вы, но и никто другой не в состоянии написать теперь в два-три года (Ваши

⁴ Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского (далее – ИР НБУВ), ф. I, д. 22664. Л. 1–1 об.

⁵ *Le Strange, Guy. The Lands of the Eastern Caliphate: Mesopotamia, Persia and Central Asia from the Moslem Conquest to the Time of Timur. Cambridge, 1905.*

⁶ ИР НБУВ, ф. I, д. 22665. Л. 1 об.–2.

книги, если не ошибаюсь, пишутся гораздо быстрее) сколь угодно сносную книгу под заглавием “История Персии, ее литературы и дервишеской теософии”. Для этого требуется труд целой жизни; о более высоких ступенях совершенства не приходится и мечтать⁷. При этом общий тон письма весьма благожелательный. Чувствуется, что В.В. Бартольд руководствовался желанием помочь коллеге улучшить его труд, а не подчеркивать его недостатки. В.В. Бартольд, являвшийся секретарем Восточного отделения Императорского Русского археологического общества и после смерти В.Р. Розена⁸ в 1908 г. возглавивший также и редакцию его «Записок», заверил А.Е. Крымского, что продолжит регулярно присылать ему экземпляры этого издания, как было заведено ранее. Подчеркнем то, что на лицевой стороне конверта рукой А.Е. Крымского по-украински карандашом написано «поправки до “Ист[ории] Персии”», что свидетельствует о важности для него сделанных В.В. Бартольдом замечаний.

В самом конце письма содержится весьма примечательная приписка В.В. Бартольда: «Само собою разумеется, что я буду к услугам г-на Фрейтага во всех случаях, когда он найдет нужным обратиться ко мне за справкой, советом и т.д.»⁹ Поскольку фамилия этого человека не упоминается в первом письме В.В. Бартольда, можно предположить, что в несохранившемся ответе А.Е. Крымского о нем содержалась какая-то информация. Действительно, ситуация проясняется при ознакомлении с содержанием письма А.Е. Крымского от 1 марта 1909 г., которое он написал В.В. Бартольду после изнурительной болезни. Из него следует, что Константин Андреевич Фрейтаг¹⁰ (1874–1934) был учеником А.Е. Крымского и Ф.Е. Корша¹¹ и готовился к сдаче магистерского экзамена.

⁷ ИР НБУВ, ф. I, д. 22665. Л. 1–1об.

⁸ Розен Виктор Романович (1849–1908) – востоковед-арабист, академик Императорской академии наук, с 1885 г. возглавлял Восточное отделение Императорского Русского археологического общества.

⁹ ИР НБУВ, ф. I, д. 22665. Л. 2 об.

¹⁰ К.А. Фрейтаг был однофамильцем или родственником немецкого востоковеда Георга Вильгельма Фридриха Фрейтага (1788–1861), с 1831 г. – члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

¹¹ Корш Федор Евгеньевич (1843–1915) – классик, славист, иранист. С 1892 г. он преподавал персидский язык в Лазаревском институте восточных языков и в 1900 г. был избран ординарным академиком отделения русского языка и словесности Императорской академии наук.

Довольно полная информация о нем содержится в более поздней переписке А.Е. Крымского с И.Ю. Крачковским, который в 1936 г. сообщил своему коллеге о смерти К.А. Фрейтага. В своем ответе от 10 октября того же года А.Е. Крымский написал, что Константин Фрейтаг был фактически его первым учеником.

В 1893 г., тогда еще студент Агафангел Крымский в подмосковной усадьбе Шульцев-Фрейтагов готовил Костю Фрейтага к экзамену на аттестат зрелости по латинскому и древнегреческому языкам. По свидетельству А.Е. Крымского, его воспитанник, который был всего на три года его младше, уже в то время свободно владел несколькими европейскими языками, поскольку много путешествовал с семьей, а классические языки давались ему исключительно легко. Молодые люди подружились и в дальнейшем много общались¹². Их контакты прервались на несколько лет после отъезда А.Е. Крымского в Бейрут. Со временем А.Е. Крымский начал получать от К.А. Фрейтага пространные письма, в которых тот не только подробно рассказывал о своей жизни, но и часто консультировался у него в отношении переводов классических произведений. А.Е. Крымский писал, что он с радостью отрывался от своих непосредственных занятий, чтобы дать тот или иной совет, и добавляет, что он очень переживал за человека, которого считал своим младшим братом и другом. В 1903 г. К.А. Фрейтаг решил поступить в Лазаревский институт восточных языков. А.Е. Крымский, помогая ему наверстать упущенное, усиленно занимался с ним по всем специальным предметам, в том числе переводами. Однако в 1906 г. К.А. Фрейтаг получил работу в банке в Тегеране и, прервав учебу, уехал в Иран¹³. Вернувшись в Россию в 1908 г., он сразу же обратился к А.Е. Крымскому с просьбой вновь помочь ему подготовиться к сдаче экзамена в Петербургском уни-

¹² Состоятельный Фрейтаг некоторое время финансировал издание журналов «Жите і слово» и «Народ», а в 1896 г. на его средства был напечатан украинский перевод А. Крымского книги Вильяма А. Клоустона «Народные сказки и предания, их миграция и трансформация» (оригинал: *Clouston W.A. Popular Tales and Fictions, their Migrations and Transformations*. London, 1887; перевод: *Клоустон В.А. Народні казки та вигадки, їх вандрівки та переміни. З англійської мови переложив А. Кримський*. Львів, 1896). Однако полученное Константином Фрейтагом от отца наследство в корне изменило его жизнь не в лучшую сторону: он отдал предпочтение не учебе в университете, а игре в карты и другим развлечениям, что очень беспокоило Агафангела Ефимовича.

¹³ Переписка академиков А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского 1920–1930-х годов. Публикация И.М. Смилянкой // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 1997. С. 240–244.

верситете. Именно в это время А.Е. Крымский обратился за содействием к В.В. Бартольду, дав Константину Фрейтагу весьма лестную характеристику. В ответном письме хорошо ориентировавшийся в университетских делах В.В. Бартольд выразил готовность оказать К.А. Фрейтагу всяческое содействие, но при этом заметил: «О том, какие требования по истории Востока будут к нему предъявлены, я ничего не мог ему сказать, так как в комиссии не принимаю никакого участия; членом комиссии по истории Востока состоит Н.И. Веселовский¹⁴. Я вполне уверен, что все экзамены будут сданы г-ном Фрейтагом весной без всяких затруднений»¹⁵.

Многое за два года забывший Константин Фрейтаг, тем не менее, представил принимавшему экзамен профессору Н.А. Медникову¹⁶ свой перевод «Жития Пророка», в котором А.Е. Крымский сразу же узнал текст, подготовленный ранее его же учеником Минорским со своими многочисленными правками, сделанными во время занятий с Константином Фрейтагом. А.Е. Крымский промолчать не смог, посчитав это плагиатом, и обговорил этот вопрос в письменной форме с Н.А. Медниковым, который написал ему в ответ: «Надеюсь, что Ваш Совет не оставит этого возмутительного дела без последствий и даст отпор экспроприаторству, слишком уже входящему в обычаи нашего времени»¹⁷. При профессорском совете Лазаревского института была создана комиссия, которая еще долго не могла решить, считать ли представленный перевод плагиатом. Однако А.Е. Крымский и К.А. Фрейтаг перестали общаться уже навсегда.

В вышеупомянутом дуплете писем А.Е. Крымский и В.В. Бартольд, как обычно, продолжали обсуждать творческие и книжные вопросы. В частности, А.Е. Крымский писал: «Как я Вам признателен за “Туркестан”! Очень, очень благодарю Вас за него. Но вместе с тем хочется позаботиться и о своих слушателях, к[оторые] часто желали бы приобрести эту книгу и не знают ее цены. По какой цене они могли бы быть высылаемы для наших студентов?»¹⁸ В.В. Бартольд

¹⁴ Веселовский Николай Иванович (1848–1918) – археолог, востоковед, исследователь истории и археологии Средней Азии, с 1890 г. – профессор Санкт-Петербургского университета.

¹⁵ ИР НБУВ, ф. XXXVI, д. 194. Л. 1.

¹⁶ Медников Николай Александрович (1855–1918) – арабист, с 1903 г. – профессор Санкт-Петербургского университета.

¹⁷ ИР НБУВ, ф. XXXVI, д. 366. Л. 2.

¹⁸ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее – СПб АРАН), ф. 68, оп. 2, д. 128. Л. 1.

отреагировал следующим образом: «О “Туркестане”, к сожалению, должен Вам ответить, что никаких экземпляров этой книги в продаже больше нет, и ниоткуда она не может быть выписана. Даже у меня лично осталось теперь всего 5 экземпляров»¹⁹. В связи с этим отметим, что вышедшая в 1898 г. первая часть книги «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»²⁰ пользовалась необыкновенной популярностью среди ориенталистов. В.В. Бартольд начал работать над ней в 1895 г., когда получил возможность делать выписки из восточных рукописей в библиотеках Лондона, Оксфорда, Парижа и Лейдена. Этот труд, ставший классическим, содержит обзор персидских и арабских источников по истории Центральной Азии VII–XII вв. В ней также приведен многосторонний анализ фактов, определивших развитие истории до пришествия монголов в Туркестан и ход его завоевания.

В.В. Бартольд скрупулезно работал над восточными текстами, делая выписки из исторических сочинений, и хотя многие из них представлены в работе «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» небольшими отрывками, их ценность несомненна. Именно поэтому А.Е. Крымский исключительно лестно отзывался об этом издании и часто обращался к нему в своей работе, о чем свидетельствует одна из ремарок в его письмах к В.В. Бартольду: «В 1 выпуске “Истории Персии” глава о Тахиридах, Саманидах и пр. составлена ... в очень тесной зависимости от Вашего “Туркестана”»²¹.

В кратком письме от 12 октября 1913 г. А.Е. Крымский искренне поздравил В.В. Бартольда с избранием его академиком Императорской академии наук, но при этом не забыл и о деле, написав: «Пользуюсь случаем напомнить Вам, Вы прежде имели по отношению ко мне очень приятную для меня привычку – присылать оттиски всех работ. В последнее время я от Вас ничего не получал, и, напр[имер], не имею оттиска о сношениях Харуна с Карлом, равно как работ по Ани»²².

¹⁹ ИР НБУВ, ф. XXXVI, д. 194. Л. 2.

²⁰ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 1. Тексты. СПб, 1898. Ч. 2. Исследование. СПб, 1900.

²¹ СПб АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 128. Л. 1 об.

²² Имеется в виду прежде всего статья о средневековом городе Ани (Бартольд В.В. Ани // Бартольд В.В. Сочинения. Т. III: Работы по исторической географии. М., 1965. С. 327–330), которую В.В. Бартольд подготовил для «Энциклопедии ислама» – нового масштабного издания, выходящего на немецком, французском и английском языке, с которым он тесно сотрудничал долгие годы и для которого написал значительное число статей. Статья об Ани вошла в первый том «Энциклопедии ислама», увидевший свет в 1913 г. К различным аспектам истории и археологии города Ани

Буду благодарен, если Вы меня вновь поместите в список тех, кому рассылаете оттиски и труды»²³.

В определенной степени избранию В.В. Бартольда академиком способствовали его работы, посвященные роли ислама в жизни средневекового Востока. Первая статья исламоведческого круга была им опубликована в 1894 г., но известность специалиста по исламу В.В. Бартольду принес труд «Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве»²⁴. По мнению А.Б. Халидова²⁵, готовившего к печати работы ученого по истории ислама и Арабского халифата, первоначально это была речь, произнесенная им при вступлении в профессорскую должность в Петербургском университете²⁶. Затем она была дважды напечатана в виде статьи, представлявшей собой, по словам автора, «краткий обзор истории развития государственной жизни и отношения светской власти к религии на мусульманском Востоке», которого «будет достаточно для опровержения ходячего представления о застое, как характерном признаке Востока, и о теократии, как единственной форме правления, возможного в мусульманских странах»²⁷. Дальнейшая разработка исламоведческой тематики, впервые затронутой еще в «Туркестане», вылилась в работу «Халиф и султан»²⁸ – одно из самых ярких и аргументированных исследований В.В. Бартольда.

Другой вектор научных интересов В.В. Бартольда нашел выражение в его работе «Карл Великий и Харун ар-Рашид»²⁹, опубликованной в 1912 г. в первом томе журнала «Христианский Восток». В ней В.В. Бартольд вмешался в давний спор медиевистов и ориенталистов о существовании дипломатических отношений между франкским государством и Багдадским халифатом во времена Карла Великого (768–814) и Харуна ар-Рашида (786–809) и немногим ранее – во

В.В. Бартольд обращался и в других своих публикациях (см.: *Бартольд В.В.* Отзыв о трудах Н.Я. Марра по исследованию древностей Ани // Бартольд В.В. Т. IV. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. М., 1966. С. 202–235; там же. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче. С. 313–338).

²³ СПб АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 128. Л. 2.

²⁴ *Бартольд В.В.* Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI: Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 1966. С. 303–319.

²⁵ Халидов Анас Бакиевич (1929–2001) – видный отечественный арабист.

²⁶ *Халидов А.Б.* Предисловие // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI. С. 7.

²⁷ Цит. по: *Халидов А.Б.* Предисловие. С. 7.

²⁸ *Бартольд В.В.* Халиф и султан // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI. С. 7.

²⁹ *Бартольд В.В.* Карл Великий и Харун ар-Рашид // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI. С. 342–364.

времена Пипина Короткого (751–768) и ал-Мансура (754–775). Он пришел в этом вопросе к отрицательному выводу, опираясь на знание политической истории того времени, а также на многочисленные источники, в том числе арабские и франкские летописи, и свидетельства материальной культуры. Эта бурная дискуссия в академической среде еще больше активизировалась в последующие годы. Позднее В.В. Бартольд писал в обстоятельной статье «К вопросу о франко-мусульманских отношениях» (1915) о том, что «по сравнению со средневековым Востоком, мусульманским и христианским, Западная Европа того времени была такой же отсталой страной, как теперь Восток по сравнению с Западной Европой»³⁰.

Завершая обзор избранных писем из переписки В.В. Бартольда и А.Е. Крымского в дореволюционный период, хотелось бы отметить, что отсутствие в нашем распоряжении писем, относящихся к периоду Первой мировой войны и трагическим годам противостояния различных слоев российского общества в 1918–1922 гг., вероятнее всего было связано с нарастанием кризиса всей системы государственного управления, что неизбежно сказывалось на физическом и духовном состоянии участников переписки, хотя возможны и какие-то личные мотивы, в том числе решение А.Е. Крымского в 1918 г. о переезде в Киев.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письма Агафангела Ефимовича Крымского к Василию Владимировичу Бартольду (хранятся в СПб АРАН, ф. 68, оп. 2, д. 128).

А.Е. Крымский – В.В. Бартольду [Автограф. Л. 1–1 об.]

№ 1

Москва, 1 марта 1909 г.

Многоуважаемый Василий Владимирович!

После десяти дней болезни (малярия) первое письмо, за к[оторое] беру, это – к Вам.

Как я Вам признателен за «Туркестан»! Очень, очень благодарю Вас за него. Но вместе с тем хочется позаботиться и о своих слушателях, к[оторые] часто желали бы приобрести эту книгу и не знают ее цены. По какой цене она могли бы быть высылаемы для наших студентов?

³⁰ Бартольд В.В. К вопросу о франко-мусульманских отношениях // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI. С. 461.

Записку мою передаст Вам командированный от Лазар[евского] института Константин Андреевич Фрейтаг, ближайший ученик Корша и мой, чрезвычайно даровитый и симпатичный человек. В значительной степени он смеет себя считать и Вашим учеником, потому что я заставлял его работать по Вашему «Туркестану»: проверять цитаты, подробно прочитывать все места Гярдизия, Бейхакия и др., на к[оторые] у Вас сделаны хотя бы самые беглые ссылки, внимательно знакомиться с общим контекстом писателя-источника, сопоставлять Ваши взгляды со взглядами других ориенталистов и т.д. В 1 выпуске «Истории Персии» глава о Тахиридах, Саманидах и пр. составлена почти единолично Фрейтагом (мне принадлежит окончательная отделка), и составлена в очень тесной зависимости от Вашего «Туркестана». Теперь мы его командировали прямо к Вам.

С глубоким уважением

А. Крымский

Ленин, 1 марта 1909. ¹

Многоуважаемый
Василий Владимирович!

Письм Вяземки отныне делаются (намерен) писать
также более, чем — и Вам.

Как я был признателен по «Туркестану»! Очень, очень
благодарю Вас за него. Но вместе с тем хотелось по-
близко и о своих суждениях, кроме того чтобы
бы приобрести эту книгу и почитать ее лично. Но
какой ценой она могла бы быть выслана для
таких суждений?

Записку мою передаст Вам командированный
от Лазар[евского] института Константин Андреевич Фрейтаг,
ближайший ученик Корша и мой, чрезвычайно даро-
витый и симпатичный человек. В значительной сте-
пени он смеет себя считать и Вашим учеником,
потому что я заставлял его работать по Вашему
«Туркестану»: проверять цитаты, подробно прочитывать
все места Гярдизия, Бейхакия и др., по которым
у Вас сделаны хотя бы самые беглые ссылки,

внимательно знакомиться с общим контекстом
писателя-источника, сопоставлять Ваши взгляды со
взглядами других ориенталистов, и т.д. В 1
выпуске «Истории Персии» глава о Тахиридах и пр.
составлена почти единолично Фрейтагом (мне
принадлежит окончательная отделка), и составлена
в очень тесной зависимости от Вашего «Туркестана».
Теперь мы его командировали прямо
к Вам.

С глубоким уважением
А. Крымский

А.Е. Крымский – В.В. Бартольд [Автограф. Л. 2]

№ 2

М[осква], 12 окт[ября] 1913 г.

Многоуважаемый Василий Владимирович!

Сегодня прочитал в газете о Вашем избрании в Академию – и от души Вас поздравляю, или вернее – поздравляю Академию с приобретением такой крупной научной силы.

Пользуюсь случаем напомнить Вам, Вы прежде имели по отношению ко мне очень приятную для меня привычку – присылать оттиски своих работ. В последнее время я от Вас ничего не получал, и, напр[имер], не имею оттиска о сношениях Харуна с Карлом, равно как работ по Ани. Буду благодарен, если Вы меня вновь поместите в список тех, кому рассылаете оттиски и труды.

С истинным уважением

А. Крымский

М 12 окт. 1913.

Многоуважаемый
Василий Владимирович!

Сегодня прочитал в газете о Вашем избрании в Академию — и от души Вас поздравляю, или вернее — поздравляю Академию с приобретением такой крупной научной силы.

Пользуюсь случаем напомнить Вам, Вы прежде имели по отношению ко мне очень приятную для меня привычку — присылать оттиски своих работ. В последнее время я от Вас ничего не получал и напр. не имею оттиска о сношениях Харуна с Карлом, равно как работ по Ани. Буду благодарен, если Вы меня вновь поместите в список тех, кому рассылаете оттиски и труды.

С истинным уважением

А. Крымский

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского (ИР НБУВ), ф. I, д. 22664–22671 [Письма В.В. Бартольда – А.Е. Крымскому].
2. ИР НБУВ, ф. XXXVI, д. 194 [Письмо В.В. Бартольда – А.Е. Крымскому].
3. ИР НБУВ, ф. XXXVI, д. 366 [Письмо Н.А. Медникова – А.Е. Крымскому].
4. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПб АРАН), ф. 68, оп. 2, д. 128 [Письма А.Е. Крымского – В.В. Бартольду].
5. *Бартольд В.В. Ани* // Бартольд В.В. Сочинения. Т. III: Работы по исторической географии. М., 1965. С. 327–330.
6. *Бартольд В.В. Карл Великий и Харун ар-Рашид* // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI: Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 1966. С. 342–364.
7. *Бартольд В.В. К вопросу о франко-мусульманских отношениях* // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI: Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 1966. С. 432–461.
8. *Бартольд В.В. Отзыв о трудах Н.Я. Марра по исследованию древностей Ани* // Бартольд В.В. Сочинения. Т. IV: Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. М., 1966. С. 202–235.
9. *Бартольд В.В. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче* // Бартольд В.В. Сочинения. Т. IV: Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. М., 1966. С. 313–338.
10. *Бартольд В.В. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве* // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI: Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 1966. С. 303–319.
11. *Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. Ч. 1: Тексты. СПб, 1898. Ч. 2. Исследование. СПб, 1900.
12. *Бартольд В.В. Халиф и султан* // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI: Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 1966. С. 15–80.
13. *Клоустон В.А. Народні казки та вигадки, їх вандрівки та переміни. З англійської мови переложив А. Кримський*. Львів, 1896.
14. *Крымский А.Е. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии*. Т. I. Вып. I. М., 1901.
15. Переписка академиков А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского 1920–1930^х годов. (Публикация И.М. Смилянской) // *Неизвестные страницы отечественного востоковедения*. М., 1997. С. 155–368.
16. *Халидов А.Б. Предисловие* // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI: Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 1966. С. 5–13.
17. *Clouston W.A. Popular Tales and Fictions, their Migrations and Transformations*. London, 1887.
18. *Le Strange, Guy. The Lands of the Eastern Caliphate: Mesopotamia, Persia and Central Asia from the Moslem Conquest to the Time of Timur*. Cambridge, 1905.

Ramil M. Valeev, Oksana D. Vasylyuk, Svetlana A. Kirillina, Mikhail S. Meier

**FROM THE LIFE OF THE ORIENTAL ACADEMIC
COMMUNITY IN RUSSIA AT THE DAWN
OF THE 20TH CENTURY:
CORRESPONDENCE
OF V.V. BARTOLD AND A.E. KRYMSKY
IN 1908–1913
(based on the Archival Materials)**

*Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlevskaya str., Kazan, 420008*

*A. Krymsky Institute of Oriental Studies,
National Academy of Sciences of Ukraine
4, Grushevskogo str., Kiev, 01001, Ukraine*

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article analyzes the unpublished correspondence between V.V. Bartold and A.E. Krymsky during the period from 1908 till 1913. It contains valuable data which helps us to reconstruct main trends of the academic life at that time and to have a better understanding of the problems which occurred in the field of Oriental studies in Russia in the early 20th century. The correspondence of these distinguished scholars shows that they shared obvious common sympathy and similar professional interests. The letters of V.V. Bartold and A.E. Krymsky confirm that their primary concern was the state of Oriental studies and the system of education.

Key words: Oriental studies; epistolary heritage; educational system; Muslim world.

About authors: *Ramil M. Valeev* – Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Altaic and Chinese studies, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga Region) Federal University (e-mail: valeev200655@mail.ru); *Oksana D. Vasylyuk* – PhD (History), Senior Fellow of A. Krymsky Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of Ukraine (e-mail: o_vasylyuk@yahoo.com); *Svetlana A. Kirillina* – Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: s.kirillina@gmail.com); *Mikhail S. Meyer* – Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Middle and Near East History and President of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mihailmeyer@mail.ru).

REFERENCES

1. Institut rukopisi Natsional'noi biblioteki Ukrainy imeni V.I. Vernadskogo (IR NBUV), fond I, dela 22664–22671 [Pis'ma V.V. Bartol'da – A.E. Krymskomu] (Institute of Manuscripts of V.I. Vernadsky National Library of Ukraine, f. I, № 22664–22671 [Letters of V.V. Bartold to A.E. Krymsky]).
2. Institut rukopisi Natsional'noi biblioteki Ukrainy imeni V.I. Vernadskogo (IR NBUV), fond XXXVI, delo 194 [Pis'ma V.V. Bartol'da – A.E. Krymskomu] (Institute of Manuscripts of V.I. Vernadsky National Library of Ukraine, f. XXXVI, № 194 [Letter of V.V. Bartold to A.E. Krymsky]).
3. Institut rukopisi Natsional'noi biblioteki Ukrainy imeni V.I. Vernadskogo (IR NBUV), fond XXXVI, delo 366 [Pis'ma V.V. Bartol'da – A.E. Krymskomu] (Institute of Manuscripts of V.I. Vernadsky National Library of Ukraine, f. XXXVI, № 366 [Letter of N.A. Mednikov to A.E. Krymsky]).
4. Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk (SPb ARAN), fond 68, op. 2, d. 128 [Pis'ma A.E. Krymskogo – V.V. Bartol'du] (St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, f. 68, inventory 2, № 128 [Letters to A.E. Krymsky to V.V. Bartold]).
5. Bartold V.V. “Ani”. Bartold V.V. *Sochineniya*. T. III. *Raboty po istoricheskoi geografii* (“Ani”. Bartold V.V. Works. Vol. III: Works on Historical Geography). Moscow, 1965, pp. 327–330.
6. Bartold V.V. “Karl Velikii i Kharun ar-Rashid”. Bartold V.V. *Sochineniya*. T. VI. *Raboty po istorii islama i Arabskogo khalifata* (“Charlemagne and Harun al-Rashid”. Bartold V.V. Works. Vol. VI. Works on the History of Islam and the Arab Caliphate). Moscow, 1966, pp. 342–364.
7. Bartold V.V. “Khalif i sultan”. Bartold V.V. *Sochineniya*. T. VI. *Raboty po istorii islama i Arabskogo khalifata* (“The Caliph and the Sultan”. Bartold V.V. Works. Vol. VI. Works on the History of Islam and the Arab Caliphate). Moscow, 1966, pp. 15–80.
8. Bartold V.V. “K voprosu o franko-musul'manskikh otnosheniyakh”. Bartold V.V. *Sochineniya*. T. VI. *Raboty po istorii islama i Arabskogo khalifata* (“On the Issue of Franco-Muslim Relations”. Bartold V.V. Works. Vol. VI. Works on the History of Islam and the Arab Caliphate). Moscow, 1966, pp. 432–461.
9. Bartold V.V. “Otzyv o trudakh N.Y. Marra po issledovaniyu drevnostei Ani”. Bartold V.V. *Sochineniya*. T. IV. *Raboty po arkheologii, numizmatike, epigrafike i etnografii* (“Review of Works of N.Y. Marr on the Study of the Antiquities of Ani”). Bartold V.V. Works. Vol. IV. Works on Archeology, Numismatics, Epigraphy and Ethnography). Moscow, 1966, pp. 202–235.
10. Bartold V.V. “Persidskaya nadpis' na stene Aniiskoi mecheti Manuche”. Bartold V.V. *Sochineniya*. T. IV. *Raboty po arkheologii, numizmatike, epigrafike i etnografii* (“A Persian Inscription on the Wall of the Mosque Manuche Ani”). Bartold V.V. Works. Vol. IV. Works on Archeology, Numismatics, Epigraphy and Ethnography). Moscow, 1966. Pp. 313–338.
11. Bartold V.V. “Teokraticheskaya ideya i svetskaya vlast' v musul'manskom gosudarstve”. Bartold V.V. *Sochineniya*. T. VI. *Raboty po istorii islama i Arabskogo khalifata* (“The Theocratic Idea and Secular Power in the Muslim State”). Bartold V.V. Works. Vol. VI. Works on the History of Islam and the Arab Caliphate). Moscow, 1966, pp. 303–319.
12. Bartold V.V. *Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya*. Ch. 1. *Teksty* (Turkestan in the Era of the Mongol Invasion. Part 1. Texts). St. Petersburg, 1898. Ch. 2. *Issledovanie* (Part 2. Research). St. Petersburg, 1900.
13. Clouston W.A. *Narodni kazky ta vygadky, ikh vandrivky ta pereminy* (Popular Tales and Fictions, their Migrations and Transformations). Transl. from English by A.E. Krymsky. Lvov, 1896.
14. Khalidov A.B. “Predislovie”. Bartold V.V. *Sochineniya*. T. VI. *Raboty po istorii islama i Arabskogo khalifata* (“Preface”. Bartold V.V. Works. Vol. VI. Works on the History of Islam and the Arab Caliphate). Moscow, 1966, pp. 5–13.
15. Krymsky A.E. *Istoriya Persii, ee literatury i dervisheskoi teosofii* (History of Persia, Its Literature and Dervish Theosophy). Vol. 1. Issue I. Moscow, 1901.

16. "Perepiska akademikov A.E. Krymskogo i I.Y. Krachkovskogo 1920–1930-kh godov. (Publikatsiya I.M. Smilyanskoi) " *Neizvestnye stranitsy otechestvennogo vostokovedeniya* ("Correspondence of the Academicians A.E. Krymsky and I.J. Krachkovsky in the 1920–1930s. [Publication of I.M. Smilyanskaya]"). *Unknown Pages of the Russian Oriental Studies*. Moscow, 1997, pp. 155–368.
17. Clouston W.A. *Popular Tales and Fictions, their Migrations and Transformations*. London, 1887.
18. Le Strange, Guy. *The Lands of the Eastern Caliphate: Mesopotamia, Persia and Central Asia from the Moslem Conquest to the Time of Timur*. Cambridge, 1905.

М.Ф. Видясова

АЛЖИР – КРЕПОСТЬ, В ПОДЗЕМЕЛЬЕ КОТОРОЙ ПРЯЧУТСЯ ДЖИННЫ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»*

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья рассматривает экономические и политические аспекты развития Алжира на фоне так называемой арабской весны, отражает роль президента АНДР, которому ставили в заслугу прекращение гражданской войны и достижение национального согласия. Однако на деле этот процесс обернулся расслоением общества и возникновением новой олигархии, построенной на сращивании военной верхушки, бюрократического аппарата и частного бизнеса. Автор рисует портреты некоторых ведущих деятелей Алжира.

Ключевые слова: государство; конституция; президент; оппозиция; армия; бунт; революция; светскость; ислам и исламизм.

Как известно, Алжир уберегся от ветров «арабской весны», уже пожав плоды ее прелюдии. Она разыгралась в контексте глубокой экономической рецессии, вызванной обвалом мировых цен на нефть; разыгралась в нескольких неблагополучных кварталах столицы АНДР, где в октябре 1988 г. взбунтовалась «рассерженная молодежь», привела к отмене однопартийного режима, зиждившегося на конституционно закрепленной гегемонии партии Фронт национального освобождения (ФНО), и вылилась в семилетнюю гражданскую войну (1992–1999 гг.), которая велась Национальной Народной армией (ННА)¹ против неприятеля о двух головах: Вооруженного исламского движения (ВИД) – военного крыла Фронта исламского спасения (ФИС) – и самостийного альянса Вооруженные исламские группы (ВИГ), нацеленного на создание в Алжире «халифата» вместо республики.

Видясова Мария Федоровна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры политологии стран Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: maria@msu.iaas.ru).

¹ ННА – бывшая партизанская Армия национального освобождения (АНО), военная ветвь ФНО, на основе которой в АНДР были созданы регулярные вооруженные силы.

Страна якобы достигнутого национального согласия

Бытует мнение, что опыт той братоубийственной войны стал, как писал, например, Б.В. Долгов, «своеобразной “прививкой” для алжирского общества и не дал распространиться здесь “революционной бацилле”, поразившей многие другие арабские страны»².

«Революционная бацилла» это, конечно, лихо сказано, пусть и в кавычках, по отношению к интересующему автора феномену, потрясшему арабский мир. Получается, что речь идет об эпидемии и что опасную заразу разносили, в частности, тунисские национальные флаги, свисавшие (рядом с алжирскими) с балконов некоторых домов на улицах крупных городов АНДР, охваченных в первых числах января 2011 г. новым бунтом молодежи, даже заслонившим на несколько дней в телерепортажах мировых СМИ грозные волнения в Тунисе. «Где достать тунисский флаг?» – спрашивали в социальных сетях АРЕ того же месяца. Когда 25 января забурлила каирская площадь ат-Тахрир, тунисских флагов на ней не было видно, но незримо они реяли в воздухе.

В АНДР же искра революции вспыхнула и погасла, хотя на самом деле она все еще тлела. Так, 12 февраля 2011 г., на следующий день после того, как Хосни Мубарак сдался перед толпой, кричавшей: «Долой! Уходи!», и ушел со своего поста, алжирский Координационный совет за перемены (КСП) призвал к антиправительственной манифестации, но город Алжир, писали некоторые журналисты, тотчас «посинел», так много было на его улицах полицейских, 30 тыс., в синей униформе, легко разогнавших мирных демонстрантов. Прошло чуть больше месяца, и 15 апреля президент Абдель Азиз Бутефлика, овеянный славой одного из «исторических героев» – бывших вождей национально-освободительной войны 1954–1962 гг.³, произнес речь

² Долгов Б.В. Феномен «арабской весны» 2011–2016 гг. Причины, развитие и перспективы. Тунис, Ливия, Египет, Сирия, Алжир. М., 2017. С. 123.

³ Бутефлика родился в 1937 г. в марокканском городе Уджда в богатой купеческой семье, происходившей из Тлемсена. Получил среднее образование. В 1956 г. пробыл в Алжир, где примкнул к АНО, возглавил структуру, аналогичную советской СМЕРШ, позже получил прозвище Абдель Кадер Мали, поскольку якобы наладил переброску оружия в Алжир через Мали. На самом деле, он туда только прилетел и оттуда тотчас улетел в Танжер. Фактически он выдвинул в президенты кандидатуру Ахмеда Бен Беллы, и он же, будучи министром иностранных дел, поддержал в 1965 г. военный переворот Хуари Бумедьена. После смерти последнего в 1978 г. был назначен министром-советником, вскоре был уличен в финансовых махинациях и в 1980 г. выведен из состава правительства, на следующий год исключен из политбюро ФНО, после чего эмигрировал. Вернулся в АНДР в 1987 г. и вновь стал подниматься по карьерной лестнице. На досрочных президентских выборах 1999 г. выступил как независимый кандидат и собрал 73,8% голосов.

против «арабской весны», разумеется, пообещав демократические реформы⁴.

В Алжире есть такое официальное понятие – «исторические герои», оно относится к бывшим командирам партизанской Армии национального освобождения (АНО).

Кроме того, хотя народ АНДР действительно травмирован гражданской войной, унесшей, по разным оценкам, от 100 тыс. до 200 тыс. жизней (вторая цифра сопоставима с той, которой исчисляются прямые людские потери Алжира в ходе войны 1954–1962 гг.), нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что половина алжирцев родилась после гражданской войны или в самом ее конце⁵. Так что им, если следовать логике Б.В. Долгова, «своеобразная “прививка”» могла передаться только через старших членов семьи, что в медицинской науке не считается защитой от инфекций и тем более от эпидемий.

Как нам представляется, протестная волна здесь быстро пошла на спад благодаря простой вещи: внушительному росту цен на углеводородное сырье, доходы от экспорта которого обеспечивают львиную долю госбюджета этой страны. Через мировой экономический кризис 2008 г. она безболезненно «проскочила» благодаря накопленным золотовалютным резервам. (Профицит госбюджета АНДР составил в 2008 г. 22 млрд долл. США.)

Несмотря на то что легальная и нелегальная эмиграция алжирцев в бывшую метрополию и другие страны Запада не прекратилась⁶, ее побудительные мотивы ослабли. С 1 января 2012 г. минимальная гарантированная заработная плата в АНДР существенно увеличилась, что сыграло на руку Бутефлике, переизбранному в апреле 2014 г. на четвертый президентский срок. Он собрал 81,5% голосов избирателей. Остальные голоса поделили между собой пять конкурентов Бутефлики, с треском проигравшие.

⁴*Kamel Daoud. Le président Bouteflika, le voleur de printemps // State Afrique. URL: <http://www.slateafrique.com/78291/bouteflika-algeriens-tournent-toujours-en-rond> (дата обращения: 09.06.2018).*

⁵ По данным на 2014 г., 55% населения страны было моложе 30 лет. Источник: *Elyas Nour. Démographie: 39,5 millions d'Algériens, un nombre de naissances record en 2014 // Algérie Focus. 2015. March 28. URL: <https://www.algerie-focus.com/2015/03/demographie-395-millions-dalgeriens-un-nombre-de-naissances-record-en-2014/> (дата обращения: 09.06.2018).*

⁶ Намерение эмигрировать высказали в 2016 г. 22% опрошенных социологами алжирцев; из них немногие мечтали о странах Персидского залива. *Algeria: Five Years After the Arab Uprisings // Arab Barometer. 2017. April 15. URL: <http://bit.ly/2mABVBb> (дата обращения: 09.06.2018).*

Считают, что ему помог «черный кардинал», давнишний глава алжирских спецслужб. Но потом он впал в немилость, был отрешен от должности, а его заместитель арестован. Новое падение цен на нефть и соответственно на газ (главное сокровище алжирских недр) осложнило с конца 2015 г. все социальные проблемы. Прошел слух, что залатать дыру в кошельке государственной казны власти хотят путем политики строгой экономии, в рамках которой уволят около 40% госслужащих, а ведь эта категория включает не только чиновников, но и врачей, учителей, пожарных, ремонтников и т.д.

Ходили правдоподобные слухи о недееспособности Абдель Азиза Бутефлики, прикованного с 2013 г. к инвалидному креслу из-за повторных инсультов и не появлявшегося на публике после дня его президентской инаугурации. При этом в СМИ муссировались разные версии: то ли вместо него страной правит младший брат Саид Бутефлика, то ли – анонимная «группа интересов», пришедшая на смену армии, которая раньше держала режим на своих штыках. Не исключено, однако, что ННА, вторая в Африке после египетской по численности действующего и резервного личного состава⁷, «выйдет из тени» (как это случилось летом 2013 г. в АРЕ) и вернет власть в свои руки.

Впрочем, с точки зрения некоторых аналитиков, ННА и не выпускала ее из рук, действуя закулисно. Дело лишь в том, что она расколота, ибо молодое и старое кадровое офицерство по-разному смотрят на перспективы политического развития страны⁸. Пока опустим сведения о сказочном обогащении верхушки генералитета, естественно заинтересованного в том, что модифицированная Конституция АНДР позволяет Бутефлике, которому 2 марта 2017 г. исполнилось 80 лет, переизбираться бесконечно. Но поскольку всякий человек смертен, аналитики гадают насчет того, что же будет «потом»?

В свете этих фактов несколько пресным выглядит вывод Б.В. Долгова: «Избежать негативных последствий “арабской весны” в Алжире представляется возможным. Многое зависит от политической воли

⁷ L'armée algérienne 2e plus puissant en Afrique derrière l'Égypte. URL: http://www.huffpostmaghreb.com/2017/01/11/algerie_n_14100866.html (дата обращения: 09.06.2018).

⁸ *Аурах Рамдан*. Как генералитет назначает президентов в Алжире при поддержке Франции и США // Politobzor. 2014. 2 мая. URL: <http://politobzor.net/show-20050-kak-generalitet-naznachaet-prezidentov-v-alzhire-pri-podderzhke-francii-i-ssha.html> (дата обращения: 09.06.2018).

и социально-экономического курса, избранного алжирским политическим истеблишментом»⁹.

А вот кто возглавит и сконструирует этот истеблишмент? Вопрос непростой, поскольку за власть соперничают три силы: клан Бутефлики, который сам лично не назвал своего желательного преемника, армия и ФНО. Организация, уже не имеющая ничего общего с тем фронтом патриотических сил, что был создан в 1954 г. как «инструмент ведения войны» (меткое определение арабиста В.И. Максименко), в 1962 г. преобразован в «партию строительства социализма», которая с тех пор совершенно переродилась.

На наш взгляд, есть две не взаимоисключающие перспективы: либо Алжиру грозит «венесуэльский сценарий», так как цена на нефть растет, но явно не достигнет завтра-послезавтра докризисного уровня первой половины 2014 г. (около 110 долл. за баррель сырой нефти брэнд), либо различные кланы политического истеблишмента настолько перегрызутся между собой, что возникнет вакуум власти, и тогда наступит час «темной лошадки».

Ложные слухи о смерти президента Бутефлики, якобы тщательно скрываемой его ближайшим окружением, развеялись 4 мая 2017 г., когда в АНДР шли парламентские выборы; он появился на избирательном участке под объективами телекамер, хотя похож был на живую мумию. Слегка шевелил руками, но не смог привстать с кресла-каталки, чтобы бросить бюллетень в урну своей рукой, и молчал¹⁰. Зато премьер-министр Абдель Малек Селляль заявил накануне, что идти голосовать – обязанность каждого, и воскликнул: «Женщина! Если твой муж пошел вместо этого в кофейню, то иди туда и побей его!» При этом для убедительности взмахнул кулаком. Небывалое официальное задание мусульманке, особенно в АНДР, где принятый еще в 1984 г. под конец эпохи «социалистической ориентации» Семейный кодекс ущемляет права женщины в большей степени, чем в Королевстве Марокко, не говоря уже о Тунисе – пионере эмансипации женщины в арабском мире¹¹.

⁹ Долгов Б.В. Указ. соч. С. 166.

¹⁰ Правда, 10 октября 2017 г., на второй день визита в Алжир Д.А. Медведева, телерепортеры показали мельком Бутефлику, что-то говорящего визитеру, но этот кадр не был озвучен.

¹¹ Достаточно сказать, что этот кодекс позволяет алжирке (даже 40-летней вдове, например) выйти замуж только с разрешения родственника-мужчины: отца или, на худой конец, юного брата или кузена.

При этом столь же официально было разрешено, явно под нажимом исламистов, не помещать на агитационных плакатах лицо кандидата в депутаты парламента. Такие «безликие» плакаты, с одним лишь именем кандидатки, и появились в некоторых избирательных округах.

А всего разных агитационных плакатов в стране было море: с именами 11 тыс. кандидатов на 462 депутатских мандата. Но прохожие на эти плакаты даже и не смотрели, зная заранее, кто победит. Большинство депутатских мест вновь заняли ФНО и его сателлит Национальное демократическое объединение (НДО), созданное в 1997 г. еще при президенте Зеруале¹². Женщины же, видимо, плохо били мужей: явка электората составила 38,25%.

В связи с этим, вопреки надежде Б.В. Долгова на то, что Алжир застрахован от бури «арабской весны», где-то в конюшне ФНО стоит «темная лошадка» исламистской породы, ибо внутри этой формально светской партии давным-давно, еще при ее образовании, возникло течение «консерваторов», поборников опоры на арабо-мусульманский пласт алжирского прошлого¹³.

Тезисам журналистки Аурах Рамдан созвучна более поздняя статья (автор Даля Ганем-Язбек), появившаяся в англоязычном издании Фонда Карнеги. Основная идея этой статьи: в Алжире по-прежнему правит армия, но частичные экономические и политические реформы служат амортизатором протестных настроений. Именно поэтому Алжир выглядит как остров стабильности в бушующем арабском мире¹⁴.

Политические реформы XXI в. начались в Алжире с того момента, когда генерал Лаамари (Lamari)¹⁵ дал в 2002 г. пресс-конференцию

¹² Ламин Зеруаль родился в городе Батна (горный массив Орес) 3 июля 1941 г. В свои 16 лет вступил в АНО, в 1965 г. окончил советское военное училище и в 1974 г. – французское. В 1988 г. ему было присвоено звание генерала. В 1990–1991 гг. был послом в Румынии. С 31 января 1994 г. до 27 апреля 1999 г. находился на президентском посту, сначала фактически, а потом – по избранию. Добровольно ушел в отставку, видимо, из-за несогласия с «ястребами» среди генералов, не готовыми остановить кровопролитие.

¹³ Подробнее: *Видясова М.Ф., Орлов В.В.* Политический ислам в странах Северной Африки. М., 2008. С. 145–148.

¹⁴ *Dalia Ghanem-Yazbek.* Limiting Change Through Change: The Key to the Algerian Regime's Longevity // Carnegie Middle-East Center. May 8, 2018. URL: <https://carnegie-mec.org/2018/05/08/limiting-change-through-change-key-to-algerian-regime-s-longevity-pub-76237> (дата обращения: 09.06.2018).

¹⁵ Мухаммед Лаамари (1939–2012) служил во французской армии, в 1961 г. перешел из нее в ряды АНО; после получения Алжиром независимости учился на артиллерийских курсах Военной академии им. Фрунзе (Москва) и затем во

(первую в истории ННА). В том же году она организовала симпозиум на тему о терроризме, на котором генералы выступали вместе с гражданскими лицами: политологами, журналистами. Однако, пишет Даля Ганем-Язбек, получить индивидуальное интервью с кем-нибудь из генералов невозможно.

Следует подчеркнуть, пишет она же, что во время гражданской войны в АНДР организация Directorate of Security Intelligence (DRS)¹⁶ становилась все более автономной. В 2014 и 2015 гг. Бутефлика уволил или принудил к добровольной отставке несколько офицеров DRS, включая «черного кардинала», генерал-лейтенанта Мухаммеда Медьена (прозвище Тауфик или Туфик), который возглавлял эту службу четверть века¹⁷. В январе 2016 г. президент переименовал DRS в Directorate of Security Service (DSS) и сделал ее подконтрольной самому себе. Впрочем, несмотря на реформирование и персональные кадровые перестановки, разведслужба остается составной частью армии.

Выборочные социологические опросы, проведенные среди 1,2 тыс. человек, показывают, что 75% алжирцев доверяли армии и 60% – полиции, причем на третьем месте по уровню доверия стояли религиозные лидеры, а парламент на седьмом и политические партии – на восьмом, последнем¹⁸.

Коррупция и олигархия

Еще в 2001 г. 600–800 тыс. алжирцев воспользовались своей близостью к политическому истеблишменту в целях обогащения. В 2017 г. 1,4 тыс. выборных лиц были заподозрены в растрате государственных средств и других служебных преступлениях; обвинительный приговор получили более 500 из них¹⁹. По индексу же

французской Военной школе (Париж). В 1992 г. возглавил оперативный отряд по борьбе с терроризмом из 15 тыс. человек, на следующий год был назначен начштаба армии. В 2002 г. выступил с заявлением, что ей пора отказаться от вмешательства в политику, чем возмутил других генералов. Через два года ушел в отставку, говорят, из-за трений с Бутефликой.

¹⁶ Аналог советского Главного разведывательного управления (ГРУ) и Главного управления Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

¹⁷ Он родился 14 мая 1939 г. в Кабилии, вступил в ряды АНО в 1961 г. Возглавлял армейскую разведку с 1990 по 2015 г. За все это время появились лишь два его фотопортрета, да и то очень мутные.

¹⁸ Arab Barometer. Op. cit.

¹⁹ Dalia Ghanem-Yazbek. Op. cit.

восприятия коррупции АНДР стояла в том году на 112 месте из 180 стран (на таком же, как Боливия и Сальвадор)²⁰.

Характерна отставка премьер-министра Абдель Маджида Тиббуна. Он вступил в должность в мае 2017 г., но спустя три неполных месяца был уволен, ибо вскрыл мошенничество своего предшественника и его «сподвижников», например, крупного бизнесмена Али Хаддада. Клань Бутефлики и Хаддада восприняли это как подкоп под их личные интересы. В итоге президент-марионетка заменил Тиббуна на более покладистого Ахмеда Уяхью²¹.

Уяхья представлял Алжир 29 мая 2018 г. на саммите по Ливии в Париже. Возвратившись домой, он сказал, что Алжир не вмешивался в ее внутренний конфликт, ибо сам пережил подобную трагедию. Но, мол, еще в 2014 г. пригласил на праздник 1 ноября (60-летний юбилей восстания алжирцев против Франции) делегатов из враждующих между собой Триполи и Тобрука²².

Кстати сказать, Уяхья выступил 21 июня 2018 г. на собрании руководства Национального демократического объединения с предложением просить Бутефлику баллотироваться в следующем году на новый (пятый) президентский срок, ибо «для Алжира это – выбор в пользу безопасности и стабильности»²³.

Что касается НПО, то их число ныне составляет десятки тысяч, хотя оно постоянно колеблется. Ранее, при конституционно закрепленном однопартийном режиме их было три, но лишь формально неправительственных. Это Всеобщий союз алжирских трудящихся (ВСАТ)²⁴, Национальный союз алжирской молодежи (НСАМ) и

²⁰ Индекс восприятия коррупции. URL: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2017 (дата обращения: 13.06.2018).

²¹ Родился в 1952 г., кабил, профессиональный дипломат, член партии Национальное демократическое объединение (НДО), созданной в 1997 г. Ранее был трижды премьером: в 1995–1998 гг., 2003–2006 гг. и 2008–2012 гг. Возглавлял НДО с 15 декабря 1998 г. до 5 января 2013 г. и старался придать ему максимально светский облик, а накануне парламентских выборов 2007 г. объявил себя «на 150% терминатором», т.е. истребителем террористов (*Видясова М.Ф., Орлов В.В.* Указ. соч. С. 224).

²² Премьер-министр Алжира о кризисе в Ливии // *Dia Algérie*. URL: <http://dia-algerie.com/lalgerie-saluc-resultats-de-conference-internationale-libye-de-paris/> (дата обращения: 09.06.2018).

²³ Algerian prime minister urges Bouteflika to seek fifth term // *Reuters*. 2018. June 21. URL: <https://af.reuters.com/article/africaTech/idAFL8N1TN5TH>

²⁴ ВСАТ был создан в 1956 г. как придаток ФНО; в АНДР почти всегда поддерживал правительственную линию.

Национальная организация муджахидов (НОМ), объединяющая ветеранов освободительной войны 1954–1962 гг.

Нынешние свободные ассоциации, отнюдь не свободны, их лидеров и рядовых членов то и дело привлекают к уголовной ответственности.

Некоторые штрихи развития экономики АНДР

В 2006 г. производство нефти и природного газа составило 98% от всего экспорта Алжира. Казалось, что это наиболее уязвимая сторона его народного хозяйства. Однако это верно в долгосрочной перспективе, если АНДР вовремя не перестроит структуру своей экономики²⁵.

А ныне она остается прежней, и все надежды возлагаются на добывающую промышленность. 3 апреля 2018 г. французская компания Тоталь (Total) втрое увеличила свою газодобычу в Алжире, начала получать газ с нового месторождения, находящегося между городками Тимимун и Адрар, где пробурено 37 производственных скважин. 51% этого проекта принадлежит алжирской госкомпании СОНАТРАК (SONATRACH)²⁶. Это крупнейшая в Африке нефтегазовая компания. Основана 31 декабря 1963 г. с преобладанием французского акционерного капитала, национализирована в 1971 г. Совладелица авиакомпании “Air Algérie”.

Сельское хозяйство является сферой занятости 14% самостоятельного населения страны (против 50% в 1966 г.) и производит около 10% ее ВВП. Подчеркнем, что занятость в аграрном секторе Алжира несколько выше, чем в промышленном, так как нефтегазовая индустрия не трудоинтенсивна. По данным, на конец 2014 г. (более поздних нет), общая безработица составляла там около 10%

²⁵ Усилия на этом направлении делались еще в 1960–1970-е годы, когда президент Хуари Бумедьен бросил лозунг «Посеем нефть, пожнем промышленность». Благодаря этим усилиям был построен металлургический комбинат возле города Аннаба (1969), налажен выпуск тракторов на заводе в Константине (сдан в эксплуатацию в 1973 г.), началось производство вагонов, грузовиков, велосипедов и мотоциклов. Однако сырая нефть доминировала в экспорте. Так, в 1978 г. ее вывоз составил в стоимостном выражении 21 385,6 млн алжирских динаров, а вкуче чугун и сталь, трубы и металлоконструкции – 85 млн (L'Algérie en quelques chiffres 1979. Alger [s.d.]. С. 20).

²⁶ Рост газодобычи в Алжире // Hydrocarbons technology. URL: <https://www.hydrocarbons-technology.com/projects/timimoun-natural-gas-project/> (дата обращения: 09.06.2018).

экономически активного населения, но среди молодежи – почти 25%²⁷. В связи с этим алжирцы вливаются в миграционный поток из Африки в Европу. Но, не желая уподобиться Ливии, т.е. превратиться в «проходной двор» для тысяч чернокожих мигрантов, Алжир в лице его береговой охраны отбрасывает их на свои сахарские окраины. Они усыпаны трупами людей из Нигера, Мали, Гамбии, Гвинеи, Сенегала, Либерии. Некоторые из выживших говорят, что они и не стремились за море, а надеялись найти работу в Алжире²⁸.

Список литературы

1. *Видясова М.Ф., Орлов В.В.* Политический ислам в странах Северной Африки. М., 2008.
2. *Долгов Б.В.* Феномен «арабской весны» 2011–2016 гг. Причины, развитие и перспективы. Тунис, Ливия, Египет, Сирия, Алжир. М., 2017.
3. *L'Algérie en quelques chiffres 1979.* Alger [s.d.].
4. *Kamel Daoud.* Le président Bouteflika, le voleur de printemps // State Afrique. URL: <http://www.slateafrique.com/78291/bouteflika-algeriens-tourment-toujours-en-rond>
5. *Elyas Nour.* Démographie: 39,5 millions d'Algériens, un nombre de naissances record en 2014 // Algérie Focus. 2015. March 28. URL: <https://www.algerie-focus.com/2015/03/demographie-395-millions-dalgeriens-un-nombre-de-naissances-record-en-2014/>
6. *Algeria: Five Years after the Arab Uprisings* // Arab Barometer. April 15. 2017. URL: <http://bit.ly/2mABVBb>
7. *L'armée algérienne 2e plus puissante en Afrique derrière l'Égypte* // HuffPost. URL: http://www.huffpostmaghreb.com/2017/01/11/algerie_n_14100866.html
8. *Аурах Рамдан.* Как генералитет назначает президентов в Алжире при поддержке Франции и США // Politobzor. 2014. 2 мая. URL: <http://politobzor.net/show-20050-kak-generalitet-naznachayet-prezidentov-v-alzhire-pri-podderzhke-francii-i-ssha.html>
9. *Dalia Ghanem-Yazbek.* Limiting Change Through Change: The Key to the Algerian Regime's Longevity // Carnegie Middle-East Center. May 8, 2018. URL: <https://carnegie-mec.org/2018/05/08/limiting-change-through-change-key-to-algerian-regime-s-longevity-pub-76237>
10. Индекс восприятия коррупции. URL: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2017
11. Премьер-министр Алжира о кризисе в Ливии // Dia Algérie. URL: <http://dia-algerie.com/lalgerie-salue-resultats-de-conference-internationale-libye-de-paris/>
12. *Algerian prime minister urges Bouteflika to seek fifth term* // Reuters. 2018. 21 June. URL: <https://af.reuters.com/article/africaTech/idAFL8NITN5TH>
13. Пост газодобычи в Алжире // Hydrocarbons technology. URL: <https://www.hydrocarbons-technology.com/projects/timimoun-natural-gas-project/>
14. Занятость и безработица в Алжире // Algeria Overview. World Bank (31 March 2015). URL: <http://www.worldbank.org/en/country/algeria/overview>
15. *Lori Hinnant.* Women were lying dead, men... Migrants expelled in Sahara // Associated Press. URL: <https://apnews.com/9ca5592217aa4acd836b9ee091ebfc20>

²⁷ Занятость и безработица в Алжире // Algeria Overview. World Bank (31 March 2015). URL: <http://www.worldbank.org/en/country/algeria/overview> (дата обращения: 25.06.2018).

²⁸ *Lori Hinnant.* Women were lying dead, men... Migrants expelled in Sahara // Associated Press. URL: <https://apnews.com/9ca5592217aa4acd836b9ee091ebfc20> (дата обращения: 25.06.2018).

Maria F. Vidiassova

ALGERIA – A BASTION WITH JINNS IN ITS DUNGEON

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article analyses economic and political aspects of Algeria's development against the background of the so-called Arab Spring, reflects on the role of the country's president who had been honored as a man who stopped the civil war by a national accord. However, in the author's perception, the current events resulted in deep social differentiation, the emergence of a new oligarchy, built on a splice of military, bureaucracy and private business. The author portrays some of the Algerian leaders, as well.

Key words: State; Constitution; president; opposition; army; revolt; revolution; secularity; Islam and Islamism.

About the author: *Maria F. Vidiassova* – Doctor of History, full professor, a leading research fellow of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: maria@msu.iaas.ru).

REFERENCES

1. Vidiassova M.F., Orlov V.V. *Politicheskiy islam v stranah Severnoy Afriki*. Isdatelstvo Moskovskogo Universiteta. 2008 (Vidiassova M.F., Orlov V.V. *Political Islam in the countries of North Africa*. Moscow State University Edition. 2008).
2. Dolgov B.V. *Fenomen «arabskoy vesni» 2011–2016. Prichini, razvitie i perspektivi*. Tunis, Liviya, Egiptet, Siriya, Alzir. Moskva: Lenand. 2017 (Dolgov B.V. *Phenome of the «Arab Spring» 2011–2016. Causes, development and perspectives*. Tunis, Libya, Egypt, Syria, Algeria. Moscow: Lenand. 2017).
3. *L'Algérie en quelques chiffres 1979*. Alger [s.d.].
4. *Kamel Daoud. Le président Bouteflika, le voleur de printemps*. State Afrique. Mode of access: <http://www.slateafrique.com/78291/bouteflika-algeriens-tournent-toujours-en-rond>
5. *Elyas Nour. Démographie: 39,5 millions d'Algériens, un nombre de naissances record en 2014*. Algérie Focus. March 28, 2015. Mode of access: <https://www.algerie-focus.com/2015/03/demographie-395-millions-dalgeriens-un-nombre-de-naissances-record-en-2014/>
6. "Algeria: Five Years After the Arab Uprisings". Arab Barometer, April 15, 2017. Mode of access: <http://bit.ly/2mABVBb>
7. *L'armée algérienne 2e plus puissante en Afrique derrière l'Égypte*. HuffPost. Mode of access: http://www.huffpostmaghreb.com/2017/01/11/algerie_n_14100866.html
8. *Aurah Ramadan. Kak generalitet naznachaet prezidentov v Alzire pri podderzhke francii i ssha*. Politobzor. 2. 5. 2014. Mode of access: <http://politobzor.net/show-20050-kak-generalitet-naznachaet-prezidentov-v-alzhire-pri-podderzhke-francii-i-ssha.html> (How generals assign presidents in Algeria with support of France and USA).

9. *Dalia Ghanem-Yazbek*. Limiting Change Through Change: The Key to the Algerian Regime's Longevity. Carnegie Middle-East Center. May 8, 2018. Mode of access: <https://carnegie-mec.org/2018/05/08/limiting-change-through-change-key-to-algerian-regime-s-longevity-pub-76237>
10. Index of corruption transparency perceptions. Mode of access: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2017
11. Algerian prime minister about Libyan crisis. *Dia Algérie*. Mode of access: <http://dia-algerie.com/lalgerie-salue-resultats-de-conference-internationale-libye-de-paris/>
12. Algerian prime minister urges Bouteflika to seek fifth term. Reuters. June 21, 2018. Mode of access: <https://af.reuters.com/article/africaTech/idAFL8N1TN5TH>
13. The grow of gas extraction in Algeria. *Hydrocarbons technology*. Mode of access: <https://www.hydrocarbons-technology.com/projects/timimoun-natural-gas-project/>
14. Employment and unemployment in Algeria. *Algeria Overview*. World Bank (31 March 2015). Mode of access: <http://www.worldbank.org/en/country/algeria/overview>
15. *Lori Hinnant*. Women were lying dead, men... Migrants expelled in Sahara. Associated Press. URL: <https://apnews.com/9ca5592217aa4acd836b9ee091ebfc20>

С.А. Кириллина, В.В. Орлов

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
СПЕЦИФИКА ШЕРИФСКОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ
В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ (XVI–XIX вв.)¹**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье на примере Египта и Марокко намечена историческая ретроспектива политико-экономических взаимосвязей между правящими кругами арабских земель и влиятельными кланами потомков пророка Мухаммада (шерифов), проживавших в Северной Африке начиная с раннего Средневековья. Показаны причины союзнических отношений между властными структурами и шерифскими семьями. Рассматриваются характерные черты социально-экономического функционирования благочестивых пожертвований (вакфов) и земельных пожалований (азибов), предоставлявшихся в пользу шерифов, а также исторические и культурные предпосылки тяготения вакуфных и азибных угодий к статусу частной собственности. Авторы прослеживают этимологию понятия «азиб» и показывают, что его семантическое наполнение исторически обусловлено существованием полукочевых лагерей-стоянок на скотопрогонных путях. Особое внимание уделено правовому положению населения земель, выданных в вакфы и азибы, а также факторам хозяйственной результативности этих хозяйственных единиц. На конкретных примерах разъясняется преемственность и стабильность в их развитии. Рассмотрены причины типичного для марокканской (но не египетской) истории превращения вакфов в азибы.

Ключевые слова: поземельные отношения; пожалования; Египет; Магриб; провинциальные элиты; шерифы; Османская империя; Сааиды; Алауиты.

Кириллина Светлана Алексеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: s.kirillina@gmail.com).

Орлов Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН (e-mail: alsavlor@post.ru).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «История и культура стран Востока: межцивилизационные контакты».

Жизнь арабо-мусульманских обществ с раннего средневековья была наполнена духовным и политическим влиянием локальных исламских деятелей. В наборе традиционных ценностей, окружавших жителя Северной Африки с детства, непротиворечиво сходились полужызыческая вера в сверхъестественное могущество «святого» (*мурабита*), потомка пророка Мухаммада (*шерифа*) и суфийского наставника (*шейха*). Это замечание справедливо как для Османского Египта, так и для Дальнего Магриба (Марокко), где с XVI в. у власти стояли шерифские династии Сааидов (1510–1659) и Алауитов (с 1640-х гг.).

Шерифы традиционно занимали привилегированное положение в североафриканских обществах в силу своего благородного происхождения. Превосходство шерифского достоинства основывалось не на материальном благосостоянии или на месте в социальной пирамиде, а на закреплённой в божественном откровении безоговорочной необходимости благоговейного отношения к персоне основателя ислама. Как следствие, мусульманское общество признавало необходимым почитание его внуков, правнуков и т.д.² Потомки Пророка, лидеры мистических братств и местные «святые» – в сотрудничестве или соперничестве друг с другом – предопределяли динамику политической ситуации в Египте и Марокко³.

На протяжении XVI–XIX вв., как египетские паши и мамлюкские беи, так и марокканские монархи неизменно поощряли лояльные и союзнические настроения среди потомков Пророка. Шерифские повелители Марокко придерживались стратегии поддержки шерифских семейств⁴. Временами марокканские государи даже рас-

² См.: *Кириллина С.А.* Шерифы Османского Египта в системе традиционных общественных связей // Восток и Россия: взгляд из Сибири. Материалы и тезисы докладов к научно-практической конференции. Иркутск, 16–18 мая 1996 г. Иркутск, 1996. С. 98–101. Встречающееся в литературе определение шерифов как «религиозной аристократии» (*Winter M.* The Ashraf and Niqabat al-Ashraf in Egypt in Ottoman and Modern Times // *Asian and African Studies*. 1985. Vol. 19. № 1. P. 25) грешит преувеличением, поскольку к шерифам могли принадлежать как представители высших слоев, так и лица купеческого звания, ремесленники и феллахи. См.: *Кириллина С.А.* Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000. С. 64–65; см. также: *Орлов В.В.* Шерифство как фактор общественной жизни Алауитского Марокко (XVII–XIX) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2015. № 1. С. 3–20.

³ Об историографии современных исследований религиозно-общественных явлений в афро-азиатском мире см.: *Сафронова А.Л.* Традиционные направления и новые тенденции в деятельности исторического отделения ИСАА МГУ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2016. № 2. С. 8–19.

⁴ Политический успех ранних султанов Алауитской династии основывался главным образом на союзах с влиятельными провинциальными шерифами, служи-

считывали на финансирование со стороны влиятельных шерифов, которые успешно собирали дань со «своих» территорий⁵. Впрочем, египетские власти также не были генетически чужды Пророку. Правящая элита Османского Египта в XVI–XIX вв. нередко пополнялась за счет турко-османских наместников и военно-государственных деятелей шерифского происхождения⁶.

Восприятие рядовыми мусульманами шерифов как заступников перед Аллахом оказало глубокое воздействие на налогообложение и подходы к выдаче земельных угодий в Северной Африке. В Османском Египте шерифы пользовались землями и имуществом духовных мусульманских организаций (*вакфами*), переданными им с благотворительной или религиозной целями, не подлежащими отчуждению и пользовавшимися налоговыми и правовыми льготами. Существовала даже особая категория египетских вакфов, доходы с которых предназначались для распределения среди носителей шерифского достоинства. Как свидетельствуют изыскания египетской исследовательницы Афаф Лутфи ас-Сейид Марсо по документам об учреждении вакфов (ед.ч. *вакфийа*), видные шерифы Египта проявляли немалый интерес к земельной собственности. Например, в вакфийу 1803 г., суммировавшую собственность шейха Шамс ад-Дина Мухаммада Абу-л-Анвара ас-Садата (ум. в 1813 г.), входили обширные сельскохозяйственные земли, рассеянные по всему Египту, сады с плодовыми деревьями, пальмовые насаждения, водоподъемное сооружение (*сакийа*) с колодезем⁷. Шерифы в Османском Египте XVIII в. нередко получали значительный доход от земель, налоги с которых находились на откупе (*илтизамов*). Так, к числу крупных откупщиков-*мултазимов* относился основатель

телями ислама и племенными группами. См.: Соловьева Д.В. Джихад в Марокко: инструмент легитимации власти ранних Алауитов (XVII–XVIII вв.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2017. № 2. С. 48–62.

⁵ Это положение дел в Магрибе XVI–XVIII вв. во многом напоминает эпоху бейликов в Малой Азии (XIII–XIV в.), когда основу вооруженных сил бейликов составляли племенные ополчения, а в руках влиятельных родов находились даже частные земельные владения (*мулк*). См.: Мейер М.С. Турция // Очерки истории исламской цивилизации / Кобищанов Ю.М., Ванина Е.Ю., Дафтари Ф. и др. Коллективная монография: В 2 т. / Под общ. ред. Ю.М. Кобищанова. М., 2008. Т. 2. С. 446, 449.

⁶ Winter M. The Islamic Profile and the Religious Policy of the Ruling Class in Ottoman Egypt // Israel Oriental Studies. 1980. Vol. 10. P. 139–140; см. также: Ацамба Ф.М., Кириллина С.А. Религия и власть: ислам в Османском Египте (XVIII – первая четверть XIX в.). М., 1996.

⁷ Marsot A.L.S. The Ulama of Cairo in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // Scholars, Saints and Sufis. Muslim Religious Institutions in the Middle East since 1500 / Ed. by N.R. Keddie. Los Angeles; Berkeley, 1972. P. 153.

настоящей «улемской династии» шейх Мухаммад ал-Махди (ум. в 1815 г.). Его обширные поместья раскинулись в провинциях Бухейра, Минуфийя, Гиза, Гарбийя и Файюм⁸. Упомянутый выше шейх Мухаммад Абу-л-Анвар ас-Садат был не менее крупным держателем илтизамов, в основном расположенных в Верхнем Египте (ас-Саиде) и провинции Кальюбия.

В раннем шерифском Марокко (XVI в.) сохранялась средневековая схема выдачи якобы служебных земель, когда племенные вожди, добившиеся власти в провинциях де-факто, получали от государства признание де-юре и «обретали» свои земли в пользование под видом *икта* *харадж*⁹. Однако начиная с середины XVI в. шерифская верхушка активно пользовалась исключительными привилегиями, утвержденными султаном. Важнейшее место среди них по праву занимали земельные пожалования нового типа (*азиб*), сопряженные с широким набором прав и преференций.

Этимология понятия «азиб» представляется здесь показательной. Это слово обозначает в арабском языке мелкое селение, отдаленное от деревни (аналог европейской мызы или хутора). Арабский корень *عزب* *'a-з-б* содержит семантику отдаленности, разнесения предметов или явлений в пространстве¹⁰. Селение-азиб в своем старинном смысле служило полукочевникам временной стоянкой в ходе перегона скота. В Марокко XVI–XIX вв. это слово стало обозначать земельную собственность, которой владел шериф.

Эта перемена как представляется, предопределялась экономическими причинами. В полупустынных и гористых районах Дальнего Магриба пользователями хуторов-азибов были неженатые молодые люди (*'азаба*), покинувшие стоянки своего племени¹¹. Стремясь воз-

⁸ *Ал-Джабарти, Абд ар-Рахман*. Египет под властью Мухаммада Али (1806–1821) / Пер. с араб., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. М., 1963. С. 519.

⁹ Араб. букв. «налоговое пожалование», когда держатель пожалования получал фиксированную сумму из казны, а не собирал налоги с пожалованной территории самостоятельно. Это явление в историографии Магриба справедливо называется «племенные икта». См.: *Видясова М.Ф.* Социальные структуры доколониального Магриба. Генезис и типология. М., 1987. С. 119–128.

¹⁰ *Berque J.* Sur un coin de terre marocaine: seigneur terrien et paysans // *Annales d'histoire économique et sociale*. 1937. № 45. P. 228. Смысловые значения корня *عزب* *'a-з-б* также свидетельствуют об этом: «быть далеким от...», «быть холостым», «ускользнуть», «упускать [из вида]» и т.д.

¹¹ В последние годы в историографии ближневосточного региона все больше внимания обращается не только на экономическую значимость, но и на геостратегическую ценность горных и полупустынных земель в арабском мире. См., например: *Дербенёв А.С.* Международная обстановка в Аравии накануне Второй мировой войны // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 3. С. 67–68.

местить свое приниженное положение чужестранцев, население этих транзитных стоянок обычно просило о покровительстве влиятельных шерифов. Взамен они выплачивали шерифам подати, включая коранические *закят* и *ушр*. Со временем полукочевые стоянки превращались в стационарные селения (*дуары*), а их жители оседали на землю и занимались полеводством, огородничеством и т.п. Со времен Саадидов местные шерифы обращались в столицу с целью узаконить свои хозяйственно-финансовые связи с азабами. В ответ султанская канцелярия оформляла для шерифов права пользования азибными владениями и авторизовала их как законных получателей выплат от населения¹².

Наглядным примером крупных шерифских владений может служить «азибная империя» шерифского дома ал-Ваззани. Этот многочисленный и сплоченный клан потомков Пророка, ставший в 70-е годы XVII в. основой суфийского братства ал-Ваззанийя, обладал фактически безраздельной властью в северомарокканском городе Уэззан и его окрестностях¹³. Святость города в значительной степени избавляла население от произвола со стороны султанов, а освобождения от налогов, которыми располагал дом ал-Ваззани, способствовали редкостной для Марокко стабильности экономического развития региона¹⁴. В первой трети XVIII в. Уэззан стал заметным религиозным и торговым центром. Клан шерифов владел множеством домов, ремесленных мастерских, караван-сараев, мельниц, торговых рядов, бань, складов и прочей недвижимости – как в Уэззани, так и в Фесе, и Танжере. Шерифам также принадлежали

¹² Villes et tribus du Maroc. Documents et renseignements. Rabat et sa région. Т. 4. Р., 1920. Р. 54.

¹³ По данным колониальных источников, большинство крупных племен Гарба, Рифа, Саиса и других провинций севера Марокко (хлотт, тлик, рхона, гезауа, бени местара, бени месгуилда) почитали завийу Уэззан и объявляли себя ее служителями. Большая часть их владений передавалась султанским правительством в азиб этого влиятельного шерифского семейства (см.: Villes et tribus du Maroc. Rabat et sa région... Т. 4. Р. 119, 264, 273, 284, 296).

¹⁴ Регион Уэззана считался богатейшей местностью в Марокко XVIII–XIX вв. Испанский разведчик Али-бей ал-Аббасси (Доминго Бадиа-и-Леблих), выполнявший свою миссию в Марокко в 1803–1804 гг., писал об Уэззани: «Я нигде, ни в одном районе страны, не видел такого многочисленного и откормленного скота и столь красивых домов» (см.: [Ali-Bey el-Abbassi]. Voyages d'Ali-Bey el-Abbassi en Afrique et en Asie pendant les années 1803, 1804, 1805, 1806 et 1807. Т. 1, Р., 1814. Р. 352–353). Коллега Али-бея, наполеоновский офицер Антуан Бюрель отмечал в 1808 г., что в Уэззани «царила атмосфера святости и достатка, которую нельзя увидеть в местах, открытых капризам суверенов Марокко» (см.: [Burel]. Mémoire militaire sur l'Empire de Maroc // Caillé J. La mission du capitaine Burel au Maroc en 1808. Р., 1953. Р. 99).

соляные копи, приносившие крупные доходы. Главная обитель братства – завийа Уэззан – распоряжалась податями с населения города (8 тыс. человек в начале XIX в.), большими садами, апельсиновыми и оливковыми рощами, виноградниками, посевами пшеницы, пастбищами, лесными массивами, окружавшими город¹⁵.

Сведения об азибах Уэззана позволяют выделить параметры собственности, на которую признавались права держателя азиба. В дахирах в качестве предмета пожалования упоминается земля, а также находящиеся на ней селения, их жители, производимая ими сельскохозяйственная продукция и все налоговые доходы с территории, включая *ушр* и *закят*, которые пользователь азиба мог собирать и распределять самостоятельно. Впрочем, азиб был гибким экономическим инструментом: суверен мог также предоставить шерифам ограниченные пожалования. В марокканской практике встречаются дахиры, позволявшие распоряжаться продукцией азиба без права владения его землей и распоряжения делами его жителей. Другие дахиры жаловали только доход от сбора местных и религиозных налогов без пользования землями, а в некоторых случаях султан мог формально пожаловать в азиб жителей земли, уже принадлежащей шерифу¹⁶.

В азибных «поместьях», как правило, отсутствовало внешнее регулирование сельскохозяйственной деятельности. Азабы вели хозяйство так, как считали нужным, и выплачивали, согласно личным договорам с пользователем азиба, различные подати (*ушр* с земли, *закят* со скота), а также своеобразную арендную плату в полунатуральной форме. Например, по одному из азибных договоров каждый глава семьи азабов обязывался поставлять шерифу одного барана к мусульманскому празднику *ал-‘ид ал-кабир*, должное количество цыплят к каждому *маусиму* и небольшую денежную сумму ежегодно¹⁷.

В Марокко промежуточным звеном между государственным и азибным земельным фондом выступал вакф (в местной традиции

¹⁵ Cat E. L'islamisme et les confreries religieuses au Maroc // Revue des deux mondes. P., 1898. Vol. 149. 2-eme Livr. P. 390.

¹⁶ Lazarev G. Les concessions foncieres au Maroc. Contribution a l'étude de la formation des domaines personels dans les campagnes marocaines // Annales marocaines de sociologie. Rabat, 1968. P. 117–118.

¹⁷ Berque J. Sur un coin de terre marocaine... P. 230. *Маусим* – сезонное сельское празднество и ярмарка, посвященные памятным датам жизни местных шерифов, «святых» и суфийских братств.

хабус). Любопытно, что в роли учредителя вакфа, в дальнейшем переходящего в статус азиба, как правило, выступала община, а не государство. Султаны часто лишь *post factum* признавали азибом территории и участки земли, обрабатываемые совместным трудом крестьян и добровольно предоставленные в пользу шерифа, суфийского шейха или мурабита. Подобные дарения земли общиной были популярны как по возвышенным, так и по меркантильным причинам, поскольку все служители ислама, а особенно шерифы, считались на селе обладателями магической религиозной силы (*барака*), благоприятной для урожая и скота¹⁸.

* * *

Шерифское землепользование явилось неотъемлемым элементом исторического опыта предколониальной Северной Африки. Оно, подобно капле воды, сфокусировало многие аспекты земельной политики как османского, так и саадидского и алаутского государств (соотношение государственного и частного достояния; положение земельного собственника в общественной структуре; возможности защиты подданными собственности от посягательств государства, воздействие общинных традиций на распределение земель и мн. др.). Столетия практики пользования вакфами и азибных пожалований оказали заметное влияние как на экономические структуры Северной Африки, так и на стереотипы сознания простого народа и правящих кругов. Если в Египте османские паши и мамлюкские беи видели в шерифах полезных (хотя и потенциально нелояльных) посредников в управлении подданными, то в Марокко султаны-шерифы основывали на провинциальных кланах сородичей свои неформальные сети влияния. Безопасное существование вакуфных наделов под эгидой шерифского престижа или островков «азибного благоденствия» среди территорий, разоряемых междоусобицами, способствовало стабилизации традиционной экономики и подъему благосостояния отдельных районов Северной Африки. Уникальная позиция шерифов – представителей провинциальной элиты, авторитетных для населения, но внешне не причастных к вертикали власти – дала им возможность сосредоточить в своих руках значительные земельные ресурсы.

¹⁸ О благотворном воздействии *бараки* на сельскохозяйственные труды и природные явления и соответствующих верованиях магрибинцев см.: Орлов В.В. Поклонение силам природы в магрибинском «народном исламе» (XVIII–XIX вв.) // Человек и природа в духовной культуре Востока. М., 2004. С. 221–242.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ацамба Ф.М., Кириллина С.А.* Религия и власть: ислам в Османском Египте (XVIII – первая четверть XIX в.). М., 1996.
2. *Видясова М.Ф.* Социальные структуры доколониального Магриба. Генезис и типология. М., 1987.
3. *Дербенёв А.С.* Международная обстановка в Аравии накануне второй мировой войны // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 3.
4. *Ал-Джабарти, Абд ар-Рахман.* Египет под властью Мухаммада Али (1806–1821). Пер. с араб., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. М., 1963.
5. *Кириллина С.А.* Шерифы Османского Египта в системе традиционных общественных связей // Восток и Россия: взгляд из Сибири. Материалы и тезисы докладов к научно-практической конференции. Иркутск, 1996.
6. *Кириллина С.А.* Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston–Queenston–Lampeter, 2000.
7. *Мейер М.С.* Турция // Очерки истории исламской цивилизации / Кобищанов Ю.М., Ванина Е.Ю., Дафтари Ф. и др. Коллективная монография: В 2 т. Т. 2 / Под общ. ред. Ю.М. Кобищанова. М., 2008.
8. *Орлов В.В.* Поклонение силам природы в магрибинском «народном исламе» (XVIII–XIX вв.) // Человек и природа в духовной культуре Востока. М., 2004.
9. *Орлов В.В.* Шерифство как фактор общественной жизни Алаутского Марокко (XVII–XIX) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2015. № 1.
10. *Сафронова А.Л.* Традиционные направления и новые тенденции в деятельности исторического отделения ИСАА МГУ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2016. № 2.
11. *Соловьева Д.В.* Джихад в Марокко: инструмент легитимации власти ранних Алауитов (XVII–XVIII вв.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2017. № 2.
12. [Ali-Bey el-Abbassi]. Voyages d'Ali-Bey el-Abbassi en Afrique et en Asie pendant les années 1803, 1804, 1805, 1806 et 1807. Т. 1–3. P., 1814.
13. *Berque J.* Sur un coin de terre marocaine: seigneur terrien et paysans // Annales d'histoire economique et sociale. 1937. № 45.
14. [Burel]. Mémoire militaire sur l'Empire de Maroc // *Caillé J.* La mission du capitaine Burel au Maroc en 1808. P., 1953.
15. *Cat E.* L'islamisme et les confreries religieuses au Maroc // Revue des deux mondes. P., 1898. Vol. 149. 2-eme Livr.
16. *Lazarev G.* Les concessions foncieres au Maroc. Contribution a l'étude de la formation des domaines personnels dans les campagnes marocaines // Annales marocaines de sociologie. Rabat, 1968.
17. *Marsot A.L.S.* The Ulama of Cairo in the Eighteenth and Nineteenth Centuries // Scholars, Saints and Sufis. Muslim Religious Institutions in the Middle East since 1500. Ed. by N.R. Keddie. Los Angeles–Berkeley, 1972.
18. Villes et tribus du Maroc. Documents et renseignements. Rabat et sa region. Т. 1–4. P., 1918–1920.
19. *Winter M.* The Islamic Profile and the Religious Policy of the Ruling Class in Ottoman Egypt // Israel Oriental Studies. 1980. Vol. 10.
20. *Winter M.* The Ashraf and Niqabat al-Ashraf in Egypt in Ottoman and Modern Times // Asian and African Studies. 1985. Vol. 19. № 1.

Svetlana A. Kirillina, Vladimir V. Orlov

**SPECIFIC HISTORICAL, CULTURAL AND ECONOMIC
FEATURES OF SHARIFIAN LAND USE IN THE NORTH
AFRICA (XVIth – XIXth Centuries)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article, based on Moroccan and Egyptian examples, offers a historical retrospective of political and economic interactions between the ruling circles of the Arab lands and powerful clans of descendants of Prophet Muhammad (sharifs), which resided in the North Africa since the early Middle Ages. The authors demonstrate the causes of friendly relations between the ruling structures and sharifian families. Typical social and economic conditions for usage of charitable endowments (waqfs) and land grants (azibs), provided to the advantage of sharifs, are also reviewed, as well as historical and cultural background for transformation of waqf and azib lands into private property. The authors trace back the etymology of azib and argue that its semantic content was due to existence of semi-nomad camps on the cattle-pass routes. Special attention is paid to the legal status of population living in waqfs and azibs, as well as factors of economic efficiency of these economic units. The study explores the continuity and stability of their evolution on specific examples. Reasons for development of wakfs into azibs, which remained typical in Moroccan (not Egyptian) history, are also outlined.

Key words: land property assignment; land grants; Egypt; Maghrib; provincial elites; sharifs; Ottoman Empire; Saadi dynasty; Alawi dynasty.

About authors: *Svetlana A. Kirillina* – D. Sc. (History), Professor, Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: s.kirillina@gmail.com); *Vladimir V. Orlov* – D. Sc. (History), Professor, Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; Senior Research Fellow, Centre for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: alsavlor@post.ru).

REFERENCES

1. Atsamba F.M., Kirillina S.A. *Religiya i vlast': islam v Osmanskom Egipte (XVIII – pervaya chetvert' XIX v.)* (Religion and Power: Islam in the Ottoman Egypt [XVIII – First Quarter of the XIX c.]). Moscow, 1996.
2. Vidyasova M.F. *Sotsial'nyie struktury dokolonial'nogo Magriba. Genezis i tipologiya* (Social Structures of the Pre-colonial Maghrib. Genesis and typology). Moscow, 1987.
3. Derbenyev A.S. *Mezhdunarodnaya obstanovka v Araviyi nakanune vtoroy mirovoy voyny* (International Conditions in Arabia on the Eve of World War II). *Lokus: liydi, obschestvo, kulturny, smysly*, 2016. № 3.

4. Al-Jabarti, Abd al-Rahman. *Egipet pod vlast'yu Muhammada Ali (1806–1821)* (Egypt during the Rule of Muhammad Ali [1806–1821]). Per. s. arab., predisl. i primech. Kh. I. Kil'berg. Moscow, 1963.
5. Kirillina S.A. Sherif Osmanskogo Egipta v sisteme traditsionnyh obshchestvennyh svyazey (The Sherif-s of Ottoman Egypt in the System of Traditional Social Relations). *Vostok i Rossiya: vzglyad iz Sibiri. Materialy i tezisy dokladov k nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Irkutsk, 1996.
6. Kirillina S.A. *Islamskie instituty Osmanskogo Egipta v XVIII – pervoy treti XIX veka* (Islamic Institutions of Ottoman Egypt in the XVIII – First Three Decades of the XIX c.). Lewiston–Queenston–Lampeter, 2000.
7. Meyer M.S. Turtsiya (Turkey). *Ocherki istorii islamskoy tsivilizatsii* (The Essays of History of the Islamic Civilization). Kobischanov Yu. M., Vanina E.Yu., Daftari F. A. i dr. Kollektivnaya monografiya v 2-h tomah. Pod obsch. red. Yu.M. Kobischanova. Moscow, 2008. T. 2.
8. Orlov V.V. Poklonenie silam prirody v magribinskom “narodnom islame” (XVIII–XIX vv.) (Worship of the Forces of Nature in the Maghribi “Popular Islam” [XVIII–XIX c.]). *Chelovek i priroda v duhovnoy kulture Vostoka*. Moscow, 2004.
9. Orlov V.V. Sherifstvo kak faktor obshchestvennoy zhizni Alauitskogo Marokko (XVII–XIX) (Sharifism as a Factor of Social Life in Alawi Morocco [XVII–XIX]). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*. 2015. № 1.
10. Safronova A.L. Traditsionnye napravleniya i novye tendentsii v deyatel'nosti istoricheskogo otdeleniya ISAA MGU (Traditional Trends and New Tendencies in the Activities of Historical Branch of ISAA MGU). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*. 2016. № 2.
11. Solovyeva D.V. Djihad v Marokko: instrument legitimatsii vlasti rannih Alauitov (XVII–XVIII) (Jihad: An Instrument of Legitimizing the Power in Alawi Morocco [XVII–XVIII]). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*. 2017. № 2.
12. [Ali-Bey el-Abbassi]. *Voyages d'Ali-Bey el-Abbassi en Afrique et en Asie pendant les années 1803, 1804, 1805, 1806 et 1807*. T.1–3. P., 1814.
13. Berque J. Sur un coin de terre marocaine: seigneur terrien et paysans. *Annales d'histoire economique et sociale*. 1937. № 45.
14. [Burel]. Mémoire militaire sur l'Empire de Maroc. Caillé J. *La mission du capitaine Burel au Maroc en 1808*. P., 1953.
15. Cat E. L'islamisme et les confreries religieuses au Maroc. *Revue des deux mondes*. P., 1898. Vol. 149. 2-eme Livr.
16. Lazarev G. Les concessions foncieres au Maroc. Contribution a l'étude de la formation des domaines personels dans les campagnes marocaines. *Annales marocaines de sociologie*. Rabat, 1968.
17. Marsot A.L.S. The Ulama of Cairo in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. *Scholars, Saints and Sufis. Muslim Religious Institutions in the Middle East since 1500*. Ed. by N.R. Keddie. Los Angeles–Berkeley, 1972.
18. *Villes et tribus du Maroc. Documents et renseignements*. Rabat et sa region. T. 1–4. P., 1918–1920.
19. Winter M. The Islamic Profile and the Religious Policy of the Ruling Class in Ottoman Egypt. *Israel Oriental Studies*. 1980. Vol. 10.
20. Winter M. The Ashraf and Niqabat al-Ashraf in Egypt in Ottoman and Modern Times. *Asian and African Studies*. 1985. Vol. 19. № 1.

А.Л. Сафронова

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КНЯЖЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются вопросы определения политики правительств независимой Индии в отношении князей после интеграции княжеств в доминион Индийский Союз, конструирования имиджа «князей без княжеств» в Республике Индия, выявления реакции княжеского сообщества на политические реалии республиканского развития, типологии путей встраивания потомков княжеских династий в новое общество и судеб княжеских родов в современной индийской республике, основанной на демократических, а не монархических идеалах, отношения индийского общества к новым ролям, которые стали играть княжеские династии в сегодняшней Индии. Статья затрагивает проблемы историко-культурного наследия, исторической памяти, исторического самосознания, тесно связанные с вопросами построения понятия индийской идентичности. Важное место в этом контексте занимают вопросы переосмысления отношения индийского общества к сохраняющимся по сей день княжеским династиям.

Индийские политики, общественные деятели, ученые обсуждают проблемы сохранения и форм бытования традиционных элит Индии в условиях модернизации, проблемы преемственности привилегированных меньшинств, соотношения их с современными социальными и сословными общностями. Являются ли исторически сформировавшиеся сословные общности в Индии реликтовыми группами, изживающими свой статус – «князьями без княжеств», «унесенными ветром», «социальными фантомами» или же они успешно вписались, интегрировались в современную структуру индийского общества, став составной частью ее верхней композитной страты? Растворились ли территории бывших княжеств в новых административных единицах или прежние границы продолжают существовать «в умах» населяющих их людей, продолжающих жить по прежним привычным стереотипам?

Ключевые слова: Индия; индийские княжества; князья; интеграция княжеств; традиционные элиты; княжеское наследие.

Сафронова Александра Львовна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Южной Азии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: al-safr@yandex.ru).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «История и культура стран Востока: межцивилизационные контакты».

Определение роли наследия индийских княжеств в формировании понятия общенациональной идентичности в процессе государственного строительства в Республике Индия, где традиционные ценности рассматриваются как неотъемлемая составная часть единой культурно-цивилизационной основы, занимает важное место как в трудах современных исследователей, так и в размышлениях политиков и общественных деятелей страны. Историко-культурные традиции индийских княжеств на протяжении независимого развития использовались в государственной политике по-разному: и как объект критики в период становления основ демократии и секуляризма, и как скрепляющее начало, призванное обеспечивать сохранность национальных традиций в условиях глобализации.

Составной частью этой проблемы является и тема конструирования образа «княжеской Индии» в современной историографии: проблемы интерпретации исторического наследия княжеской Индии и ее традиций являются непосредственным отражением и политики властей (политического заказа), и объективного процесса исторических, экономических, социо-антропологических исследований ученых этой ставшей модной темы, обращение к которой позволяет ликвидировать «белые пятна» в истории и повседневной жизни самих княжеств на разных этапах их развития и княжеских династий после интеграции в Индийский союз.

Понятие «княжеская Индия» в его современном прочтении окончательно сформировалось во времена королевы Великобритании Виктории, провозглашенной императрицей Индии в 1876 г. и «кануло в Лету» в процессе обретения Британской Индией независимости в 1947 г. и интеграции княжеств Индостана в доминионы Индийский союз и Пакистан. К середине XX в. – моменту обретения независимости территориями, входившими в состав Британской Индии, – индийские княжества занимали 45% южноазиатского субконтинента, а население всех княжеств (их насчитывалось около 600) подходило к 100-миллионной черте. Система управления в княжествах имела свою специфику, связанную с развитием концепций традиционных форм государственной власти, освященных религиозными институтами – индускими, мусульманскими, сикхскими – в зависимости от вероисповедания князя и его двора. Традиционалистские представления о роли религии в государстве, существовавшие в княжествах, отличались как от светских демократических идеалов

власти, присущих Индийскому национальному конгрессу (ИНК), так и от идеи демократической государственности, опиравшейся на представителей религии большинства, как у Мусульманской лиги (МЛ). Раздел Британской Индии остро поставил вопрос о княжествах. Закон о независимости предоставлял княжествам право войти в состав одного из двух образующихся доминионов. Княжествам, таким образом, предстояло вступление либо в Индию, строящую свою политику на секулярных основах, либо в Пакистан, задуманный как государство для мусульман Южной Азии, т.е. в страны с различно складывавшимися политическими системами. Вхождение княжеств в Индию или Пакистан, согласно положениям Закона о независимости, зависело от волеизъявления их правителей и проходило в основном по конфессиональному принципу. В период с 1947 по 1949 г. более 500 княжеств присоединились к Индии (остальные вошли в состав Пакистана)². Преемственность и традиционализм как доминирующие тенденции во внутреннем развитии княжеств столкнулись с бурным переустройством индийского общества, стоящего на пороге кардинальных перемен. Процесс интеграции княжеств, таким образом, был связан не только с непосредственным присоединением их территорий к Индийскому союзу, но и с принципиальным преобразованием системы управления: на смену традиционному княжескому правлению приходили демократические институты власти. Интеграция не только перекроила границы между государствами и внутри них, но и изменила представления о государственном устройстве у населения княжеств. Не случайно, многие индийские историки приравнивают ее к «революции».

В то время как 1947 г. знаменовал обретение статуса доминиона для Индии, он стал символом «потери независимости» для правителей княжеств, которые были позиционированы национальным правительством в индийском обществе как противники деколонизации и прогрессивных реформ. Наиболее драматичная судьба досталась тому поколению княжеских династий, на долю которых выпали завершающий период национально-освободительного движения, обретение независимости Британской Индией, раздел ее на Индийский Союз и Пакистан, интеграция княжеств в один из двух доминионов и начальный период национального строительства. Их

² Подробнее см.: *Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л.* История Индии. М., 2010.

потомков же, оставшихся в Индии, впоследствии ожидало интегрирование в новую индийскую политическую элиту и использование в качестве своеобразного «бренда», олицетворяющего национальное историческое своеобразие страны.

На фоне роста идей секулярной государственности в первые десятилетия постколониального развития, в общественном сознании было сформировано негативное отношение к князьям как носителям религиозного обскурантизма и противникам модернизации. Тон был задан работами политических лидеров независимой Индии Дж. Неру, Р. Прасада, А.К. Азада, В. Пателя³. Характеристика, данная Дж. Неру ситуации в княжествах накануне предоставления Индии независимости, стала эталонной: «Застой, болото, ... становится душно и трудно дышать в затхлой атмосфере невежества и апатии ...»⁴ Установился штамп, редко ставившийся под сомнение, о том, что «княжества были обречены самим историческим процессом»⁵. Несмотря на более гибкую позицию М.К. Ганди в отношении князей⁶, общий настрой лидеров национально-освободительного движения и отцов индийской независимой государственности определялся идеями ниспровержения княжеского статуса и осмеяния устоев княжеской придворной жизни.

На книжных полках можно было увидеть литературу, в которой князья изображались вне научно-академического поля: зловеще или карикатурно – либо как исчадия ада и олицетворения зла, либо как умственные деграданты и вырожденцы на почве кровосмешения – частых кросс-кузенных браков – и постоянного злоупотребления опиумом (работы У. Паднис, В.П. Менона, Л. Коллинза и Д. Лапьера и др.)⁷. Им приписывались все возможные человеческие пороки и извращения. Гротескно-сатирические характеристики князей стали их своеобразными «визитными карточками». В бестселлере “Freedom at Midnight” в главе 7 (“Palaces and Tigers, Elephants and Jewels”)

³ См.: *Неру Дж.* Открытие Индии. М., 1999; *Азад А.К.* Индия добивается свободы. М., 1961; *Прасад Р.* Автобиография. М., 1961; *Sardar Patel's Correspondence. 1945–1950.* Ahmadabad, 1974.

⁴ *Неру Дж.* Автобиография. М., 1955. С. 553.

⁵ Там же. С. 576.

⁶ *Gandhi M.K.* The Indian States Problem. Ahmadabad, 1941; *Gandhi M.K.* To the Princes and Their People, Karachi, 1942.

⁷ *Menon V.P.* Integration of the Indian States. Madras, 1985; *Phadnis U.* Towards the Integration of the Indian States. 1919–1947. Bombay, 1968; *Collins L., Lapierre D.* Freedom at Midnight. Lnd., 1975.

рассказывается о пресловутой железной дороге, установленной на праздничном столе махараджи Гвалиора для транспортировки в хрустальных вагончиках яств и напитков, которой тот управлял с собственного пульта, лишая по своей прихоти не угодивших ему придворных и гостей возможности отведать понравившиеся им блюда. Из работы в работу кочевал образ сладострастного Бхупиндара Сингха, владельца гарема в 300 жен и покорителя сердец супруг британских чиновников в Индии, который совершал ежегодные ритуальные объезды столицы своего княжества – Патиалы – раздетым донага и увешанным драгоценностями, равными ему по весу. Дж. Дасс, бывший последовательно министром в ряде княжеств и написавший скандально известные мемуары о закулисной стороне придворного бытия, живописал любовные утехы князей⁸.

Характерной чертой стала демонизация образов князей, при этом выбирались самые одиозные примеры, которые экстраполировались на все княжеское сообщество (так, Джай Сингх, махараджа Алвара, изображался как индийский Калигула, Гулаб Сингх, махараджа Ревы, – как пьяница и страстный курильщик опиума, распотрошивший всю казну в угоду своим прихотям, Махабат Расулхан, наваб Джунагадха, – как правитель, абстрагировавшийся от реальных нужд своего княжества и игравший пышные собачьи свадьбы, заказывая любимым питомцам бриллиантовые воротники и диадемы от Картье и т.д.). Между тем были и махараджи с другого «полюса» – талантливые и радеющие о благе подданных, получившие блестящее образование и преподававшие в университетах Индии (Хамидулла Хан (Бхопал) читал лекции в Алигархском университете) и Великобритании (Маюрдхвадж Сингх (Дхрангадхра) не раз приглашался в Оксфорд), участвовавшие в деятельности Палаты князей, созданной в 1921 г. как совещательный орган при вице-короле. Ганга Сингх (Биканер) был первым индийцем, вошедшим в кабинет Ллойд Джорджа. Хамидулла Хан, наваб Бхопала, был первым индийцем-маршалом ВВС. Махараджа Капуртхалы Джагатджит Сингх и упоминавшийся ранее махараджа Патиалы Бхупиндар Сингх были участниками имперских конференций в Лондоне⁹. Их деятельность в работах индийских авторов 1950–1970-х годов не освещалась.

⁸ *Dass J. Maharaja: Lives and Loves of Indian Princes. Bombay, 1969.*

⁹ Подробнее см.: *Паул Дж. Сказочный мир махараджей / Пер. с англ. А.Л. Сафроновой. М., 2005.*

В национальной историографии сложились стереотипные характеристики княжеств как «островков средневековья», отрезанных от мира и чуждых прогрессу, «отстойников исторически отживших форм правления». Вынесением этого вердикта, как правило, ограничивалось большинство авторов, сосредоточивающих свое внимание на изучении опыта развития провинций Британской Индии, с которыми ассоциировались понятия модернизации и динамичного поступательного развития. Взгляд на проблемы развития княжеств в индийском обществе был во многом обусловлен меняющимся отношением к ним британских властей. На это обстоятельство обращает внимание известный исследователь истории княжеских династий Й. Копланд: «В годы Первой мировой войны князья были в зените славы и чувствовали себя неуязвимыми под защитой раджа и обожаемыми своими подданными. Спустя всего 30 лет они были отправлены «на свалку истории». Закат индийских княжеств происходил на фоне заката самой Британской империи (“at the end-game of empire”). Существует представление о том, что княжества были обречены, потому что были монархиями. Но почему тогда выжили монархические системы в соседних государствах и других частях мира? В самом британском обществе происходило крушение имперских идеалов, но королевская власть осталась неприкосновенной, хоть и номинальной. Она сохранялась и в ряде государств Южной и Юго-Восточной Азии (королевство Непал, княжество Бутан, Мальдивский султанат, королевство Таиланд). В традиционной же Индии она была упразднена до конца твердой рукой сразу же по предоставлении независимости. Министр внутренних дел Индии Валлабхаи Патель, ответственный за интеграцию княжеств, был прозван индийским Бисмарком»¹⁰.

После завершения процесса интеграции княжеств в Индийский союз, который в ряде территорий был затруднен, встретил сопротивление, вплоть до вооруженного и был сопряжен с военным вмешательством правительственных войск (в Джунагадхе, Хайдара-

¹⁰ Copland J. The Princes of India in the Endgame of the Empire. 1917–1947. Cambridge, 2002. P. 11. Многие монархии в современном афро-азиатском мире сохранили устойчивость и идентичность. Подробнее см., например: Орлов В.В. Марокко на фоне «арабских революций»: факторы устойчивости власти // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы; материалы конференции «круглого стола». М., 2012. С. 53–56.

баде, Джамму и Кашмире)¹¹. Судьбы бывших князей и их потомков складывались по-разному на протяжении периода независимого развития. Эволюция государственной политики в отношении князей и реакция на нее общества явились отражением этапов развития индийской демократии. Первоначально князьям были установлены пенсии в размерах, пропорциональных их прежним доходам. Многие получали должности *раджпрамукхов*, губернаторов провинций, образованных на территориях бывших княжеств. В 1956 г. после проведения административной реформы должности раджпрамукхов были упразднены. Проведение в стране административной реформы на этнолингвистической основе приводило к разрушению прежних границ княжеств, к «растаскиванию» их по разным штатам. (Например, княжество Хайдарабад оказалось разделенным по нескольким штатам – Карнатака, Андхра-Прадеш, Махараштра.) Это объективно способствовало постепенному лишению князей их властных полномочий не только де-юре, но и де-факто. Однако отдельные князья сохранили за собой места в законодательных ассамблеях штатов, участвуя в электоральном процессе. В 1971 г. были отменены пенсии, а князья объявлены обычными гражданами Индии. Не все сумели вписаться в реалии новой жизни и найти в ней свое место: некоторые из них покинули Индию, эмигрировав в Европу, США, и даже Австралию, как, например, потомки низама Хайдарабада. Однако многие князья продолжали участвовать в политической и общественной жизни Республики Индия.

Политические пристрастия махараджей после завоевания Индией независимости складывались по-разному. Палата князей, представительный орган, объединявший князей в период британского правления (создан в 1921 г.), был расформирован после предоставления независимости. Единой политической организации князей после 1947 г. не возникало. Большинство их противостояло ИНК и поддерживало такие политические партии, как Джана сангх и Сватантра, позднее Бхаратия джаната парти (БДП), однако некоторые князья становились конгрессистами. Современная индийская историография полна примеров участия княжеских родов в общественной и

¹¹ См.: Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л. История Индии. М., 2010; Сафронова А.Л. Южная Азия в макроструктуре Британской империи // Всемирная история: В 6 т. Т. 6: Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций. Кн. 1. М., 2018. С. 551–574.

политической жизни страны. Так, махараджа Джодхпура Ханвант Сингх был другом Джавахарлала Неру. Он был одним из создателей индийской авиации и Неру опирался на его опыт в развитии авиационной промышленности вплоть до его гибели в авиакатастрофе в 1952 г. Амрит Каур, дочь махараджи Капуртхалы, стала министром здравоохранения в правительстве независимой Индии. Напротив, Виджаярадже Синдия, вдова махараджи Гвалиора Дживаджирао Синдия, который был обвинен средствами массовой информации в причастности к убийству М.К. Ганди в 1948 г. на основании его дальнего родства с убийцей – Натурамом Годсе, неоднократно избиралась в парламент от Джана сангх и была почетным членом партии БДП вплоть до своей кончины в 2001 г. По иронии судьбы ее единственный сын Мадхаврао Синдия избрал для себя другой путь и встал на сторону Индийского национального конгресса – той партии, с которой столь яростно боролась Виджаярадже на протяжении всей своей парламентской карьеры. Он был министром путей сообщения в правительстве Раджива Ганди в 1984–1989 гг. Его сестра Васундара Радж вступила в БДП и возглавила в 2003 г. его филиал в Раджастхане. Махарани Джайпура Гайятри Деви была активным деятелем партии Сватантра и была подвергнута тюремному заключению за антиконгрессистскую деятельность. Она проводила пропагандистские собрания в деревнях своего бывшего княжества, призывая крестьян голосовать против ИНК и ее деятельность имела успех. Некоторые бывшие князья выдвигали свои кандидатуры на выборы в центральный парламент и в законодательные собрания штатов как независимые. Махараджа Карни Сингх (Биканер) несколько раз проходил в Лок сабху, а махараджа Патиалы Ядавindra Сингх в законодательную ассамблею Панджаба. Конгресс использовал авторитет ряда лояльных ему махараджей в регионах, где влияние князей оставалось традиционно сильным. Так, сын махараджи Джамму и Кашмира Хари Сингха, присоединившего свое княжество к Индии, Каран Сингх, известный в Индии философ и религиовед, не раз выдвигал свою кандидатуру по конгрессистским спискам, занимал пост губернатора Джамму и Кашмира, равно как и Амариндар Сингх (Патиала), который после победы ИНК в Панджабе в 2001 г. стал главным министром штата. Каран Сингх возглавлял Индийский совет по культурным связям (Indian Council for Cultural Relations, ICCR).

Многие бывшие махараджи и их потомки, хорошо знакомые с этикетом и протокольными церемониями, направлялись на дипломатическую работу, как правило, в должности послов или в качестве представителей Индии в международных организациях (например, Ядавindra Сингх (Патиала) был представителем Индии в ООН, затем послом в Италии, Ман Сингх (Джайпур) был послом Индии в Испании и т.д.); другие занимались предпринимательской деятельностью или туристическим бизнесом, а также музейным делом, переделывая свои дворцы в роскошные отели и музеи (например, махарана Удайпура Арвинд Сингх Мевар). Многие потомки княжеских родов занимаются благотворительной деятельностью¹².

Если в 1947–1950 гг. существовали огромные политические, экономические и культурные различия между территориями бывших провинций Британской Индии и княжеств, а князья в ряде мест отказывались подчиняться законам центральной власти, то за годы развития в рамках единого демократического государства диспропорции стерлись, а оставшиеся в Индии представители княжеских семей нашли в ней свою нишу. Бывшие князья не представляют сплоченной силы, имеющей общие интересы. Они не объединены в отдельные политические партии и выражают свои позиции через участие в той или иной общеиндийской политической организации или торгово-предпринимательском объединении. Другими словами, налицо тенденция к интеграции княжеских родов в современную индийскую политическую элиту, носящую композитный характер, а не формирование альтернативных, оппозиционных структур, называемых в современной политологии «контрэлитами».

Современные процессы глобализации и стирания различий между культурами актуализируют значение наследия традиций княжеской Индии. На рубеже XX–XXI вв. меняется отношение к традиционным элитам в индийском обществе, которые на начальных этапах независимого развития рассматривались правительственными структурами и общественностью как тормоз на пути демократизации. Когда же модернизация пробилась себе дорогу и стала магистральной линией развития общества – необратимой, безальтернативной, неотвратимой, – традиционные элиты, пройдя через период отрицания обществом, в которое они были инкорпо-

¹² См., например: India's Princely States. On the Margins of the History of South Asia / Ed. by B. Pati and W. Ernst. N. Delhi, 2010.

рированы, оказались востребованными национальными силами как защита от вызовов глобализации с ее унификацией традиций духовной и материальной культуры отдельных народов и усредняющим космополитизмом. В поисках «национальной идеи» происходит обращение к традиционным ценностям, к числу которых относится духовное и материальное наследие индийских княжеств, которое начинает восприниматься как общегосударственное историко-культурное достояние. Если первые десятилетия независимого развития, связанные с ниспровержением монархических воззрений и идеи неотделимости государственной власти от религии, отличались преобладанием политического дискурса в обсуждении проблемы княжеств как общественными деятелями, так и исследователями, то впоследствии акцент стал смещаться в сторону дискурса исторического, имеющего значение не с точки зрения решения острых насущных проблем объединения страны, а с точки зрения адекватного изучения ее национальных традиций.

В отношении к князьям и их потомкам стало проявляться ностальгическое начало, связанное с бережным отношением к прошлому страны. Махараджи превратились в своеобразный «бренд» – олицетворение Индии на международном уровне, часть наследия, вызывающего гордость, а княжеские традиции стали трактоваться как национальные обычаи Индии. «Пестование» княжеских традиций как национальных обычаев Индии стало нормой. Княжеские дворцы и замки на туристических буклетах служат для привлечения туристов: наиболее «раскрученным» является Раджастан – здесь действует сеть “Heritage Hotels”, курсирует знаменитый роскошный поезд, пышно декорированный в духе княжеских времен – “Palace on Wheels”. В столицах бывших княжеств жива традиция пышных свадеб потомков махараджей и навабов, привлекающая туристов. На празднествах гуляет весь город. Отель «Империал», оформленный в княжеских традициях, на Джанпатхе в Дели популярен среди богатых туристов. Антиквариат из княжеских дворцов распродается на аукционах в Дели: приобретенные на нем вещи являются модными атрибутами в убранстве домов представителей современного среднего класса Индии. Логотипом кампании «Индиан Эйрлайнс» стал махараджа; даже в индийском «Макдоналдсе» на фоне стандартного меню этого заведения главной «изюминкой» является “Maharaja Chicken Burger”. Традиционные спортивные увлечения

махараджей – крикет, поло, гольф, верховая езда – превратились в популярнейшие национальные виды спорта: Индия любит своих спортивных кумиров княжеского происхождения.

Примета нового тысячелетия – появление огромного количества мемуаров князей и их потомков, министров-диванов и приближенных ко двору¹³, красочных альбомов со старинными дагеротипами конца XIX – начала XX в. и фотографиями из жизни современных княжеских родов, альбомы по ювелирным украшениям, этнической одежде, княжеским интерьерам, коллекциям старинных автомобилей¹⁴, а также литературные произведения, воспроизводящие сюжеты из княжеской жизни (Манохар Малгонкар¹⁵ и др.). Частым явлением стала публикация документов из княжеских архивов¹⁶.

Произошло складывание историографической традиции, адекватно воспроизводящей жизнь княжеств в XX в. Вслед за работами западных историков Б. Рэмьюсак, Й. Копланда, Ч. Аллена появляются труды, созданные такими индийскими исследователями, как Ш. Дживеди, Дж. Паул и П. Капур, Б. Пати¹⁷. Национальная историография пришла к пониманию того, что князья сыграли важную роль в политическом процессе XX в., которая меняет стереотипные представления о сущности происходивших событий периода борьбы за предоставление независимости и современного этапа политической истории Индии: они «вписались» во все важнейшие события и стали важным фактором при разделе и на дальнейших этапах развития индийского общества.

«Князья – не “ряженные”, не “марионетки”, а люди, соединяющие в себе противостоящие друг другу тенденции развития – традиционализм и модернизацию, люди, принадлежащие двум культурам,

¹³ См., например: *Gayatri D. A Princess Remembers: The Memoirs of the Maharani of Jaipur*. Lnd., 1984; *Vijayaraje Scindia. Princess: An Autobiography of the Maharani of Gwalior*. Lnd., 1985; *Karan Singh. Heir Apparent: An Autobiography*. Delhi, 1992; *Natwar Singh. The Magnificent Maharaja: The Life and Times of Maharaja Bhupindar Singh of Patiala*. N. Delhi, 1998.

¹⁴ См., например: *Illustrated Encyclopaedia and Who is Who of Princely States in Indian Subcontinent*. N. Delhi, 2000; *Kumar R. Costumes and Textiles of Royal India*. Lnd., 1999; *Prior C., Adamson J. Maharaja's Jewels*. Ahmadabad, 2001.

¹⁵ *Malgonkar M. The Princes*. N.Y., 1963.

¹⁶ См., например: *Documents and Speeches of the Indian Princely States*. Delhi, 1985.

¹⁷ См., например: *Ramusack B. The Indian Princes and their States*. Cambridge, 2004; *Copland J. The Princes of India in the Endgame of the Empire. 1917–1947*. Cambridge, 2002; *Allen C., Dwivedi S. Lives of the Indian Princes*. Lnd., 1984; *Paul J. The Unforgettable Maharajas*. N. Delhi, 2003.

двум цивилизациям – Востоку и Западу, наделенные смешанными представлениями о сущности богатства, о престиже, о жизненных целях, об образе жизни», – такую характеристику княжескому обществу дает индийский историк Ш. Дживеди¹⁸. В ее исследовании князья предстают активными участниками политического процесса XX в.: особо отмечается их участие в имперских конференциях, в подписании Версальского договора, в деятельности Лиги наций, в подписании Вестминстерского статута 1931 г., в конференциях «круглого стола» в Лондоне начала 1930-х годов, участие княжеских военных контингентов в мировых войнах, деятельность Палаты князей (1921–47 гг.) Расхожее представление об экономической отсталости княжеств сменилось адекватной дифференцированной оценкой их уровня, колеблющегося от высокой планки Гвалиора и Майсура, с их программами индустриализации и модернизации, до осознания того, что отдельные княжества заслуженно именовались «медвежьими углами», чуждыми новым веяниям.

Перед индийскими историками встали вопросы: какими путями формировались индийские княжества, следует ли рассматривать их как творение британцев или как продолжение развития индийской государственности в противовес колониальному устройству британских провинций, следует ли считать «княжескую Индию» тормозом на пути прогресса и модернизации, образцом «неизменной Индии» или как инаковый по отношению к колониальному путь приспособления традиционных структур веяниям времени («модернизация традиционализма»), можно ли ассоциировать прогресс именно с западной моделью развития или же возможна «альтернативная модернизация», какие сходства и различия прослеживаются во внутреннем строе княжеств, управляемых индусскими, сикхскими и мусульманскими династиями? На рубеже XX–XXI вв. наблюдается обращение индийских и зарубежных ученых к социо-антропологическим исследованиям на территориях бывших княжеств, а наряду с появлением новых обобщающих работ растет интерес к региональным исследованиям, так называемым *case studies*¹⁹.

Сбалансированный научный подход формируется в индийской историографии в 1990-е годы и особенно в первые десятилетия

¹⁸ *Dwivedi S.* The Maharaja and the Princely States of India. N. Delhi, 2000. P. 12.

¹⁹ См. сборник статей современных индийских авторов по проблемам развития отдельных княжеств: *India's Princely States. On the Margins of the History of South Asia* / Ed. by B. Pati and W. Ernst. N. Delhi, 2010.

XXI в. Князья становятся объектами серьезного научного изучения как в плане стадийного анализа, так и цивилизационных характеристик. Изучение общественных умонастроений и политической модели поведения значительной части населения, проживающего на территории бывших княжеств и сохраняющих в наибольшей степени склонность к традиционалистским ценностям, безусловно, представляет интерес в плане оценки перспектив развития индийской демократии и определения ее своеобразия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Azad A.K.* Индия добивается свободы. М., 1961.
2. *Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л.* История Индии. М., 2010.
3. *Неру Дж.* Автобиография. М., 1955.
4. *Неру Дж.* Открытие Индии. М., 1999.
5. *Орлов В.В.* Марокко на фоне «арабских революций»: факторы устойчивости власти // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы; материалы конференции «круглого стола». М., 2012. С. 53–56.
6. *Паул Дж.* Сказочный мир махараджей / Пер. с англ. А.Л. Сафроновой. М., 2005.
7. *Прасад Р.* Автобиография. М., 1961.
8. *Сафронова А.Л.* Южная Азия в макроструктуре Британской империи // Всемирная история: В 6 т. Т. 6: Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций. Кн. 1. М., 2018. С. 551–574.
9. *Allen C., Dwiwedi S.* Lives of the Indian Princes. Lnd., 1984.
10. *Collins L., Lapierre D.* Freedom at Midnight. Lnd., 1975.
11. *Copland J.* The Princes of India in the Endgame of the Empire. 1917–1947. Cambridge, 2002.
12. *Dass J.* Maharaja: Lives and Loves of Indian Princes. Bombay, 1969.
13. Documents and Speeches of the Indian Princely States. Delhi, 1985.
14. *Dwiwedi S.* The Maharaja and the Princely States of India. N. Delhi, 2000.
15. *Gandhi M.K.* The Indian States Problem. Ahmadabad, 1941.
16. *Gandhi M.K.* To the Princes and Their People, Karachi, 1942.
17. *Gayatri Devi.* A Princess Remembers: The Memoirs of the Maharani of Jaipur. Lnd., 1984.
18. Illustrated Encyclopaedia and Who is Who of Princely States in Indian Subcontinent. N. Delhi, 2000.
19. India's Princely States. On the Margins of the History of South Asia / Ed. by B. Pati and W. Ernst. N. Delhi, 2010.
20. *Karan Singh.* Heir Apparent: An Autobiography. Delhi, 1992.
21. *Kumar R.* Costumes and Textiles of Royal India. Lnd., 1999.
22. *Malgonkar M.* The Princes. N. Y., 1963.
23. *Menon V.P.* Integration of the Indian States. Madras, 1985.
24. *Natwar Singh.* The Magnificent Maharaja: The Life and Times of Maharaja Bhupindar Singh of Patiala. N. Delhi, 1998.
25. *Paul J.* The Unforgettable Maharajas. N. Delhi, 2003.
26. *Phadnis U.* Towards the Integration of the Indian States. 1919–1947. Bombay. 1968.
27. *Prior C., Adamson J.* Maharaja's Jewels. Ahmadabad, 2001.
28. *Ramusack B.* The Indian Princes and their States. Cambridge, 2004.
29. Sardar Patel's Correspondence. 1945–1950. Ahmadabad, 1974.
30. *Vijayaraje Scindia.* Princess: An Autobiography of the Maharani of Gwalior. Lnd., 1985.

Alexandra L. Safronova

PROBLEMS OF INTERPRETATION OF PRINCELY STATES' HERITAGE IN CONTEMPORARY INDIA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is focused on the problems of defining the governmental policy of the Republic of India towards the former princely territories after their integration into newly created independent state, constructing of the image of “princes without princely states”, revealing the reaction of princely community to republican political system versus the ideals of monarchy. The article traces the destinies of princely dynasties in contemporary India and dwells on the problems of incorporation of their representatives into modern Indian society based on democratic traditions.

The article shows the process of transformation of the attitude of Indian ruling circles to traditional elites of South Asia and reflects changing repercussions of this problem in national historiography. The article raises the questions whether the princely dynasties of India can be measured in terms of “gone with the wind” traditional groups destined to extinction or they managed to become a part of modern composite ruling stratum and what social and political values prevail in the minds of the common population of the former territories of princely states.

Key words: India, Indian princely states, princes, integration of princely states, traditional elites.

About the author: *Alexandra L. Safronova* – Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: al-safr@yandex.ru).

REFERENCES

1. Azad A.K. *India dobivaetsya svobody* (India Wins Freedom). M., 1961.
2. Alayev L.B., Vigin A.A., Safronova A.L. *Istoriya Indii* (The History of India). M., 2010.
3. Nehru J. *Avtobiographiya* (Autobiography). M., 1955.
4. Nehru J. *Otkrytiye Indii* (The Discovery of India). M., 1999.
5. Paul J. *Skazochniy mir maharajey* (The Fabulous World of Maharajas). M., 2005.
6. Orlov V.V. Marokko na fone “arabskih revolyutsiy”: faktory ustoychivosti vlasti. *Protestnyye dvizheniya v arabskikh stranah: predposylki, osobennosti, perspektivy; materialy konferentsii “kruglogo stola”* (Morocco in the Context of “Arab Revolutions”: the Factors of Stability of Power. Protest Movements in Arab Countries: Roots, Specific Features, Prospects; the Materials of Round Table Conference). M., 2012. P. 53–56.
7. Prasad R. *Avtobiographiya* (Autobiography). M., 1961.
8. Safronova A.L. Yuzhnaya Aziya v makrostruktury Britanskoy imperii (South Asia in Macrostructure of the British Empire. *Vsemirnaya istoriya v 6 tomach. T. 6. Mir v XX veke: epocha globalnykh transformatsiy* (The World History in 6 vol. V. 6. The World in XX century.: the Epoch of Global Changes. Book 1). M., 2018. P. 551–574.
9. Allen C., Dwivedi S. *Lives of the Indian Princes*. Lnd., 1984.

10. Collins L., Lapierre D. *Freedom at Midnight*. Lnd., 1975.
11. Copland J. *The Princes of India in the Endgame of the Empire. 1917–1947*. Cambridge, 2002.
12. Dass J. *Maharaja: Lives and Loves of Indian Princes*. Bombay, 1969.
13. *Documents and Speeches of the Indian Princely States*. Delhi, 1985.
14. Dwiwedi S. *The Maharaja and the Princely States of India*. N. Delhi, 2000.
15. Gandhi M.K. *The Indian States Problem*. Ahmadabad, 1941.
16. Gandhi M.K. *To the Princes and Their People*. Karachi, 1942.
17. Gayatri Devi. *A Princess Remembers: The Memoirs of the Maharani of Jaipur*. Lnd., 1984.
18. *Illustrated Encyclopaedia and Who is Who of Princely States in Indian Subcontinent*. N. Delhi, 2000.
19. *India's Princely States. On the Margins of the History of South Asia*. Ed. by B. Pati and W. Ernst. N. Delhi, 2010.
20. Karan Singh. *Heir Apparent: An Autobiography*. Delhi, 1992.
21. Kumar R. *Costumes and Textiles of Royal India*. Lnd., 1999.
22. Malgonkar M. *The Princes*. N.-Y., 1963.
23. Menon V.P. *Integration of the Indian States*. Madras, 1985.
24. Natwar Singh. *The Magnificent Maharaja: The Life and Times of Maharaja Bhupindar Singh of Patiala*. N. Delhi, 1998.
25. Paul J. *The Unforgettable Maharajas*. N Delhi, 2003.
26. Phadnis U. *Towards the Integration of the Indian States. 1919–1947*. Bombay, 1968.
27. Prior C., Adamson J. *Maharaja's Jewels*. Ahmadabad, 2001.
28. Ramusack B. *The Indian Princes and their States*. Cambridge, 2004.
29. *Sardar Patel's Correspondence. 1945–1950*. Ahmadabad, 1974.
30. *Vijayaraje Scindia. Princess: An Autobiography of the Maharani of Gwalior*. Lnd., 1985.

К.М. Тертицкий

КИТАЙСКАЯ КЯХТА¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Топоним «Маймачен», чье возникновение и последующая судьба рассматривается в данной статье, является одним из наиболее известных географических названий, упоминаемых при описании событий истории российско-китайских отношений. Он используется в качестве наименования цинского поселения, располагавшегося на российско-цинской границе напротив Кяхты и Троицкосавска. В XVIII в. эта территория стала центром российско-китайской торговли и местом российско-китайских дипломатических контактов, она многократно описывалась в травелогах и справочниках, упоминалось в словарях и дипломатической переписке. Местной торговле и языковым контактам посвящен целый ряд статей и книг.

Однако история расположенного напротив Кяхты поселения цинских подданных до настоящего времени изучена весьма плохо и даже его название в российских текстах до настоящего времени приводилось неверно. Реальным его китайским названием было не «Маймачен», а «Цякэту», которое так же, как и российское слово «Кяхта», представляет собой трансформированный вариант монгольского топонима «Хиагт». Название же «маймачэн» использовалось в китайском языке для обозначения торговой слободы; «маймачэны» имелись тогда и в других монгольских городах. В случае же с Цякэту этот термин, обозначающий определенную часть города, стал использоваться в качестве названия города в целом. В статье рассматриваются обстоятельства, способствовавшие возникновению этой ситуации, и возникающие при этом ошибки в интерпретации содержания географических и исторических материалов.

Ключевые слова: Кяхта; Маймачен; российско-китайские отношения; Монголия.

Привычные, вошедшие в энциклопедии и учебники названия и даты, имена и события, обычно кажутся не требующими проверки. Более того, при обсуждении того, насколько историческая наука в

Тертицкий Константин Маркович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Китая ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tertitsk@iaas.msu.ru).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова «Восток в истории и культуре России».

принципе способна установить истину, именно они часто упоминаются в качестве некой не вызывающей сомнений основы, к которой затем уже могут прилагаться «субъективные интерпретации». Попытка оспорить их правильность вызывает вполне понятную настороженность. Понимание же необходимости каких-либо уточнений в этом случае возникает довольно редко и, как правило, только при появлении новых материалов или при обнаружении скрытых противоречий в уже известных сведениях. Это относится и к весьма частному сюжету, ставшему предметом рассмотрения в данной статье, – к названию китайского населенного пункта, располагавшегося напротив российской Кяхты на границе между Российской и Цинской империями, и обычно именуемого в отечественных текстах «Маймачен».

Оба этих поселения, российское и цинское, появились там после заключения Кяхтинского договора (1727), в результате чего в эти места была перенесена сначала значительная часть торговли между двумя странами, а потом и почти она вся. Центром российского поселения стал город Троицкосавск, а примыкавшая непосредственно к границе Кяхта получила статус торговой слободы. Свое название она получила по протекавшей там реке Кяхта (от монгольского *Хиагт*). Цинское же поселение в русских источниках стало именоваться *Маймачен*, *Маймачэн*, *Маймачин*, *Маймачины* или *Маймадчины* (часто эти названия писались через дефис: *Май-мачин*, *Май-ма-чен*, *Майма-чен*). При этом иногда пояснялось, что оно представляет собой искаженное воспроизведение китайского слова *маймайчэн* (букв. «торговый город»).

Это название можно встретить в текстах путешественников, дипломатов и синологов XVIII–XX вв. и даже в работах последних десятилетий, включая статьи и книги тех исследователей, чья научная компетентность и профессионализм не вызывают сомнений. Оно также вошло и в справочники. Так, еще в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона» говорилось: «Маймачи(е)н (по-кит. «торговое место») – в Монголии общее название торговых предместий, которые обыкновенно стоят отдельно от городов и обнесены деревянной стеной; в них живут купцы, без семейств. В частности, М. называется кит. слобода, расположенная в Монголии у русской границы, насупротив Кяхты»².

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XVIII: Лопари – Малолетние преступники. СПб, 1896. С. 381.

Внимательно прочитав это объяснение, однако, нетрудно увидеть, что данное название обозначало такую «слободу» не только напротив Кяхты, а использовалось и для обозначения подобных кварталов в других городах. Если мы обратимся к запискам российских исследователей Монголии, то найдем там сведения о маймайчэнах в Урге, Улясутае и Кобдо. Так, А.М. Позднеев, описывая Ургу в работе о городах Северной Монголии в конце 1880-х, поясняет: «В настоящее время Урга состоит собственно из трех отдельных частей: 1) собственно Урги или монастыря, в котором имеет свое местопребывание Чжибцзун дамба; 2) Гандана или той отдельной части, где находятся храмы Гандана, и где живут ламы, изучающие высший курс буддийской догматики; и 3) Маймачэна или торгового города»³. В этой же работе говорится о маймачэне в Улясутае: «...Вся улясутайская торговля имеет свое место в улясутайском маймачэне. <...> Весь маймачен представляет собою группу домиков, численностью не превышающих 150 и расположенных по двум улицам, пересекающим одна другую крест на крест»⁴, а также о маймачэне в Кобдо: «город Кобдо в настоящее время состоит не из одной крепости, но еще и из маймаченя, подобно тому, как это мы уже видели в Улясутае»⁵. В соответствующих разделах текста можно найти и их подробные описания.

Естественно, возникает вопрос о том, почему эти места именуются по названию соответствующих городов, а у пограничного маймайчэна такого названия нет. Ответить на него можно, обратившись к китайским документам того времени. В них поселение у границы имеет свое название и именуется *Цякэту* (恰克图), т.е. словом, которое представляет собой транскрипцию того же монгольского топонима *Хиагт* (*Кяхта*). Именно под этим названием данный населенный пункт фигурировал в китайских географических описаниях, в официальных документах, а также в названиях должностей чиновников и государственных структур. Это слово в китайском языке затем стало также использоваться и для обозначения российской Кяхты, однако в этих текстах оно, как видно из контекста, означало именно цинское поселение.

Так, в цинском географическом своде «Да Цин и тун чжи (Едином описании Великой Цин)» (третья редакция, изд. 1823) Цякэту упоминается в разделе, где приведена следующая информация о

³ Позднеев А.М. Города Северной Монголии // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССVIII (208), 1880. С. 249.

⁴ Там же. Ч. ССXI (211). С. 273.

⁵ Там же. Ч. ССVIII (208). С. 299.

цинских чиновниках этой части Монголии: «Цякэту. В седьмой год Юнчжэн (1729) там создано торговое поселение и послан *сыюань*⁶ Лифаньюаня осуществлять надзор и управлять местными делами»⁷.

Перечень местных китайских коммерсантов (1797) именовался «Реестр лавок и людей в пределах города Цякэту (Цякэту цюань чэн нэй пу ху жэнь мин цин цэ)», а список ответственных лиц стодворок в рамках учетно-надзорной системы *баоцзя* (1799) назывался «Реестр глав *цзя* Цякэту (Цякэту лунъюлю цзятоу цин цэ)»⁸.

Примером официального документа, где говорилось бы о делах в Цякэту, может быть посланное в 1827 г. донесение кулуньского⁹ *баньши дачэн* Юндендоржа и др.: «Что до объема серебра, потраченного на казенные расходы в Цякэту за прошлый и позапрошлый год, то тут имеется пропуск, и доклады об этом не подавались. Прошу передать в соответствующее ведомство и определить меру наказания провинившихся чиновников»¹⁰.

Главой этого поселения, как уже говорилось, считался упомянутый в «Да Цин и тун чжи» чиновник категории *сыюань*, занимавший должность *цякэту чжанцзин* (цякэтуский джангин) и назначавшийся Лифаньюань (Палатой по делам вассальных территорий) на три года¹¹. Иногда, впрочем, этот срок не соблюдался. Так, в импера-

⁶ Термин *сыюань* представлял обобщенное название чиновников цинских ведомств и их подразделений, которое можно условно перевести как «делопроизводитель», считавшееся синонимом термина *сыгуань* (букв. «чиновники из отделов-сы»). В комментариях к цинскому законодательству этот термин, в свою очередь, поясняется следующим образом: «*Сыгуань*. В цинскую эпоху обобщенное название чиновников ведомств. Обозначает служивших в отделах-сы [этих] ведомств. В цинское время под эту категорию попадали чиновники классов *чжунлан*, *юань вайлан*, *чжюши* и мелкие чиновники седьмого ранга, стоящие ниже *чжюши*. *Сыгуань* именуется так, чтобы противопоставить их *тангуань*». См.: Да Цин люй ли тун као сяо чжу (Разыскания и комментарии по Законам и постановлениям Великой Цин). Пекин, 1992. С. 1124. Термином *тангуань* обозначалось высшее чиновничество – глав ведомств, их заместителей, глав административных единиц и т.д.

⁷ Цзяцин чунсю Да Цин и тун чжи (Сводное описание Великой Цин, в новой редакции правления Цзяцин). Цз. 533 (Кулунь. Кэбудо). Т. 194. [Б. м.], 1823.

⁸ Лай Хуймин. Цин чжэнфу дуй Цякэту шанжэнь дэ гуаньли (1755–1799) (Управление торговцами Цякэту цинскими властями (1755–1799) // Нэй Мэнгу шифань дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань). Январь, 2012. Т. 41. № 1. С. 54–55.

⁹ Кулунь – китайское название города, известного в русских текстах как Урга (совр. Улан-Батор).

¹⁰ Цин цзи Мэнгу шилу (Шилу цинского периода о Монголии). Т. 1. Хух-Хото, 1981. С. 120.

¹¹ Лай Хуймин. Цин чжэнфу дуй Цякэту шанжэнь дэ гуаньли (1755–1799) (Управление торговцами Цякэту цинскими властями (1755–1799) // Нэй Мэнгу шифань дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань). С. 50.

торском распоряжении от 19 декабря 1773 г. говорилось: «Баолючжу служит в Цякэту уже шесть лет, следует послать *вайлана* Номохуна на смену, а ему вернуться в столицу»¹².

Таким образом, цинскими чиновниками того времени слово «Цякэту» использовалось как название данного китайского поселения. В цинских документах можно встретить и словосочетание «наша местность Цякэту». Так, в подготовленном в Пекине указе от 9 февраля 1767 г., где говорилось о том, что чиновникам в Монголии следует написать российской стороне (переписка касалась выдачи перебежчиков), имелся такой фрагмент текста, обращенного к российским контрагентам: «не только люди, перешедшие границу и вошедшие в пределы, подведомственные нашим караулам в Хэйлунцзяне, не будут возвращены вам; но и если теперь в нашей местности Цякэту будут люди, пришедшие от вас из России, то и они также не будут возвращены вам»¹³. В другом указе от 18 августа 1768 г., посланном в Монголию, отмечалось: «Сейчас в нашей местности Цякэту торговля с Россией уже запрещена»¹⁴.

Местный маймачэн, таким образом, был «цякэтуским маймайчэном». Как уже говорилось, название Цякэту и российской Кяхты по-китайски записывается одинаково. В результате, некоторые из побывавших там в XIX в. россиян, зная об этом, предпочитали не транскрибировать, а «переводить» это название и Цякэту именовалось «китайской Кяхтой», а местный маймачэн – «кяхтинским Маймаченом». Следует учитывать, что это было время, когда для передачи имен собственных на другом языке помимо транскрипции, транслитерации и перевода, использовались имеющиеся соответствия. При передаче антропонимов это приводило к появлению в русском языке не только британских королей «Георгов» и королевы «Анны», но и «Николая» Никкльби и «Давида» Копперфильда в переводах Диккенса и даже слуги «Ивана» в «Скупом рыцаре» Пушкина. При передаче топонимов такие возможности встречались значительно реже, но и тут мы можем вспомнить, что Том Сойер и Ге-

¹² Цин шилу. Т. 20. Гаоцзун Чуньхуанди шилу (Шилу правления императора Гаоцзуна). Т. 12. Цз. 900–973. Цяньлун 37 нянь чжи 39 нянь (37–39 год правления Цяньлун). Пекин, 1986. С. 815.

¹³ Цяньлун чао маньвэн цзисинь дан и бянь (Собранный архив переводов исходящей корреспонденции на маньчжурском правления Цяньлун). Т. 7. Чанша, 2011. С. 674.

¹⁴ Там же. Т. 8. С. 651.

кельберри Финн в переводе Чуковского жили не в Сент-Петербурге, а в «Санкт-Петербурге».

Аналогичный подход к названию «Цякэту» мы можем увидеть в целом ряде текстов. Так, Г.Н. Потанин отмечал, что «даже кяхтинский Маймачен окружен обширными маковыми плантациями»¹⁵. В работе А.М. Позднеева говорится о почтовой дороге «от Урги до кяхтинского Маймачэна»¹⁶, а затем «кахтинский Маймачен» упоминается в его тексте еще несколько раз¹⁷. Более того, название «Кяхтинский Маймачен» даже вошло в законодательство Российской империи. Так, в «Высочайше утвержденном положении об управлении пограничным городом Троицкосавск, с прилегающими к нему слободами: Кяхтою и Усть-Кяхтою» от 9 февраля 1863 г. устанавливалось, что «для сношения с дзргучеем Кяхтинского Маймачена и для заведывания собственно пограничными делами в Кяхтинской слободе, находится пограничный комиссар»¹⁸.

Можно было бы предположить, что здесь имелась в виду российская Кяхта, однако у некоторых авторов, говорящих о нем, можно встретить упоминания не только о «Кяхтинском Маймачене», но и просто о Кяхте как о китайском или монгольском населенном пункте. Так, И. Майский, много раз упоминавший «Кяхтинский маймачен» в своей книге о Монголии в 1919 г.¹⁹, в одном случае пишет о «монгольской Кяхте», а в другом просто о «Кяхте», также имея в виду населенный пункт в Монголии²⁰.

Отечественные синологи, владевшие китайским языком, высказывались на эту тему еще более определенно. Н.Я. Бичурин, например, в «Записках о Монголии», описав Маймаччен и российскую «Кягту», отмечал: «В Китае и самый Маймаччен называют Кягтою»²¹. В.П. Васильев, в «Открытии Китая» сравнивал «китайскую Кяхту (Маймачен)» и «русскую Кяхту» («Мы не слышали, чтоб в китайской Кяхте (Маймачене) возникали мгновенно и так часто

¹⁵ Потанин Г.Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М., 1950. С. 540.

¹⁶ Позднеев А.М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. 1: Дневник и маршрут 1892 года. СПб, 1896. С. 56.

¹⁷ Там же. С. 9, 10.

¹⁸ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. XXXVIII. Отделение первое. 1863. СПб, 1866. С. 150–151.

¹⁹ См.: Майский И.М. Монголия накануне революции. 2-е изд. М., 1959. С. 88, 94, 102, 162, 166, 190, 192.

²⁰ Там же. С. 212, 279.

²¹ Бичурин Н.Я. Записки о Монголии. Т. 1. СПб, 1828. С. 124.

из простых приказчиков миллионеры, как это случается в русской Кяхте»²².

В документах посольства Головкина (1805–1806) китайская Кяхта называется «кяхтинские китайские Маймачины», а местный чиновник в заглавии документа, переведенного тогда на русский, называется «кяхтинским дзаргучием»²³.

Такое столкновение двух топонимических моделей порой приводило к тому, что читатель или публикатор текста не мог правильно проинтерпретировать приведенные там сведения или видел в них явную ошибку. Так, Г. Цыбиков в своем дневнике за 1909 г. писал: «Встретился в поезде с одним китайцем, служащим в Кяхте на [китайском] телеграфе. Едет с женой. Платье у этой четы китайское, но все дорожные предметы европейские. Говорит, что был в пятимесячном отпуску в Шанхае, Тяньзине и т.п. Владеет немного русским и монгольским языками. В Кяхтинском маймачене <...> прослужил 10 лет»²⁴. В имеющемся примечании к этому тексту говорится: «Кяхтинский маймачен – так называлась прежде торговая часть Кяхты»²⁵, хотя речь в дневнике шла о цинской Кяхте. При публикации же документов посольства Головкина к упоминанию о том, что отправляемые из России письма должны «дождаться» «в Кяхте» возвращения «вана» и «амбаня» (т.е. обоих сановников *баньши дачэнь*, управлявших этой частью Монголии), составители были вынуждены к слову «Кяхте» сделать примечание: «То есть в Маймачене» (док. 153)²⁶. При переиздании в 1950 г. книги Потанина публикаторы сочли необходимым снабдить ее следующим комментарием: «На стр. 578 Потанин пишет, что на Оросоне их встретил монгольский дзанги, высланный навстречу кяхтинским дзаргучеем; здесь, очевидно, Г. Н. Потанин ошибся, так как в русской Кяхте не

²² Васильев В.П. Открытие Китая. СПб, 1900. С. 25.

²³ Русско-китайские отношения в XIX в. Т. 1: 1803–1807. М., 1995. С. 216. Должность китайского чиновника, именуемого по-русски дзаргучеем или дзаргучи, в документах именуется чжургань чжангинь. В связи с этим составители дают следующее пояснение: «в маньчжурских документах данного тома дзаргучи называется “чжургань” и “чжангинь”, что можно перевести как “чиновник из Лифаньюаня” или “министерский чиновник”». В данном случае чжангинь, скорее всего, является маньчжурским аналогом китайского названия уже упоминавшийся должности чжанцзин. См.: Русско-китайские отношения в XIX в. Т. 1. 1803–1807. М., 1995. С. 649).

²⁴ Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. Т. 2. Новосибирск, 1981. С. 120.

²⁵ Там же. С. 213.

²⁶ Русско-китайские отношения в XIX в. Т. 1. 1803–1807. М., 1995. С. 908.

могло быть китайского чиновника, а таковой был в китайском городе Маймачен (Алтан-булак), лежащем против Кяхты, за границей, на монгольской территории»²⁷. Как видно из ранее сказанного, Потанина в данном случае не следовало исправлять. Для порядка следует также отметить, что и отождествлять Алтан-булак (Алтан-Булак) с «Маймаченом» вряд ли следовало. Алтан-Булак был построен после сожжения Цякэту во время событий 1921 г. и расположен не совсем там, где было расположено погибшее поселение. Как отмечал С.Л. Кузьмин, «Кяхтинский Маймачен сейчас представляет [собой] пустырь на окраине г. Алтан-Булак»²⁸. На другой странице той же книги он приводит более подробное описание этого места: «Сейчас на месте Маймачена большой пустырь с заросшими ямами и фундаментами домов, примыкающий к г. Алтан-Булак у границы. Там встречаются куски китайской черепицы, глазурованные кирпичи и т.д.»²⁹

Таким образом, основной причиной того, что цякэтуский маймачэн и весь Цякэту (китайская Кяхта) стал именоваться в России просто «маймачэном», было общее происхождение названий российской Кяхты и китайской Кяхты от одного и того же монгольского топонима Хиагт и использование в китайском языке для их обозначения одного и того же китайского слова *Цякэту*. В результате, судя по всему, часть авторов, видя в текстах о цинской Монголии упоминание о «Кяхте» или «Кяхтинском маймачене», считала, что речь идет о российской Кяхте и китайской торговой слободе напротив этой Кяхты, а маймачэн «китайской Кяхты» и вся она стали считаться просто «маймачэном».

У читателя может возникнуть вполне естественный вопрос: если китайцы использовали название *Цякэту* для обозначения своего поселения, то как же цинские чиновники при этом называли российские Кяхту и Троицкосавск? Судя по всему, установившегося названия для российской Кяхты у них просто не было. Так, китайские купцы именовали российскую Кяхту «передним лагерем» или «передней деревней» (*цянь инцзы*), а Троицкосавск – «задним лагерем» или «задней деревней» (*хоу инцзы*); китайские же чиновники вообще могли в официальном донесении назвать Кяхту или

²⁷ Потанин Г.Н. Указ. соч. С. 626.

²⁸ Кузьмин С.Л. История барона Унгерна. Опыт реконструкции. М., 2011. С. 537.

²⁹ Там же. С. 582.

Троицкосавск просто «русским городом». Так, Делекедоржийн³⁰ и другие 25 октября 1845 г. докладывали, что «в местности, расположенной в северных окрестностях Кяхты, в русском городе произошел пожар»³¹.

Интерес же китайских интеллектуалов к этим местам возник, по-видимому, лишь в середине XIX в., когда Китай начал устанавливать контакты с окружающим миром и осваивать иностранную географическую литературу, однако и тогда они не сразу разобрались в местной топонимике.

В одном из первых новых географических трактатов «Ин хуань чжи люэ» («Описание всего мира», букв. «Описание морей», 1848–1849), принадлежавшем кисти книжника Сюй Цзюя (1795–1873), о Кяхте еще было сказано: «Иэргудэсыкэ (Иркутск), также Эргу[дэсыкэ], расположен к востоку от Кэму[сыкэ] (Канск), земли там очень обширны, дают серебро и свинцовую руду, там также изготавливается пушной товар, и получаемого каждый год свинца и мехов так много, что достаточно для того, чтобы покрыть потребности всей страны. Люди там красивы, наделены очарованием и уделяют большое внимание словесности. На юге ее границы достигают Внешнего Хингана и граничат с двумя аймаками монгольских халхасских ханов – Тушэту-хана и Сэцэн-хана. На южной границе [там] есть город Цзятачэн, это тот, который внутри страны у нас называют Цякэту. Там Китай и русские торгуют друг с другом и кулунский *баньши дачэнь* ведает этими делами. Они привозят меха, мы отправляем чай»³².

Неточность этого описания была очевидна его современникам и уже Хэ Цютао (1824–1862) в сочинении «Шо фан бэй шэн» (сост. 1859, опублик. 1881 г.), представлявшем комментированную подборку сведений о России и северной границе Китая, вынужден был пояснить: «Цзятачэн. Слуга его императорского величества Цютао осторожно изложит существо дело. В “[Ин хуань] чжи люэ” говорится: на южной границе Иркутска есть город Цзятачэн, это тот, который внутри страны у нас называют Цякэту, там Китай и русские торгуют друг с другом. Существо дела в следующем: Цякэту – все-таки китайская земля. На север от Цякэту, примерно в одном *ли* есть место,

³⁰ Делекедоржийн (ум. 1868) в это время занимал должность кулунского *баньши дачэня*.

³¹ Цин цзи Мэнгу шилу (Шилу цинского периода о Монголии). С. 343.

³² Сюй Цзюй. Ин хуань чжи люэ (Описание всего мира). Шанхай, 2007. С. 125.

где русские построили город. Туда назначают старшего управлять [местными] жителями. Это и есть Цзятачэн»³³.

Слово *Цзятачэн* в китайском языке, однако, не прижилось, и в дальнейшем китайские авторы стали обычно использовать слово *Цякэту* для обозначения как китайской, так и российской Кяхты. После революции 1911–1912 годов Монголия постепенно отделилась от Китая, китайские чиновники были изгнаны оттуда или погибли, Цякэту был сожжен и перестал существовать. Возникшие тогда в Китае работы по истории внешних связей погибшей империи во многом стали базироваться не на цинских документах, а на иностранных (западных или российских) публикациях, откуда туда перешло и противопоставление русской «Кяхты» и китайского «Маймачена». При этом авторы часто не затрудняли себя изучением источников.

В этом отношении показательна известная в прошлом «История цинского Китая» Сяо Ишаня, где имеется подобное описание положения дел в этих местах³⁴. Приводится оно там как цитата из книги английского историка Уильяма Кокса (1748–1828). Кокс, в свою очередь, ссылается на путевой дневник С. Паласса³⁵. Сравнение с оригиналом, однако, показывает, что приводимая Сяо Ишанем цитата не соответствует описанию, имеющемуся в нескольких изданиях книги Кокса (книга издавалась четырежды в 1780, 1780, 1787 и в 1804 г.). Прямой ссылки на его книгу у Сяо Ишаня тоже нет. Говорится только, что Кокс «путешествовал в этих местах» (следует пояснить, что на самом деле, Кокс в Сибири не был, а путешествовал только по европейской части Российской империи). Скорее всего, Сяо Ишань взял эти сведения у китайского исследователя Лю Сяомина, который в 1939 г. в журнале «Яньцин сюэбао», выходившем в оккупированном Пекине, опубликовал статью про ранний этап российско-китайской торговли³⁶. В этой статье есть ссылка на третье издание книги Кокса, вышедшее в конце XVIII в., причем с указанием на страницы, выходными данными книги и прочим.

³³ Хэ Цютао. Шо фан бэй шэн (Готовьте колесницы в страну полунощную). Т. 8. Цз. 19. [Б.м.], 1881. С. 51а–51б.

³⁴ Сяо Ишань. Цин дай тун ши (Общая история эпохи Цин). Т. 1. Тайбэй, 1980. С. 770.

³⁵ *Coxe W.* Account of the Russian Discoveries Between Asia and America. To which are added the conquest of Siberia, and the history of the transactions and commerce between Russia and China. L.: Printed by J. Nichols, for T. Cadell, 1780. P. 229.

³⁶ Лю Сяоминь. Чжун-э цзао ци маои као (Разыскания о раннем этапе китайско-российской торговли) // Яньцин сюэбао. № 25. 1939. С. 196.

Цитат там две, однако они, как видно при сличении с оригиналом, не воспроизводят текст книги, а собраны из отдельных предложений и даже частей предложений книги Кокса. Лю Сяоминь этого, фактически, не скрывает, давая ссылку на несколько страниц сразу. Там же есть и упоминание про «путешествие» Кокса. Судя по всему, Лю Сяоминь не разобрался и счел описания путевыми впечатлениями, а Сяо Ишань просто позаимствовал у него цитаты (объединив их при этом в одну). Подтверждает это и тот факт, что данных отрывков нет в ранних изданиях книги Сяо Ишаня: пекинском издании 1923 г. и в шанхайском издании 1931 г. (последнее представляет собой переиздание варианта книги, вышедшего в 1927 г. и, таким образом, их, очевидно, не было и там). Эту же цитату можно встретить еще в нескольких китайских книгах со ссылкой на Сяо Ишаня.

Суммируя уже сказанное, можно сделать следующий вывод: используемый в отечественной литературе топоним «Маймачен» – это экзоним, т.е. название, данное извне. Для местных жителей оно обозначало лишь часть поселения. К причинам, приведшим к такому положению дел, можно добавить плохое знание китайского основной массой жителей российской Кяхты (общение с китайскими купцами происходило у них на местном пиджине), а в дальнейшем – достаточно слабый уровень изученности китайских источников по истории этого аспекта российско-китайских отношений.

Нечто аналогичное А.М. Позднеев писал про Ургу: «Монгольское слово “Örgö”, означающее буквально “дворец”, “ставка важного лица” и измененное русскими в “Урга”, почти неизвестно монголам как имя этого города; оно употребляется в этом значении только европейцами, а из среды монголов его знают разве только те, которые входят в постоянные сношения с русскими. Без сомнения, однако, русские не сами дали Урге это название, и весьма естественно, что монголы в старину звали этот город-монастырь “Örgö”, в отличие его, как местопребывания хутухты, от всех других монастырей Монголии. В настоящее время сами монголы чаще всего называют Ургу ее официальным именем “Да хүрē”, или “Йэхэ хүрē”, то есть, большой курень, в просторечии же зовут “Богдò хүрē” или святой курень, а иногда просто “хүрē”, под каковым словом разумеют они вообще собрание зданий, расположенных кругом, а в частности – всякий монастырь, без сомнения, на том основании, что кельи живу-

ших в монастыре монахов, по закону, должны окружат его кумирни, как они действительно и устраиваются»³⁷.

Кроме того, вероятно, как цинские, так и российские жители этих мест воспринимали именно свое поселение как основное (собственно Кяхту или *Цякэту*), а поселение противоположной стороны – как нечто не вполне самостоятельное, а примыкающее к ней.

В целом в связи со всем сказанным правильнее было бы в соответствующих работах именовать это поселение «Цякэту» или «китайской Кяхтой», а его торговую часть – «цякэтуским маймачэном», снабдив эти топонимы соответствующими пояснениями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Да Цин луй ли тун као сяо чжу (Разыскания и комментарии по Законам и постановлениям Великой Цин). Пекин, 1992. 1145 с.
2. Лай Хуймин. Цин чжэнфу дуй Цякэту шанжэнь дэ гуаньли (1755–1799) (Управление торговцами Кяхты цинскими властями (1755–1799) // Нэй Мэнгу шифань дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань). Январь, 2012. Т. 41, № 1. С. 39–66.
3. Сяо Ишань. Цин дай тун ши (Общая история эпохи Цин). Т. 1. Тайбэй, 1980. 1112 с.
4. Цзяцин чунсю Да Цин и тун чжи (Сводное описание Великой Цин, в новой редакции правления Цзяцин). Цз. 533 (Кулунь. Кэбудо). Т. 194. [Б. м.], 1823. 144 с.
5. Цин цзи Мэнгу шилу (Шилу цинского периода о Монголии). Т. 1. Хух–Хото, 1981. 542 с.
6. Цин шилу. Т. 20. Гаоцзун Чуньхуанди шилу (Шилу правления императора Гаоцзуна). Т. 12. Цз. 900–973. Цяньлун 37 нянь чжи 39 нянь (37–39 год правления Цяньлуна). Пекин, 1986. 1301 с.
7. Цяньлун чао маньвэн цзисинь дан и бянь (Собранный архив переводов исходящей корреспонденции на маньчжурском правления Цяньлун). Т. 7. Чанша, 2011. 781 с.
8. Цяньлун чао маньвэн цзисинь дан и бянь (Собранный архив переводов исходящей корреспонденции на маньчжурском правления Цяньлун). Т. 8. Чанша, 2011. 730 с.
9. Бичурин Н.Я. Записки о Монголии. Т. 1. СПб, 1828. XII+231 с.
10. Васильев В.П. Открытие Китая. СПб, 1900. VIII+164 с.
11. Кузьмин С.Л. История барона Унгерна. Опыт реконструкции. М., 2011. 659 с.
12. Майский И.М. Монголия накануне революции. 2–е изд. М., 1959. 310 с.
13. Позднеев А.М. Города Северной Монголии // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССVIII (208), 1880. С. 238–297.
14. Позднеев А.М. Города Северной Монголии // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССXI (211), 1880. С. 263–318.
15. Позднеев А.М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. 1: Дневник и маршрут 1892 года. СПб, 1896. XXX+696 с.
16. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. XXXVIII. Отделение первое. 1863. СПб, 1866. 942 с.
17. Потанин Г.Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Т. 2. СПб, 1893. XII+437+XXI с.
18. Потанин Г.Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М., 1950. 652 с.
19. Русско-китайские отношения в XIX в. Т. 1. 1803–1807. М., 1995. 1022 с.
20. Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. Т. 2. Новосибирск, 1981. 256 с.

³⁷ Позднеев А.М. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. 1: Дневник и маршрут 1892 года. СПб, 1896. С. 63–64.

21. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVIII: Лопари – Малолетние преступники. СПб, 1896. 500 с.
22. *Coxe W.* Account of the Russian Discoveries Between Asia and America. To which are added the conquest of Siberia, and the history of the transactions and commerce between Russia and China. L.: Printed by J. Nichols, for T. Cadell, 1780. XXII, 344, [16] pp.

Konstantin M. Tertitski

CHINESE KYAKHTA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 11999*

This article is devoted to the problem of the name of the Qing settlement, commonly referred to as Maymachen. The toponym Maymachen was one of the most well-known geographical names mentioned in various texts dedicated to Russian-Qing relations. It was usually used as the name of the settlement, which had been located on the Russian-Qing border on the opposite side of Russian towns of Kyakhhta and Troitskosavsk. In the 18th century this area became the center of Russian-Qing trade and the place, where diplomatic contacts between Russian and Qing governments were conducted. As such, it was repeatedly described in travelogues and reference books, regularly mentioned in dictionaries and diplomatic correspondence; a number of articles and books are devoted to local commerce and language contacts were compiled.

However, the history of the local Qing settlement has been poorly studied to date and even its name has been incorrectly used in Russian texts, which referred to it as “Maymachen”. The real Chinese name of this place was “Qiaketu”, which also, like the Russian word “Kyakhhta”, originated from to the Mongolian toponym “Hyagt”. The name “Maymachen” (or *maimaichen* according to the modern norms of transcription) was used in Chinese for the trade settlements and there were several “maimaichens” in other Mongolian cities. Thus, in the case of Qiaketu, a generic term for a specific part of the town (*maimaichen*) was used as the name of the whole town. The article considers the circumstances that contributed to the emergence of this peculiar situation, and the resulting errors in the interpretation of the content of geographic and historical materials.

Key words: Kyakhhta; Maymachen; Sino–Russian contacts; Mongolia.

About the author: *Konstantin M. Tertitski* – Doctor of History, Head of Department of Chinese history, Institute of Asian and African countries, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tertitsk@mail.ru).

REFERENCES

1. *Da Qing li li tung kao xiao zhu* (Research and Commentary on the Laws and Precedents of the Great Qing). Beijing, 1992. 1145 p. (In Chinese).

2. *Lai Huiming. Qing zhengfu dui Qiaketu shangren de guanli (1755–1799)* (Management of the Kyakhta merchants by the Qing authorities (1755–1799). *Nei Meng shifan daxue suebao* (zhexue shehui kexue ban) January, 2012. Vol. 41, No. 1, pp. 39–66. (In Chinese)
3. *Xiao Yishan. Qing dai tong shi* (General history of the Qing era). T. 1. Taipei, 1980. 1112 p. (In Chinese).
4. *Jiaqing chunxiu Da Qing yi tong zhi* (Comprehensive description of the Great Qing, in the new edition of the Jiaqing board). J. 533 (Kulun, Kebudo). Vol. 194. N.p., 1823. 144 p. (In Chinese)
5. *Qing ji Menggu shilu* (Shilu of the Qing period on Mongolia). T. 1. Hohhot, 1981. 542 p. (In Chinese).
6. *Qing shilu*. T. 20. Gaozung Chunhuangdi shilu (Shilu of Gaozung Chunhuangdi reign). Vol. 12. J. 900–973 (Qianlong 37 nian zhi 39 nian). Beijing, 1986. 1301 p. (In Chinese).
7. *Qianlong chao manwen jixin dan yi bian* (Collected archive of Manchu–language outgoing correspondence during the Qianlong reign The Edited and Translated Manchu Outgoing Correspondence of the Qianlong Reign). Vol. 7. Changsha, 2011. 781 p. (In Chinese).
8. *Qianlong chao manwen jixin dan yi bian* (Collected archive of Manchu–language outgoing correspondence during the Qianlong reign). Vol. 8. Changsha, 2011. 730 p. (In Chinese).
9. *Iakinf* [Bichurin N.Ya.]. Notes on Mongolia. Vol. 1–2. St. Petersburg, 1828. XII+231 p. (In Russ.).
10. Vasilyev V.P. *The opening of China*. St. Petersburg, 1900. VIII+164 p. (In Russ.).
11. Kuzmin S.L. *History of Baron Ungern: An Experience of Reconstruction*. Moscow: KMK Sci. Press, 2011. 659 p. (In Russ.)
12. Maysky I.M. *Mongolia on the Eve of the Revolution*. Moscow: Vostochnaia literatura, 1959. 310 p. (In Russ.)
13. Pozdneev A.M. *The Cities of Northern Mongolia*. Journal of the Ministry of Education. Vol. CCVIII (208), 1880, pp. 238–297 (In Russ.).
14. Pozdneev A.M. *The Cities of Northern Mongolia*. Journal of the Ministry of Education. Vol. CCXI (211), 1880, pp. 263–318 (In Russ.)
15. Pozdneev A.M. *Mongolia and the Mongols. The results of the trip to Mongolia, executed in 1892–1893*. Vol. 1. Diary and Route of 1892. St. Petersburg: publication of the Imperial Russian Geographical Society, 1896. XXX+696 p. (In Russ.).
16. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Second collection. Vol. XXXVIII. Part One. 1863. St. Petersburg, 1866. 942 p. (In Russ.).
17. Potanin G.N. *The Tangut–Tibetan Frontier of China and Central Mongolia*. Vol. 2. St. Petersburg: A.S. Suvorin, 1893. XII+437+XXI p. (In Russ.).
18. Potanin G.N. *The Tangut–Tibetan Frontier of China and Central Mongolia*. Moscow: State Publisher, 1950. 652 p. (In Russ.)
19. *Russian–Chinese relations in the XIX century*. Vol. 1. 1803–1807. Moscow: Nauka, 1995. 1022 p. (In Russ.).
20. Tsybikov G.T. *Selected works*. Vol. 2. Novosibirsk: Nauka, 1981. 256 p. (In Russ.).
21. *The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*. Vol. XVIII. Lopari [Sami people] – Maloletnie prestupniki [Young offenders]. St. Petersburg, 1896. 500 p. (In Russ.).
22. Coxe W. *Account of the Russian Discoveries Between Asia and America*. To which are added the conquest of Siberia, and the history of the transactions and commerce between Russia and China. London, Printed by J. Nichols, for T. Cadell, 1780. XXII, 344, [16] pp.

ПУБЛИКАЦИИ

Д.В. Фролов, И.А. Зарипов

«ПОНИМАНИЕ КОРАНА» МУСЫ БИГИЕВА. Часть 1

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской Академии Наук
107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12*

Настоящая публикация представляет собой введение и первую часть перевода на русский язык комментария к суре «Открывающая» (*Фатиха*) и первым пяти айатам суры «Корова» (*Бакара*) российского мусульманского богослова Мусы Джаруллаха Бигиева (1874–1949), написанного на арабском языке и изданного в 1915 г. в Петрограде под названием «Фикх ал-Кур’ан» (Понимание Корана). Во введении к переводу кратко рассказывается о вкладе богослова в корановедение, его научных связях с известными европейскими и российскими востоковедами, а также методологии толкования. Первая часть перевода включает толкование первых четырех (по другой нумерации – трех) айатов суры «Открывающая» (*Фатиха*), в котором отражена позиция М. Бигиева по проблемам истории Корана, его грамматики и лексики, различий чтений (*кира’ат*), а также его герменевтические рассуждения, представляющие собой синтез реформаторского и мистического подходов.

Ключевые слова: Муса Джаруллах Бигиев; «Фикх ал-Кур’ан» (Понимание Корана); сура «Открывающая» (*Фатиха*); кораническая герменевтика; ислам в России.

Введение

Знаменитый английский востоковед Артур Джеффри (1892–1959) в предисловии к своему фундаментальному труду “Materials for the history of the text of the Qur’an: the old codices” (Материалы по исто-

Фролов Дмитрий Владимирович – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой арабской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dvfrolov@yandex.ru).

Зарипов Ислам Амирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института Востоковедения РАН (e-mail: islamzarif@gmail.com).

рии текста Корана: ранние своды) выражает особую благодарность за помощь в изучении древних коранических сводов и предоставлении ценных сведений по редким чтениям (*shādhah qira'āt*) двум мусульманским ученым – шейху Сайиду Наввару из Каира и Мусе Джаруллаху Ростовдони из Казани¹.

С большим уважением к последнему относился и немецкий ориенталист Отто Претцель (1893–1941), который называл его крупнейшим современным знатоком Священного Писания мусульман и хотел пригласить его на работу в Мюнхенский институт Корана, созданию которого помешала начавшаяся Вторая мировая война².

Хорошо знали его и отечественные востоковеды из числа современников. Так, например, академик В.В. Бартольд (1869–1930), будучи в 1912–1913 гг. редактором журнала «Мир ислама», посвятил этому татарскому богослову несколько статей, а также написал рецензию на его книгу «Шари'ат асаслары» (Основы шариата). Эта рецензия, хотя и не была опубликована, сохранилась в его архиве. В ней, помимо положительной оценки самого труда, основатель отечественной школы ориенталистики отмечает мастерство пера и прогрессивность автора, а также то, что «его собственное мышление определяется не столько мусульманскими традициями, сколько европейским образованием»³. Также известно об обмене книгами между мусульманским мыслителем и академиком А.Н. Самойловичем (1880–1938)⁴.

Муса Джаруллах, больше известный на родине по своей фамилии Бигиев⁵ (1874–1949), является одним из наиболее ярких российских мусульманских богословов, при жизни снискавший славу как в религиозных, так и в научных исламоведческих кругах всего мира.

Получив первоначальное образование в реальном училище Ростова-на-Дону, он в течение 11 лет странствовал в «поисках знаний» по мусульманскому миру. Посетив крупнейшие медресе Каза-

¹ Jeffery A. Materials for the history of the text of the Qur'an: the old codices. Leiden: E.J. Brill, 1937. P. X.

² См.: Гёргез М. Муса Джаруллах Бигиев. Казань, 2010. С. 59.

³ Зайцев И.В. Неизвестная рецензия акад. В.В. Бартольда на книгу Мусы Бигиева «Основы шариата» // PAX ISLAMICA. 2013. № 1 (10). С. 161–166.

⁴ См.: Асватуров А. Книги из библиотеки А.Н. Самойловича в фонде ОНЛ // Библиотечные фонды: проблемы и решения: электрон. журн.-препр. 2003. № 5. Режим доступа: URL: http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag05/1.php?парк=12&id_sec=11#4 (дата обращения: 11.05.18)

⁵ Мы используем принятую в научной литературе форму написания фамилии на русском языке. В то же время в ряде публикаций встречается написание Бигеев.

ни, Бухары, Самарканда, Каира, Хиджаза, Индии и Леванта, в 1904 г. он вернулся в Россию и через год обосновался в Санкт-Петербурге, который приютил его вплоть до вынужденной эмиграции в 1930 г. Здесь он активно занимался общественной деятельностью, публицистикой и богословскими исследованиями⁶.

Научные интересы мыслителя охватывали широкий спектр дисциплин – религиозную философию, историю религий, методологические и практические вопросы права, хадисоведение, арабскую и персидскую литературу, а также другие отрасли мусульманского богословия и востоковедения. Особое место в его изысканиях занимали коранические исследования.

Именно им была посвящена его первая работа «Тарих ал-Кур’ан ва-л-масахиф» (История Корана и его сводов), которая была написана на арабском языке и вышла в 1905 г. в Санкт-Петербурге, а затем, двумя годами позже, была перепечатана в египетском журнале «Ал-Манар»⁷.

В 1908 г. в Казани вышел комментарий М. Бигиева на арабском языке к книге «имама чтецов Корана» (*imām al-qurrā’*) Абу Мухаммада аш-Шатиби (1144–1194) «‘Акилат атраб ал-касаид фи асна ал-макасид», посвященной кораническому правописанию (*rasm al-maṣāḥif*)⁸.

Два года спустя в Оренбурге был издан его комментарий на арабском языке к другой работе этого средневекового автора – «Назимат аз-зухр» (Порядок цветения), посвященной коранической рифме (*fawāṣil*) и счету айатов⁹.

Еще через четыре года, в 1912 г., в Казани вышел комментарий татарского богослова к фундаментальной работе Ибн ал-Джазари (1350–1429) «Ан-нашр фи-л-кира’ат ал-‘ашр» (Описание десяти чтений) под названием «Таййибат ан-нашр фи-л-‘ашр» (Благоуханное описание десяти)¹⁰.

⁶ Более подробно о биографии М. Бигиева см.: *Хайрутдинов А.* Последний татарский богослов. Казань, 1999. 138 с.; *Гәрмез М.* Указ. соч. 169 с.; *Kanlıdere A.* Kadimle Cedit Arasında Musa Cârullah: hayatı, eserleri, fikirleri. İstanbul: Dergâh Yayınları, 2000. 278 s.

⁷ См.: *Джаруллах М.* Тарих ал-Кур’ан ва-л-масахиф. СПб, 1905. 38 с.; *Он же.* Тарих ал-Кур’ан ва-л-масахиф // Ал-Манар. 1907. № 3. С. 187–191; № 4. С. 260–265; русский перевод: *Бигиев М.* История Корана и его сводов. М., 2016. 88 с.

⁸ *Аш-Шатиби А.* Китаб ал-‘Акила. Казань, 1908. 72 с.

⁹ *Аш-Шатиби А.* Назимат аз-зухр. Оренбург, 1910. 112 с.

¹⁰ *Ибн ал-Джазари М.* Таййибат ан-нашр фи-л-‘ашр. Казань, 1912. 308 с.

В эти же годы в некоторых газетах и журналах выходят его публикации на татарском языке об истории ниспослания Корана, его языке и стилистике, а также науке коранического правописания (*'ilm rasm al-maṣāḥif*)¹¹.

Однако наибольший резонанс в мусульманском сообществе вызывают его выступления об ошибках в казанских изданиях Корана, которые были опубликованы в 1909 г. журналистом Сагитом Рамиевым (1880–1926) в брошюре «Тасхих расм хатт Кур'ан» (Исправление типографических ошибок в кораническом правописании), вторая часть которой принадлежит перу самого М. Бигиева и содержит обоснование его взглядов, а также рассказ об истории арабской письменности¹².

Еще одним экстраординарным событием в жизни мусульманского сообщества России стало анонсирование М. Бигиевым в 1912 г. издания своего перевода Корана на родной язык. Это сообщение вызвало волну протестов со стороны традиционалистского духовенства, по жалобе которого Оренбургское магометанское духовное собрание, официально курировавшее религиозную жизнь мусульман европейских и сибирских губерний империи, наложило запрет на издание¹³. К сожалению, этот перевод так и не увидел свет и на сегодняшний день считается утерянным¹⁴.

Приход к власти большевиков в 1917 г. и последующая антирелигиозная политика практически сводят на нет деятельность богослова. В этот период можно отметить лишь редкие публикации в турецкой прессе, а также издание в Берлине в 1923 г. «Воззвания

¹¹ См.: Джаруллах М. Расм Кур'ан // Ал-Ислах. 1909. № 61. С. 1–3; *Он же*. Кур'ан карим расми // Ал-Ислах. 1909. № 63. С. 1–2; *Он же*. Кур'ан ину // Шура. 1910. № 7. С. 209–211; *Он же*. Кур'ан карим вуджух 'арабисе // Шура. 1912. № 2. С. 76–79; *Он же*. Кур'ан карим тарджумаси // Ислам дунйаси. 1329 х. № 13. С. 197–199; *Он же*. Кур'ан бозу хаккинда оналмаз фасадин чаралари нереди? // Ил. 1913. № 6. С. 1–2; *Он же*. Кур'ан аятлари ва танишлари хаккинда // Шура. 1914. № 18. С. 558–559.

¹² Тасхих расм хатт Кур'ан. Казань, 1909. 93 с.

¹³ *Kanlıdere A. Kadimle Cedit Arasında Musa Cârullah: hayatı, eserleri, fikirleri*. İstanbul: Dergâh Yayınları, 2000. S. 71–72.

¹⁴ Казанское издание 2010 г. было заявлено в качестве факсимиле перевода Корана М. Бигиева, однако, как показало исследование И.Г. Саетова, данный текст оказался переизданием перевода турецкого автора С. Тевфика на османском языке. Его стамбульское издание 1926 г., вероятней всего, было одной из книг библиотеки М. Бигиева, хранившейся у потомков и по ошибке выданной за труд самого татарского богослова. Более подробно см.: *Саетов И. Ни татарский и ни Бигиева: история одного османского перевода Корана // Ислам в современном мире*. 2017. № 13 (1). С. 59–70.

к мусульманским нациям», написанного в ответ «Азбуке коммунизма» Н. Бухарина. Эта работа стала причиной начала гонений на М. Бигиева, вынудивших его, оставив семью, эмигрировать из страны в 1930 г.

Скитаясь по странам мусульманского мира, а также посещая Германию, Финляндию, Японию и Индию, он, вплоть до смерти в 1949 г. в Каире, продолжал свои научные изыскания, в том числе и по проблемам корановедения. Так, например, известно, что, находясь там в 1935–1936 гг. и работая вместе с А. Джеффри, М. Бигиев написал два труда – «Китаб ал-масахиф» (Книга о сводах Корана) и «Масахиф ал-амсар» (Своды стольных городов)¹⁵, однако в силу материальных затруднений они не были опубликованы при жизни ученого и до сих пор в виде рукописей хранятся в одной из каирских библиотек¹⁶.

Из опубликованных в эмиграции работ татарского богослова о Коране можно выделить написанные на арабском языке и изданные в 1944 г. в Бхопале «Сарф ал-Кур'ан» (Морфология Корана)¹⁷, «Китаб тартиб ас-сувар ал-карима ва танасуби-ха фи-н-нузул ва-фи-л-масахиф» (Книга о порядке священных сур и об их соответствиях в ниспослании и в своде)¹⁸, «Хуруф аваил ас-сувар» (Буквенные зачины сур)¹⁹ и двухтомный комментарий к комментарию Корана Шаха Валиуллы ад-Дехлеви (1702–1762) «Илхам ар-Рахман фи тафсир ал-Кур'ан» (Вдохновение Милосердного в толковании Корана), выполненный в соавторстве с 'Убайдуллахом Синди (1862–1944)²⁰. Однако все эти книги, за исключением первой, пока еще недоступны отечественным исследователям.

Турецкий исследователь творчества М. Бигиева проф. М. Гермес также приводит данные о том, что в эмиграции им был написан ше-

¹⁵ В силу того, что текст остается для нас недоступным, мы не можем сказать, как соотносится эта книга с опубликованной Джеффри в составе его труда “Materials for the history of the text of the Qur'an: the old codices” книги Ибн Аби Дауда «Китаб ал-масахиф».

¹⁶ См.: Гѐрмес М. Указ. соч. С. 59.

¹⁷ Джаруллах М. Сарф ал-Кур'ан. Бхопал: Централ Индия Пресс, 1944. 104 с.

¹⁸ Джаруллах М. Китаб тартиб ас-сувар ал-карима ва-танасуби-ха фи-н-нузул ва-фи-л-масахиф. Бхопал: Централ Индия Пресс, 1944. 344 с.

¹⁹ См.: Джаруллах М. Хуруф аваил ас-сувар. Бхопал: Централ Индия Пресс, 1944. 235 с.

²⁰ См.: Синди У., Джаруллах М. Илхам ар-рахман фи тафсир ал-Кур'ан. Т. 1. Бхопал: Централ Индия Пресс, 1944. 235 с.; *Они же*. Илхам ар-рахман фи тафсир ал-Кур'ан. Т. 2. Бхопал: Централ Индия Пресс, 1944. 248 с.

ститомный комментарий к полному тексту Корана, однако он не был издан, и местонахождение рукописи в настоящее время неизвестно²¹.

Единственной доступной нам на сегодняшний день работой татарского ученого в жанре комментирования Корана является опубликованная в 1915 г. в Петрограде книга «Фикх ал-Кур'ан» (Понимание Корана), содержащая толкование суры «Открывающая» (*fātiha*) и первых пяти аятов суры «Корова» (*baqara*) на арабском языке²². Из ее содержания можно понять, что автор задумывал написать комментарий ко всему тексту Священного Писания, однако о продолжении работы ничего неизвестно.

В небольшом предисловии богослов указывает свои ранние труды по корановедению, о которых мы упомянули выше, как своего рода подготовительные этапы к этой работе.

Сразу после выхода книги в журнале «Шура» была напечатана рецензия, в которой она сравнивалась с законоведческими комментариями к Корану андалусского правоведа маликитской школы Абу Бакра ибн ал-'Араби «Ахкам ал-Кур'ан», являющегося одним из самых известных трудов в этом жанре, и работой индийского правоведа ханафитской школы Муллы Ахмада Дживана «Ат-Тафсират ал-ахмадийа», изданного в Казани в 1904 г.²³ Однако такая аналогия верна лишь отчасти. Только в начале своей работы М. Бигиев уделяет внимание вопросу о положении «Басмалы», который можно отнести к законоведческой тематике, а в дальнейшем углубляется в собственные размышления о каждом аяте и слове рассматриваемых сур, описывает их лингвистические особенности. В связи с этим комментарий татарского богослова можно отнести к жанру толкования по собственному мнению (*tafsīr bi-r-ra'y*).

Вполне вероятно, что при написании комментария он руководствовался той же методологией, что и при переводе Священного Писания на татарский язык, описание которой было изложено в книге «Халык назарына бер нича мас'ала» (Несколько вопросов вниманию народа). В частности, он выделяет 10 принципов, которые кратко можно изложить так:

1. Использование комментариев (*tafsīr*) признанных ученых (*ahl al-'ilm*).

²¹ Гёрмез М. Указ. соч. С. 60.

²² См.: Джаруллах М. Фикх ал-Кур'ан. Пг, 1915; *Он же*. Фикх ал-Кур'ан // Резван Е. Ал-Кур'ан ал-карим фи Русийа. Дубай, 2002. С. 259–299.

²³ Матбу' асарлар // Шура. 1915. № 6. С. 184–185.

2. Комментарий Корана по Корану (*tafsīr bi-l-kitāb*).
3. Лингвистический анализ (М. Бигиев отмечает его как важнейший из всех).
4. Перечисление всех вариантов чтений (*qirā'āt*) в случае, если какой-то из них приводит к изменению смысла.
5. Приведение всех значений предложения, возможных с точки зрения языка.
6. Недопустимость отступления от синтаксической структуры предложения.
7. Недопустимость подстраивания смысла аята под положения богословия (*kalām*), древней и современной философии.
8. Недопустимость подстраивания смысла аята под предания (*riwāya*).
9. Недопустимость подмены перевода личным комментированием (*tafsīr*) и толкованием (*ta'wīl*), строгое соблюдение языка и стиля Корана. (Этот принцип, как совершенно очевидно, не относится к комментарию, а имеет отношение только к переводу.)
10. Учет образной системы языка²⁴.

* * *

«Это – благословенное Писание, которое Мы ниспослали тебе, дабы они размышляли над его аятами в поминание для обладающих разумом»²⁵.

ПОНИМАНИЕ КОРАНА

Составил и собрал

тот, кто надеется занять прочное место в высоких собраниях достойных мужей и утвердиться на небосводе, как полярная звезда, на которую все ориентировались бы, который блуждает по горизонтам науки, ища пользы у разных учёных.

Он сделал центры наук местами своих остановок и привалами в странствиях, и он продолжает стучаться в двери школ, желая зачерпнуть еще от щедрот Божьих.

²⁴ См.: Бигиев М. Халык назарына бер нича мас'ала. Казань, 1912. С. 88–93.

²⁵ Коран, 38: 29. В основе перевода Корана, представленного в настоящей работе, лежит перевод И.Ю. Крачковского. Однако в случаях, когда его перевод аята шел в разрез толкованию М. Бигиева, мы использовали варианты других переводчиков (Г.С. Саблукова, М.-Н.О. Османова, Б.Я. Шидфар и Э.Р. Кулиева) или давали свой перевод, соответствующий рассматриваемому комментарию. М. Бигиев при цитировании аятов не приводит их нумерацию. (Здесь и далее – *прим. перевод.*)

Он исполнился твердости и решимости, поставив перед собой похвальную цель, в надежде войти в узкий круг служителей Священного Писания. Он опубликовал «Понимание Корана», устремив все помыслы к лику Всевышнего, в надежде, что оно будет включено в учебные планы школ и принесет пользу всякому изучающему Коран, кого отличает чистота помыслов, здравый ум, твердая решительность и искренняя вера.

И я прошу Бога дать знания мне и всем моим братьям, которые к этому стремятся, и причислить мой труд к тем книгам, которые будут приносить пользу даже после того, как меня завернут в саван. Он уже принес в дар Богу комментарии к «Ат-Таййиба», «Ал-‘Акила» и «Ан-Назима»²⁶, чтобы науки о Коране стали цвести в школах ислама постоянным цветением.

1333 г. хиджры – 1915 г. от Р. Х.

Муса Джаруллах

* * *

Петроградъ

Типографія М-А. МАКСУТОВА, Серпуховская, 2.

1915

* * *

С именем Бога Милостивого, Милосердного.

СУРА «ОТКРЫВАЮЩАЯ»

(*fātiḥa*)

§ 1.

Это первая сура, которая была ниспослана целиком. Она – «семь повторяемых (*as-sab‘u al-mathāni*) и великий Коран», и она – «ма-

²⁶ Названия ранее опубликованных трудов М. Бигиева по корановедению:

– «Ат-Таййиба» – его комментарий на арабском языке к книге Ибн ал-Джазари (1350–1429) «Ан-нашр фи ал-кира’ат ал-‘ашр» (Описание десяти чтений). Издан в Казани в 1912 г. под названием «Таййибат ан-нашр фи ал-‘ашр» (Благоуханное описание в десяти);

– «Ал-‘Акила» – его комментарий на арабском языке к книге Абу Мухаммада аш-Шатиби (1144–1194) «‘Акилат ат-таб ал-касаид фи асна ал-макасид», посвященной кораническому правописанию (*rasm al-maṣāḥif*). Издан в Казани в 1908 г.;

– «Ан-Назима» – его комментарий на арабском языке к книге Абу Мухаммада аш-Шатиби «Назимат аз-зухр» (Порядок цветения), посвященной коранической рифме (*fawāṣil*) и счету аятов. Издан в 1910 г. в Оренбурге.

терь Писания» (*umm al-kitāb*)²⁷. Она соотносится с Благородным Кораном так же, как семя соотносится с деревом. Ведь семя – это живительное вещество (*madda hayā*) для дерева, в котором заключены все его изначальные корни (*uṣūl*) и ветви (*'anāsir*). Она сделана открывающей Писание потому, что была ниспослана возвещением о темах, о которых, подробно детализируя, еще будет ниспослан Коран, сводом (*jāmi'a*) всех основ (*aṣl*), о которых Коран подробно разъяснит в дальнейшем.

Темы Священного Корана:

1. Чистое единобожие (*at-tawḥīd al-khālis*) и вера в Бога и Его прекраснейшие Божественные имена (*al-asmā' al-ḥusnā al-ilāhiya*);

2. Определение поведения (*sulūk*) на правильном пути (*aṣ-ṣīrat al-mustaqīm*) в человеческой жизни, который включает объяснение дозволенного (*ḥalāl*) и запретного (*ḥarām*), а также все общественные нормы (*al-aḥkām al-ijtimā'īya*);

3. Определение состояния в месте возврата (*ma'ād*) в вечной жизни (*an-nashā' al-'abadiya*).

Эти три темы предшествуют остальным и являются важнейшими основами;

4. Определение того, кто является уверовавшим в Бога и ответившим на Его призыв, придерживающимся правильной дороги (*at-tariq al-qawīm*) и прямого пути (*aṣ-ṣīrat al-mustaqīm*). А это – рассказы (*qiṣaṣ*) о пророках, праведниках (*awliyā'*), людях веры и добродетели (*ahl al-imān wa aṣ-ṣalāh*). Всевышний упоминает их и превозносит их великим восхвалением. Сокровенный смысл (*sirr*) и основная цель этого – пробуждение интереса (*targhīb*);

5. Повествование (*ḥikāya*) о состояниях несчастных (*nākibūn*) и тех, кто превозносился на земле и совершал нечестие (*fasād*) из числа совершающих беззаконие (*tāghūn*). А это – истории о первых поколениях и исчезнувших общинах. Сокровенный смысл (*sirr*) и основная цель этого – устрашение (*tarhīb*) и предостережение (*indhār*) от злополучного исхода;

6. Определение методов обучения взыскующих знания (*ahl aṭ-ṭalab*) и методов наставления (*irshād*) отклонившихся (*ahl az-zāg*) после повествования об их неверных речах. Сокровенный смысл (*sirr*) и основная цель этого – распространение призыва, заключенного в Коране, и возвышение слова ислама.

²⁷ Более подробно об именах суры «Открывающая» см.: Ас-Суйути Дж. Совершенство в коранических науках. Вып. 3: Учение о своде Корана. М., 2003. С. 35–39.

Эти три темы являются завершающими дополнениями.

И «Открывающая Писание» замечательно включает все эти высокие темы прекрасным образом и великолепно суммирует их.

Божественный закон (*as-sunna al-ilāhīya*) для этой Вселенной (*al-kawn*) как в том, что касается созидания (*kawn ijād*), так и в области установления законов (*kawn tashrī*) вначале появляется в сжатом виде, а затем шаг за шагом (*tadrījan*) разворачивается в деталях, в согласии с тем, что предполагает промысел Божий (*al-'ināya al-'azaliya*) и требуют людские нужды.

И все суры Корана соотносятся с сурой «Открывающая Писание» как подробное разъяснение (*tafṣīl*) и объяснение (*'iẓāh*) того, о чем сказано сжато. Поэтому «Открывающая Писание» была ниспослана первой, а затем последовательно приходили айаты и суры в качестве дополняющего разъяснения.

§ 2.

«С именем Бога Милостивого, Милосердного» – автономный (*mustaqilla*), завершённый (*tāmma*), отдельный (*munfarida*) айат, поскольку он всегда стоит в начале каждой суры во всех сводах Корана, принятых в исламе (*maṣāḥif*)²⁸. «Басмала»²⁹ была сделана как знак, отделяющий (*'alāma fāṣila*) суру от суры, по которому узнают конец одной и начало другой. Это словосочетание было избрано среди всех Божественных слов знаком разделения, поскольку оно является словом зачина (*istiftāh*), словом благословения (*baraka*) и доброго предзнаменования (*taymman*), словом просьбы о помощи (*isti'āna*) к Богу и мольбой о снискании (*tawassul*) Его милости. Эти слова начертаны (*rasama*) во всех сводах (*maṣāḥif*) в начале каждой суры. Их передаёт (*naqala*) вся община (*umma*)³⁰ по непрерывной цепочке большого количества передатчиков (*tawāttur*), как и прочие коранические айаты. И поэтому они, безусловно, являются полноценным айатом.

Пророк (да благословит и да приветствует Господь его и его семью), будучи в Мекке, произносил «Басмалу» вслух. А когда

²⁸ М. Бигиев не делает оговорки о том, что одна сура «Покаяние» (№ 9) не имеет в начале «Басмалу». Более подробно об этом см.: *Frolov D. Two in one and one in two: An observation on the composition of the Qur'an // Sirat Al-Ġahiz. Volume in Honour of Krystyna Skarzynska-Bohenska and Danuta Madeyska. Warszawa, 2011. P. 165–173.*

²⁹ «Басмала» – название формулы.

³⁰ Слово *umma* может переводиться по-разному – народ, нация, община. Мы используем все эти значения в зависимости от контекста.

переселился в Медину, то перестал произносить ее вслух вплоть до своей смерти³¹. Среди знатоков (*a'imma*) Корана есть разногласия относительно «Басмалы», но это разногласия в чтении (*qirā'a*), а не в доктрине (*madhhab*) и не в вопросах веры (*'itiqād*). Все начинают чтение, предваряя суру «Басмалой». Между двумя сурами ее ставят Варш³², 'Асим³³, Ибн Касир³⁴, Абу Джа'фар ал-Мадани³⁵ и Киса'и³⁶, а Хамза³⁷ соединяет две суры и не ставит между ними «Басмалу». Халаф³⁸ не ставит «Басмалу» и произносит две суры с паузой (*sakt*) либо в соединении (*waṣal*). Что касается Ибн 'Амира³⁹, Ибн ал-'Аля⁴⁰, Йа'куба⁴¹ и Калуна⁴², то они принимают все три вида: 1) произнесение «Басмалы»; 2) слитное чтение (*waṣal*); 3) пауза (*sakt*)⁴³.

Разногласия знатоков (*a'imma*) относительно «Басмалы» при соединении двух сур являются решительным аргументом в пользу того, что «Басмала» является частью суры. Иначе никто не опускал бы ее

³¹ Имеется в виду произнесение вслух во время чтения Корана имамом при совершении коллективной молитвы.

³² Варш – прозвище 'Усмана ибн Са'ида ал-Мисри (728–812) – известного чтеца Корана, извод которого получил распространение в мусульманской Испании и странах Магриба, где имеет хождение до сих пор.

³³ 'Асим ибн Аби ан-Нуджуд, Абу Бакр (ум. 745) – последователь, куфийский чтец Корана, один из семи канонических чтецов, чтение которого в изводе его ученика Хафса легло в основу стандартного каирского издания печатного Корана.

³⁴ 'Абдаллах ибн Касир ад-Дари (665–738) – знаменитый мекканский чтец Корана, один из семи канонических чтецов, перс по происхождению, по профессии парфюмер.

³⁵ Абу Джа'фар ал-Мадани (ум. 746) – знаменитый мединский чтец Корана, один из «трех после семи» канонических чтецов.

³⁶ Абу ал-Хасан 'Али ибн Хамза ал-Киса'и (ум. 805) – куфийский филолог, один из семи канонических чтецов Корана, основоположник куфийской грамматической школы.

³⁷ Хамза ибн Хабиб аз-Заййат (700–773) – куфийский чтец, один из семи канонических чтецов Корана.

³⁸ Абу Мухаммад Халаф ибн Хишам ал-Баззас (767–844) – багдадский ученый, один из «трех после семи» канонических чтецов.

³⁹ 'Абдуллах ибн 'Амир (ум. 736) – дамасский чтец, один из семи канонических чтецов Корана.

⁴⁰ Абу 'Умар ибн ал-'Аля ал-Басри (ум. 770) – басрийский чтец, один из семи канонических чтецов Корана.

⁴¹ Йа'куб ал-Хадрами (ум. 821) – басрийский чтец, один из «трех после семи» канонических чтецов.

⁴² Калун – прозвище 'Исы ибн Мина' ал-Мадани (738–835) – известный мединский чтец и филолог.

⁴³ Здесь М. Бигиев перечисляет десять (семь и три после десяти) канонических чтений (*qirā'āt*) Корана. Более подробно о них см.: Фролов Д.В. История мусульманского корановедения // Сборник пособий по исламоведению и корановедению. М., 2012. С. 401–404.

при следовании одной суры за другой и Пророк (да благословит его Господь и да приветствует) не перестал бы произносить ее в Медине.

К убедительным доводам того, что «Басмала» не является частью суры, относится также и то, что когда знатоки (*a'imma*) занимаются подсчетом аятов в сурах, они никогда не считают ее в подсчет в какой бы то ни было суре, независимо от того, согласны ли они относительно числа аятов в суре или нет. Что-то похожее на разногласие возникало только в отношении суры «Открывающая». Дело в том, что все знатоки согласны, что чтение «Открывающей» начинается с «Басмалы» независимо от того, стоит ли она в начале или присоединяется к другой суре, которая стоит перед ней, или же когда она повторяется дважды при ее чтении второй раз. Ведь «Открывающая» была ниспослана первой, ею начинается Божье Писание, и вместе с ней была ниспослана «Басмала», которая пишется во всех списках (*maṣāhif*). И «Открывающая» является началом во всех случаях: и когда она присоединяется к другой суре, и когда она повторяется. Сходятся во мнении знатоки счета аятов (*a'immat al-'add*), что «Открывающая» состоит из семи аятов. Согласно счету ('*ad*) Медины, Леванта (*shām*) и Басры, **«путем тех, кого Ты облагодетельствовал»** считается шестым аятом, а **«не тех, кто под гневом, и не заблудших»** – седьмым. «Басмала» при таком счете является автономным, отдельным аятом. А согласно счету ('*ad*) Мекки и Куфы, эти два аята считаются одним седьмым аятом, а «Басмала» становится первым аятом суры «Открывающая».

Это разногласие не касается чтения (*tilāwa*) и того, входит ли «Басмала» в Коран или нет. Это разногласие интерпретации (*i'tibār*). И у каждого варианта есть свои доводы. Ведь Законодатель (*shāri'*) произносил ее вслух какой-то период, а затем, в Медине, оставил это и не произносил вплоть до самой смерти.

И поскольку твердо установлено, что Законодатель (*shāri'*) поступал и так и так, и установлено, что то, чего придерживался каждый знаток, имеет твердое основание и что разногласие между знатоками – это разногласие оттенков (*tawjīh*), а не разногласия отрицания или утверждения, становится ясно, что выведение каких-либо богословско-правовых норм из этих разногласий не требуется и неразумно.

Кадий Абу Бакр в своей книге «Ахкам ал-Кур'ан» (Заповеди Корана) писал: «Смысл разногласий в том, что касается установлений

закона, связан с тем, что чтение “Открывающей” является столпом (*rukn*) молитвы у маликитов и шафи‘итов и “Басмала” оказывается частью разногласий». Выведение этого, с моей точки зрения, не обосновано и нежелательно.

«Басмала» была преднамеренно ниспослана в начале Корана, а затем ниспосылалась в начале каждой суры, относясь к ней⁴⁴, с целью начинать каждую суру с поминания имени Бога. Но она не было частью самой суры, и поэтому выделялась при чтении и написании. Что касается чтения, то Пророк (да благословит его Господь и да приветствует) читал ее про себя, не произнося ее вслух. Но она не выходит (*kharaj*) из Корана, покидая его состав (*hajar*), и не уподобляется Корану, что подразумевалось, если бы ее произносили вслух (*tajhar*)⁴⁵. А что касается написания, то ее писали в сводах (*maṣāhif*) между каждыми двумя сурами отдельно от них, но так, что она располагалась ближе к последующей, относясь к ней, а не к предыдущей суре.

Ее писали перед «Открывающей Писание» в начале Корана слитно (*muttasila*) с ней. Возможно, что она была из нее, а возможно, что нет. Обе точки зрения принимает община (*jamā‘*). И каждая – истина. Вторую версию подкрепляет предание (*hadīth*) о разделении молитвы между Богом и Его рабом. Единогласно (*bi-l-ijmā‘*) принимается, что «Открывающая» состоит из семи аятов, однако в этом предании не упомянута «Басмала». В ней упомянуты три аята с восхвалением (*thanā‘*), три аята с мольбой (*du‘ā‘*) и срединный – четвертый – **«Тебе мы поклоняемся, и у Тебя мы просим помощи»**.

Таково окончательное решение проблемы «Басмалы». Оно разъясняет (*ta‘wīl*) то, что передается в книгах по праву (*fiqh*) от правоведов (*fuqahā‘*) и комментариях (*tafāsīr*) от знатоков (*a‘imma*). В рассмотрении этого вопроса упрекнуть можно только тех, кто упоминает разногласия относительно нее и представляет дело так, что это Коран, либо не Коран. По нашему мнению, авторитет имама той или иной богословско-правовой школы (*madhhab*) слишком высок, чтобы честь его иджтихада⁴⁶ и совершенство его знания могли

⁴⁴ Смысл этой фразы разъяснен ниже.

⁴⁵ В этом предложении есть игра слов *takhjar* – *tajhar*, имея в виду что «Басмала» не выходит из Корана и не произносится вслух.

⁴⁶ Иджтихад (дословно старание, усердие) – самостоятельное, в отличие от таклида – эпигонства ранним авторитетам, изучение и решение ученым-богословом на основе первоисточников правовых и религиозных вопросов.

затронуть умозаключения, выведенные из его слов эпигонами или передающими его учение.

§ 3.

Божье Писание – ориентир (*imām*) и пример для нас. То, что оно начинается этими благословенными словами⁴⁷, есть указание нам начинать ими каждое свое дело. Это выражение, состоящее из четырех имен – это исламская формула и исламский обычай (*sunna*), требующий буквального исполнения. Эти слова означают, что человек отрешается от собственной воли и судьбы, черпает силу (*quwwa*) из попечения (*'ināya*), исходящего от милости Бога и Его благодеяния, а также уповает (*i'timād*) на Божественную волю (*mashī'a*), Его соизволение (*'idhn*), Его декрет (*tawqī'*) и Его власть (*sulṭān*).

§ 4.

Смысл фразы «*С именем Бога Милостивого, Милосердного*» в суре «Открывающая Писание» заключается в том, что все, о чем подробно изложено в Священном Коране – заповеди (*aḥkām*), знамения (*ayaāt*) и прочее – Божье и от Бога, и никто, кроме Бога, к этому непричастен. И этот смысл – один из важнейших постулатов, на котором зиждется миссия ислама.

§ 5.

Именованье (*tasmīya*), в смысле поминания (*dhikr*) Бога по имени⁴⁸, перед началом дела – религиозный обычай (*sunna*). Действия человека в отношении этого обычая подразделяются на три разряда:

1. Действия, в которых именованье предписано законом (*shara'*). К ним относятся малое омовение (*wudū'*), полное омовение (*igtisāl*), рецитация (*tilāwa*) Корана, а также любое дозволенное (*mubāḥ*) действие, не относящееся к поклонению (*'ibāda*), как, например, еда, питье, чтение и письмо;

2. Действия, в которых именованье не предписано законом. К ним относятся молитва (*ṣalā*), призыв к молитве (*adhān*), произнесение ритуальных формул (*adhkār*), мольба (*du'ā'*), большое (*hajj*) и малое (*'umra*) паломничества, ибо все эти обращения к Богу (*qurbāt*) сами по себе есть благословение (*baraka*). Однако провести точную грань

⁴⁷ Имеется в виду «Басмала».

⁴⁸ Имеется в виду произнесение формулы «Басмала».

между этими двумя разрядами очень сложно. Ведь рецитация Корана – великий обряд и полноценное благословение, в котором законом предписано произнесение «Басмалы», а в молитве – самом великом обряде и величайшем благословении, произнесение «Басмалы» не узаконено;

3. Действия, в которых именование Бога порицается, как, например, запрещенные (*muḥarramāt*) и дурные (*danāyā*) дела, потому что цель такого именованья – получить благословение в каком-то деле, а желать умножения запрещенного (*ḥarām*) и тому подобного не следует. Кроме того, в именовании Бога заложен смысл опоры (*i'timād*) на соизволение Бога и Его декрет (*tawqī'*). А это в отношении запрещенного (*ḥarām*) есть неуважение и злодеяние.

§ 6.

Формула именованья Бога во всех предписанных законом делах – «С именем Бога Милостивого, Милосердного!» (*bismi-llāhi-r-raḥmāni-r-raḥīm*). Исключение составляет только заклятие животного. Говорят же, что упоминание милости при причинении боли животному неуместно, а значит, этикет в этом деле предписывает ограничиться лишь фразой «С именем Бога!» (*bismi-llāh*).

Далее, с Божьего соизволения, укажем, что относительно именованья Бога при заклятии животного для еды есть разногласия, обязательно оно или необязательно. Однако при заклятии для жертвоприношения оно является категорически обязательным (*fāṣil*). Это – столп (*rukṅ*).

§ 7.

«Слава Богу – Господу миров!»

Бог начал Свое Писание с самовосхваления, демонстрируя Свои имена. Ведь Он достоин восхваления всеми Своими прекраснейшими именами (*al-asmā' al-ḥusna*). Прославление (*ḥamd*) и восхваление (*thanā'*) подобает (*ḥaqq*) только Ему Одному, Он оставил его за Собой по Своему величию, и к Нему возвращаются все дела⁴⁹. Однако и человеку выделен полноценный удел (*ḥaẓẓ kāmil*) в прославлении за его великие деяния, и ему дана достойная доля восхваления за свое совершенство. Ведь Бог даровал человеку такие величайшие милости (*in'ām*), что даже позволил Своим именам проявляться в нем. Ведь

⁴⁹ «К Нему возвращаются все дела» – цитата из Корана 11: 123.

даже тем, что является Его исключительным Божественным правом (*ḥaqq*), Он поделился с человеком – ангелы поклонялись (*masjūd*) ему. Это исключительное Божественное право на восхваление и хвалу человек получил, чтобы быть восхваляемым (*maḥmūd*) языками Его творений. Поэтому восхваление человека за его великие деяния и его прославление за добродетели и достоинства являются законными (*mashrūʿ*), а стремление к этому и желание достичь этого свойственно (*maṭlūb*) людям. Более того, восхваление – это одно из достойнейших стремлений человека. Стремление достичь восхваления за добродетели – это примета каждого праведного (*ṣāliḥ*) человека.

Желание похвал и стремление к высоким степеням достоинств (*faḍāʿil*) не относится к самовосхвалению (*tazkīyat an-nafs*), которое запрещено в Священном Коране словами: «**Не восхваляйте самих себя (*fa-lā tuzakkū anfusakum*), ибо Ему лучше знать тех, кто богобоязнен**»⁵⁰. Самовосхваление несовместимо с желанием похвал и высоких степеней достоинств. Тот, кто восхваляет сам себя, не стремится к похвалам и не желает совершенства. А кто стремится к похвалам и желает великих дел, никогда не будет восхвалять сам себя. «**Однако Аллах восхваляет (*yuzakkī*)**⁵¹ **того, кого пожелает**»⁵². И тот, у кого большое усердие (*himma*) и великая сила, спешит делать добро (*khayrāt*) и стремится обрести добродетели (*ḥasanāt*). Он заслуживает самой достойной (*aḥaqq*) награды, а это и есть восхваление за то, что от него, и за то, что у него⁵³. Хорошая память – это цель, к которой стремится разумный (*ʿāqil*). Этого желали пророки и великие праведники (*awlīyāʾ*). Это – желание человека в земной жизни. Но хорошая память также возможна и в жизни вечной.

§ 8.

В первых айатах Своего Писания Бог относит к Себе прославление (*ḥamd*) за божественность (*ulūhiya*) и господство (*rubūbiya*), указывая таким образом, что нет иного божества (*ilāh*) в мире (*ʿalām*), кроме Бога (*allāh*), и что нет иного творца (*khāliq*) и нет иного господина (*rabb*), кроме Него. Признание Единого (*tawḥīd*) Бога и вера (*imān*)

⁵⁰ Коран, 53: 32.

⁵¹ Ср. Саблуков: «хранит, кого хочет, чистыми», Крачковский и Кулиев: «очищает», Османов: «прощает». Наш перевод «восхваляет» обусловлен контекстом, в котором данный аят приводит М. Бигиев.

⁵² Коран, 24: 21.

⁵³ От него – добрые дела, а у него – добродетели.

в Него – это первая основа исламской религии, ее вершина и важнейшая суть. Именно поэтому Бог с этого начинает Свое Писание.

§ 9.

Он начинает Свое Писание в его первых айатах прославлением Себя за величие (*jalāl*) божественности, красоту (*jamāl*) господства и полноту (*kamāl*) милости⁵⁴, разъяняя тем самым, что Божий престол (*‘arsh*) – это для человечества сосредоточие (*maqām*) почитания (*‘ijlāl*), благодарности (*shukr*) и полнота упования (*tamām ar-raghba*)⁵⁵. По нашему мнению, именно через все это Он указал путь (*hada*) человеку к идее о религии (*dīyāna*) и поклонении (*‘idāda*).

Религия (*dīn*) и вера (*imān*) имеют своей причиной то почитание и благодарность, которые рождаются в душе (*wijdān*) человека через созерцание (*mushāhada*) Божьего величия и Его мощи (*‘azma*), явленных в бытие (*kawn*), и через созерцание полноты Его милости ко всему сущему (*wujūd*) и заботы о нем. Люди часто полагают, что идею о религии и поклонении в человеке пробудили (*ba‘tha*) нужда и страх, и что человек поклоняется тому, кому поклоняется, только из страха наказания, и что он приносит жертвы и совершает обряды (*taqarraba*) перед кем-то, только чтобы избежать (*‘ittiqā’*) зла его и не испытать его враждебности. Да, иногда бывает и такое. Мы не отрицаем этого и не порицаем никого, кто утверждает подобное. Многие айаты говорят о том, что страх вынуждает (*yaqḍarru*) человека взывать к Богу (*du‘ā’*) и искренне верить, и что горе и нужда удерживают его от заблуждений и беззакония. Да, и так бывает. Но истинная религия (*ad-dīn al-qayim*)⁵⁶, которую Бог создал (*faṭara*) для человека⁵⁷, – это дух почитания (*‘ijlāl*) и благодарности, которые Он вдохнул (*nafakha*) в душу (*wijdān*).

⁵⁴ В рамках мусульманской религиозной мысли была разработана двухчастная классификация имен Бога: «имена красоты» (*asmā’ al-jamāl*) и «имена величия» (*asmā’ al-jalāl*), которые служат для выражения милостивого и грозного лика Бога. См., например: Ибн ‘Араби. О значении числа Божественных тайн, что достаются свидетельствующему при предстоянии напротив [Бога] // Ишрак: ежегодник исламской философии. 2012. № 3. С. 93. М. Бигиев добавляет третий элемент – милость.

⁵⁵ Перевод выстроен из понимания концепции, которую М. Бигиев вложил в эту фразу, соотнося три качества Бога с тремя качествами человека.

⁵⁶ Более подробно об этом частотном кораническом выражении см.: Фролов Д.В. Комментарий к Корану. Тридцатый джуз’. Т. 3. Суры 98–114. С. 41–42, 47.

⁵⁷ Ср. аят 30: 30: «Обрати свой лик к религии, исповедуя единобожие (*ḥanīfa*). Таково врожденное качество (*fiṭratu-llah*), с которым сотворил (*faṭara*) людей. Творение (*khalq*) Аллаха не подлежит изменению. Такова правая вера (*ad-dīn al-qayim*), но большинство людей не знают этого».

§ 10.

Сказав: *rabbu-l-‘ālamīn* – «*Господу миров*», Он расширительно употребил форму множественного числа, употребляемую для разумных существ (*‘ālamīn*), дав понять тем самым, что каждая вещь в этой Вселенной имеет жизнь и сознание (*‘idrāk*), и что каждое живое существо (*ḥayawān*) наделено речью (*nuṭq*) и разумом (*‘aql*). Таков исламский взгляд (*naẓar islāmī*), подтвержденный аятами. Это же обнаружат и исследователи окружающего нас мира и населяющих его существ.

§ 11.

«*Милостивому, Милосердному*».

Он повторил точно то же, что сказано и в «Басмале», упомянув между ними «миры» (*‘ālamīn*), давая понять, что мир (*‘ālam*) находится между милостью предшествующей (*mutaqaddima*) и милостью последующей (*muta’akhhira*)⁵⁸. Мир начался с милости и возвратится к милости. Все сущее существует от щедрости к щедрости. Он также дает понять, что побуждает (*ba’tha*) человека к поклонению именно Божественная милость (*rahma ilāhīya*), от которой он произошел (*sadara*) и которая ведет (*tahdī*) его к счастью.

§ 12.

«*Властелину Судного дня*».

День суда (*dīn*) – это день воздаяния (*jazā’*), когда каждый, кто совершал действия (*‘āmil*), получит воздаяние за свои дела. Это – день исполнения обещания (*wafā’*), когда человек достигнет предела своего счастья, ведь человек был сотворен Божественным промыслом (*‘ināya*) для счастья. Но в своей нынешней жизни человеку не достичь настоящего счастья. Для этого счастья есть день, великий день, «*день, когда душа ничего не сможет сделать для души, и вся власть в тот день – у Бога*»⁵⁹. Этот аят дает понять, что вечная жизнь (*ma’ād*) есть. И все общины (*umat*)⁶⁰ согласны с этим.

§ 13.

Слово *mālik* произносится с алифом в чтении ‘Асима, Йа‘куба, Киса’и и Халафа. Оно происходит от слова *milk* – власть, владение,

⁵⁸ Имеется в виду, что предшествующая милость – творение Богом мира и человека, последующая милость – Его водительство.

⁵⁹ Коран, 82: 19.

⁶⁰ Имеются в виду религиозные общины – иудеи, христиане и мусульмане.

в котором харф «мим» огласован кясрой. Это чтение дает понять, что власть сопряжена со многими вещами, например, с благами (*maḩāfi'*) и знатностью⁶¹.

(Продолжение следует)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Асватуров А.С.* Книги из библиотеки А.Н. Самойловича в фонде ОНЛ // Библиотечные фонды: проблемы и решения: электрон. журн.-препр. 2003. № 5. URL: http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag05/1.php?parka=12&id_sec=11#4 (дата обращения: 11.05.2018).
2. *Гёрмес М.* Муса Джаруллах Бигиев. Казань, 2010.
3. *Джалал ад-Дин ас-Суйути.* Совершенство в коранических науках. Вып. 3: Учение о своде Корана. М., 2000.
4. *Зайцев И.В.* Неизвестная рецензия акад. В. В. Бартольда на книгу Мусы Бигиева «Основы шариата» // PAX ISLAMICA. 2013. № 1 (10). С. 161–166.
5. Ибн 'Араби. О значении числа Божественных тайн, что достаются свидетельствующему при предстоянии напротив [Бога]. Предисловие, перевод с арабского и комментарии И.Р. Насырова // Ишрак: ежегодник исламской философии. № 3. 2012. С. 77–97.
6. Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. 2-е изд. М., 1986.
7. Коран / Пер. с араб. Г.С. Саблукова. Al-Zahraa for Arab Mass Media. 1993.
8. Коран / Пер. с араб. и коммент. Б.Я. Шидфар. М.: Изд. Дом Марджани, 2012.
9. Коран / Пер. смыслов Э.Р. Кулиева. 4-е изд., испр. и доп. М., 2004.
10. Коран. Пер. с араб., коммент. М.-Н.О. Османова. 3-е изд., перераб., доп. СПб, 2010.
11. *Саетов И.Г.* Ни татарский и ни Бигеева: история одного османского перевода Корана // Ислам в современном мире. 2017. № 13 (1). С. 59–70.
12. *Фролов Д.В.* Комментарий к Корану. Тридцатый джуз'. Т. 3. Суры 98–114. М., 2014.
13. *Фролов Д.В.* История мусульманского корановедения // Сборник пособий по исламоведению и корановедению. М., 2012. С. 401–404.
14. *Хайрутдинов А.Г.* Последний татарский богослов. Казань, 1999.
15. *Бигиев М.* Халык назарына бер нича мас'ала. Казань, 1912. (На старотатарском яз.)
16. *Джаруллах М.* Фикх ал-Кур'ан. Пг, 1915. (На арабск. яз.)
17. *Джаруллах М.* Фикх ал-Кур'ан // Резван Е. Ал-Кур'ан ал-карим фи Русийа. Дубай, 2002. С. 259–299. (На арабск. яз.)
18. *Матбу' асарлар* // Шура. 1915. № 6. С. 184–185. (На старотатарском яз.)
19. *Frolov D.* Two in one and one in two: An observation on the composition of the Qur'an // Sirat Al-Ġahiz. Volume in Honour of Krystyna Skarzynska-Bohenska and Danuta Madeyska. Warszawa, 2011. P. 165–173.
20. *Jeffery A.* Materials for the history of the text of the Qur'an: the old codices. Leiden, 1937.
21. *Kanlıdere A.* Kadimle Cedit Arasında Musa Cârullah: hayatı, eserleri, fikirleri. İstanbul: Dergâh Yayınları, 2000. (На турецк. яз.)

⁶¹ М. Бигиев не приводит альтернативного чтения, однако, он знает его, и, возможно, последняя фраза связана с объяснением, почему он выбирает именно этот вариант чтения. У слова *milk* много значений, в отличие от *mulk*, которое означает только царство. Поэтому выбор слова *mālik* предполагает, что власть сопряжена со многими вещами, не только с богатством и властью, которые дает только *milk*.

Dmitry V. Frolov, Islam A. Zaripov

**“THE UNDERSTANDING OF THE QUR’AN” BY MUSA
JARULLAH BIGIEV. PART 1**

*Moscow State University
1 Leninskie gori, Moscow, 119991*

*Institute of Oriental Studies RAS
12 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031*

This publication includes the introduction and the first part of a translation into Russian of the commentary to the sūra “The Opening One” (al-Fātiḥa) and the first five ayats of the sūra “the Cow” (al-Baqara) by the Russian Muslim theologian Musa Jarullah Bigiyev (1874–1949) written in Arabic and published in 1915 year in Petrograd under the name “Fiḥ al-Qur’ān” (The Understanding of the Qur’ān). In the introduction to the translation briefly discusses the contribution of the theologian in the Qur’ān studies, his scientific ties with renowned European and Russian Orientalists, as well as his methodology of interpretation. The first part of the translation covers the commentary to the first four (according to another numbering three) ayats of the sūra “The Opening One” (al-Fātiḥa), which reflects the position of M. Bigiev concerning the history of the Qur’ān, its grammar and vocabulary, the differences between the readings (qirā’at), and his hermeneutic reasoning, which is a synthesis of reformist and mystical approaches.

Key words: Musa Jarullah Bigiev; “Fiḥ al-Qur’ān” (The Understanding of the Qur’ān); sūra “The Opening One” (al-Fātiḥa); Quranic hermeneutics, Islam in Russia.

About the authors: *Dmitry V. Frolov* – corresponding member of the Academy of Sciences of Russia, Doctor of Philology, Professor, head of the Department of Arabic Philology of the Institute of Asian and African Studies of the Moscow State University (e-mail: dvfrolov@yandex.ru); *Islam A. Zaripov* – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Center for Arabic and Islamic Studies Institute of Oriental Studies RAS (e-mail: islamzarif@gmail.com).

REFERENCES

1. Asvaturov A.S. *Knigi iz biblioteki A.N. Samoylovicha v fonde ONL* [Books from the library A.N. Samoylovicha in the holdings ONL]. *Biblioteknie fondi: problemi i resheniya*. 2003. № 5. URL: http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag05/1.php?papka=12&id_sec=11#4 (11.05.2018). (In Russ.)
2. Germez M. *Musa Jarullah Bigiev*. Kazan’, 2010. (In Russ.)
3. Dzhahal ad-Din as-Sujuti. *Sovershenstvo v koranicheskikh naukah. Vyp. 3: Uchenie o svode Korana*. [The Perfection in Quranic Sciences. Issue 3. The doctrine of the code of the Quran] Moscow, 2003. (In Russ.)
4. Zaytsev I.V. *Neizvestnaya recenzia akademika V.V. Bartolda na knigu Musi Bigieva “Osnovi shariata”* [Unknown review of academician V. V. Bartold on the book of Musa Bigiev “Basics of Sharia”]. *PAX ISLAMICA*. 2013. № 1 (10), pp. 161–166. (In Russ.)

5. Ibn 'Arabi. O znachenii chisla Bojestvennih tayn, chto dostautsy svidetel'stvuyushemu pri predstoyanii naprotiv (Boga) [On the significance of the number of the Divine mysteries that get svidetelstvuet when standing opposite (of God)]. *Ishraq: ejegodnik islamskoy filosofii*. № 3. 2012, pp. 77–97. (In Russ.)
6. *Koran. Perevod i kommentarij I.Ju. Krachkovskogo*. [The Quran. Translated and with commentary by I.Ju. Krachkovskiy] Moscow, Nauka, 1986. (In Russ.)
7. *Koran. Perevod s arabskogo i kommentarij B.Ja. Shidfar*. [The Quran. Translated from Arabic into Russian with commentaries by B.Ja. Shidfar] Moscow, Mardzhani Publ., 2012. (In Russ.)
8. *Koran. Perevod s arabskogo i kommentarij M.-N.O. Osmanova*. [The Quran. Translated from Arabic into Russian with commentaries by M.-N.O. Osmanov] Saint Petersburg, 2010. (In Russ.)
9. *Koran. Perevod s arabskogo G.S. Sablukova*. [The Quran. Translated from Arabic by G.S. Sablukov] 1993. (In Russ.)
10. *Koran. Perevodsmyslov Je.R. Kulieva*. (The Quran. Translation of the meanings by Je.R. Kuliev). Moscow, UMMA Publ., 2004. (In Russ.)
11. Saetov I.G. *Ni tatarskiy i ni Bigieva: istoriya odnogo osmanskogo perevoda Korana* [Neither in tatar nor Bigeev's: story of one Ottoman translation of the Quran]. *Islam v sovremennom mire*. 2017. № 13 (1), pp. 59–70. (In Russ.)
12. Frolov D.V. *Kommentarij k Koranu. Tridcatyj dzhuz'. T. 3. Sury 98–114*. [The commentary to the Quran. Thirtieth juz'. Volume 3. Surah 98–114] Moscow, Vostochnaja kniga Publ., 2014. (In Russ.)
13. Frolov D.V. *Istoriya musul'manskogo koranovedeniya* [The history of the Muslim Quran studies]. *Sbornik posobiy po islamovedeniyu i koranovedeniyu* [The collection of manuals on Islamic studies and Quran studies]. Moscow, Vostochnaja kniga Publ., 2012, pp. 401–404. (In Russ.)
14. Hayrutdinov A.G. *Posledniy tatarskiy bogoslov* [The last Tatar theologian]. Kazan', Iman Publ., 1999. (In Russ.)
15. Bigiev M. *Halik nazarina ber nicha mas'ala* [A few questions for the attention of the people]. Kazan': Elektro-tipografiya "Umid", 1912. (In old Tatar)
16. Jarullah M. *Fiqh al-Qur'an*. [The Understanding of the Qur'an]. Petrograd, Tipografiya M-A. Maksutova Publ., 1915. (In Arab.)
17. Jarullah M. *Fiqh al-Qur'an*. [The Understanding of the Qur'an] Rezvan E. *Al-Qur'an al-karim fi Rusiya* [The Holy Qura'n in Russia]. Dubaj, 2002, pp. 259–299. (In Arab.)
18. Matbu' asarlar [The published works]. Shura. 1915. № 6, pp. 184–185. (In old Tatar)
19. Frolov D. *Two in one and one in two: An observation on the composition of the Qur'an*. *Sirat Al-Gahiz*. Volume in Honour of Krystyna Skarzynska-Bohenska and Danuta Madeyska. Warszawa, Elipsa Publ., 2011, pp. 165–173.
20. Jeffery A. *Materials for the history of the text of the Qur'an: the old codices*. Leiden: E. J. Brill Publ., 1937.
21. Kanlıdere A. *Kadimle Cedit Arasında Musa Cârullah: hayatı, eserleri, fikirleri*. [Musa Carullah between the Kadim and the Jadid: his life, his works, his ideas]. İstanbul, Dergâh Yayınları Publ., 2000. (In Turk.)

РЕЦЕНЗИИ

В.А. Исаев

**РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: В А С И Л Ь Е В А. М.
ОТ ЛЕНИНА ДО ПУТИНА. РОССИЯ НА БЛИЖНЕМ
И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2018.
670 с.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Монография «От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке» вынесена на суд специалистов и широкого круга читателей патриархом отечественных востоковедения и африканистики академиком РАН А.М. Васильевым и охватывает значительный период времени (что следует из ее названия), в течение которого политические и хозяйственные связи СССР/России со странами, расположенными в регионе Ближнего и Среднего Востока, пережили множество неоднозначных событий. Это, в принципе, неудивительно, поскольку, как отмечает автор во Введении к своей книге, в исследуемых им государствах не только менялись режимы и происходили различного рода военные и политические конфликты, но даже распадались и/или объединялись некоторые из этих стран, менялись идеологии, политические системы и т.д. Понятно, что автор сосредоточил свое внимание на анализе большинства этих событий с акцентом на участие в них СССР/России. Фундаментальная монография А.М. Васильева вызовет несомненный интерес не только специалистов, но и широкого круга читателей.

Ключевые слова: СССР; Россия; страны Ближнего и Среднего Востока; конфликт; агрессия; прагматизм; сирийская трагедия; США; ООН; Западная Европа.

Задача исследовать и проанализировать события, происходившие в государствах Ближнего и Среднего Востока, в которые на разных этапах оказались вовлеченными сначала СССР, а затем и Россия, – дело крайне сложное и ответственное. Чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы попытаться «приподнять» тот огромный пласт советской и российской научной, научно-популярной и иной

Исаев Владимир Александрович – доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: v-isaev@yandex.ru).

литературы, по-разному освещавшей те или иные политические, социально-экономические, военные и другие потрясения, через которые пришлось пройти странам Ближнего и Среднего Востока в тот исторический период, который охватывает монография А.М. Васильева.

Нужно обладать высокой степенью уверенности в своих силах и знаниях, если не сказать смелостью, чтобы по-своему взглянуть на события, происходившие во взаимоотношениях СССР/России со странами Ближнего и Среднего Востока. Казалось бы, что писать об этих отношениях довольно просто: повторю, имеется огромное количество источников, документов, архивных данных, научных исследований и у нас и за рубежом, откуда можно было бы почерпнуть необходимую информацию, обработать ее и «выдать очередную публикацию». Но, чтобы привлечь внимание читателя, надо еще найти новые, интересные для других специалистов аспекты и подходы, могущие по-новому раскрыть исследуемую тему. И в этом-то заключается основная для любого исследователя проблема.

Сразу можно отметить, что решить эту проблему автору удалось. И прежде всего потому, что он привлек к работе над данной монографией свой впечатляющий личный архив, начало которому было положено еще когда он работал в качестве корреспондента главной советской газеты «Правда», учебы в Каирском университете, в ходе его многочисленных командировок в страны Ближнего и Среднего Востока, участия в различных международных конференциях и симпозиумах. Я не говорю уже об огромном опыте работы автора в качестве директора Института Африки РАН и Специального представителя Президента РФ по связям с главами африканских государств.

Понятно также, что академик А.М. Васильев не мог не использовать в рецензируемой монографии свои исследования, ряд из которых стал классикой советских/российских востоковедения и африканистики. И в связи с этим нельзя не назвать такие работы Алексея Михайловича, как, например, «История Саудовской Аравии» (опубликована в 1962 г. и выдержала несколько переизданий), «Египет и египтяне» (1966), «Персидский залив в эпицентре бури» (1983), «Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму» (1993), «Приватизация. Сравнительный анализ: Россия, Центральная Азия, арабские страны» (2002), «Африка и вызовы XXI века» (2012), переведенные в ряде зарубежных стран. Рецензируемая монография также не стала исключением из этого

списка, ведь параллельно с российской публикацией ее уже перевели и издали на арабском языке. Готовится перевод и публикация на китайском языке, что еще раз свидетельствует о резонансности данного труда Алексея Михайловича.

Фундаментальная монография А.М. Васильева (42 п.л.), что называется, «плотно сколочена», т.е. логично построена, обильно снабжена источниками, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, подкреплена убедительными аргументами, научными и практическими выводами. Кроме того, автор снабдил книгу некоторыми своими интервью с «различного веса» отечественными политическими деятелями, послами, экспертами и журналистами. В связи с этим можно, например, назвать его беседы с министрами иностранных дел СССР/России Д.Т. Шепиловым, Э.А. Шеварнадзе, Е.М. Примаковым, И.С. Ивановым, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС Б.Н. Пономаревым, Председателем Совета муфтиев Р. Гайнутдином, министром топлива и энергетики РФ Ю.К. Шафраником и др. Уже из этого краткого перечня известных у нас и за рубежом фамилий можно составить первое впечатление о масштабе проблем, которые охватывает рецензируемое исследование.

На основе широкого анализа отношений СССР/России с государствами Ближнего и Среднего Востока автор не только вполне оправданно выделяет два основных этапа их развития – советский, который он охарактеризовал как путь «от мессианства к прагматизму», и российский, названный им «Пределы прагматизма», подчеркивая тем самым взаимосвязи советского и постсоветского периодов во внешней политике нашей страны, – но и подразделяет эти основные периоды на ряд глав, поясняющих такое построение монографии.

Например, в первой части книги он исследует такие важнейшие вопросы, как время «хрущевской политики» (с. 39–74), роль Ближнего Востока в советской военной стратегии (с. 94–109), крайне интересные механизмы принятия решений в «четырёхугольнике»: МИД – международный отдел ЦК КПСС – КГБ – Министерство обороны (с. 215–225). Не мог обойти своим вниманием А.М. Васильев и проблемы ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан (с. 253–288), и арабо-израильского конфликта (с. 304–331).

Во второй части монографии автор сосредоточил внимание и на «окайнных девяностых» (уже из названия понятно отношение автора к этому периоду времени) (с. 363–412), и на «Арабской весне»

(с. 472–535), и на сирийской трагедии (с. 529–577), и на политике Турции и Ирана на Ближнем и Среднем Востоке (с. 399–408). Отметил роль различных политических лидеров в событиях, переживаемых исследуемыми им странами в постсоветскую эпоху.

Сразу хочу разочаровать тех читателей, которые намерены искать в монографии А.М. Васильева «сверхсекретные документы, раскрывающие советскую/российскую ближневосточную «кухню» или «тайны саудовского (кувейтского и т.д.) королевского двора»: Алексей Михайлович слишком опытный и искушенный научный исследователь, чтобы тратить время на подобные глупости. Конечно, он не обходит своим вниманием те сложнейшие проблемы, которые переживали в изучаемый им период советско/российские отношения с ближне- и средневосточными партнерами, откровенно анализирует причины их неудач и спадов, подъемов и успехов, опираясь при этом не на эмоции, а на документы – от официальных и архивных до своих личных статей, монографий и интервью.

В результате важнейшими элементами его исследования стали критический анализ, систематизация и обобщение огромного фактологического материала, посвященного изучаемой теме, в контексте наиболее значимых региональных и глобальных международных событий, в которые в этот немалый исторический период были вовлечены СССР/Россия, страны Ближнего и Среднего Востока, западные государства. В связи с этим оправданным и логичным выглядит включение в монографию таких разделов и глав, как, например: «Время Леонида Брежнева» (с. 75–147); «Закат мессианства. Последнее танго Горбачева» (с. 288–303); «Совет безопасности ООН: четыре вето и кое-какие совместные решения» (с. 569–573); «Россия – Турция – курды» (с. 599–603) и других, подчеркивающих стремление автора рассматривать международные проблемы в их тесной связи с региональной и мировой политикой.

Достаточно серьезное место в монографии автор отводит периоду ослабления отношений постсоветской России с государствами Ближнего и Среднего Востока, когда они претерпевали сложнейшую эволюцию, которую многие отечественные и зарубежные аналитики восприняли как «бегство России» из этого региона. А.М. Васильев, справедливо отмечая все объективные и субъективные трудности, которые переживала Москва в своих отношениях с ближне- и средневосточными партнерами, указывает на то, что ряд подобных оценок еще тогда выглядел алармистским, так как на самом деле паники не было, просто стороны начали «нелегкое движение навстречу друг другу» (с. 403), что в итоге выразилось в подписании пакетов

документов об обновлении принципов политического и экономического сотрудничества, урегулирования взаимных претензий на основе «нулевого цикла» и т.п. Свидетельством активизации этого процесса в начале 2000-х годов стала, по мнению автора, практика обменов визитами на самом высоком уровне, встречи и консультации между главами правительств, министерств и ведомств, что сопровождалось подписанием различного рода документов и соглашений, призванных вывести политическое и экономическое взаимодействие России со странами Ближнего и Среднего Востока на новый уровень развития.

Естественно, автор не мог обойти своим вниманием события на Арабском Востоке, получившие название «Арабской весны». Он последовательно анализирует причины, движущие силы, последствия развития этого феномена от страны к стране, роль отдельных личностей в процессе развития «Арабской весны», эволюцию отношения к этому явлению России, США, стран Западной Европы, ряда арабских государств, Турции и Ирана. Весьма серьезное место отведено изучению сирийской трагедии и роли России в урегулировании сирийского кризиса.

А.М. Васильев, изучая события «Арабской весны», справедливо отмечает, они охватили ряд стран арабского региона отнюдь не потому, что там «была самая страшная бедность в мире», и не потому, что «голодало местное население», и не потому, что там «был экономический застой», и не потому, что «в арабских странах были самые деспотичные и репрессивные режимы на свете», и не потому, что «они стали чемпионами по коррупции» (с. 486–487). Понятно, пишет автор, эти негативные факторы присутствовали в повседневной жизни ряда арабских стран и, конечно, сыграли свою отрицательную роль, и об этом много говорилось и у нас и за рубежом.

Но А.М. Васильев также отмечает воздействие на эти события настроений «арабской улицы», например, повышения цен на продовольствие, особенно сильно сказавшееся на уровне жизни наименее обеспеченных слоев местного населения и особенно роль так называемого молодежного бугра, т.е. очень высокого (в некоторых из рассматриваемых арабских стран до 40–50%) удельного веса молодежи в возрасте 20–29 лет в общей численности населения. А молодые люди, пишет автор, – «наиболее пассионарные, нетерпеливые и решительные, требующие рабочих мест». Этот фактор имел, по мнению А.М. Васильева, «особо мощный дестабилизирующий эффект, создавая армию потенциальных участников для политических, в том числе революционных потрясений» (с. 488).

Исследуя ситуацию в Сирии, автор честно признается, что «в рамках поставленных в книге задач практически невозможно дать описание гражданской войны, которая длилась на момент публикации книги семь лет» (с. 534), поэтому он «максимально схематично дает ход гражданской войны в Сирии» (с. 545).

Тем не менее, помимо анализа объективных и субъективных проблем, которые переживала Сирия в 2000-х годы, А.М. Васильев тщательно рассматривает и деятельность «внешних игроков», к которым он справедливо причисляет ряд западных и арабских СМИ, «группу друзей Сирии» (от США и Франции до Катара и Саудовской Аравии), такие террористические группировки, как «Исламское государство», «Джебхат ан-Нусра» и др., которые вовлекли во внутренние дела Сирии множество боевиков из самых разных стран – от Туниса и Афганистана до Франции и Дании (с. 535–541).

Все это автору было необходимо для того, чтобы выявить основную тему этого раздела монографии – позицию России в сирийском кризисе. А.М. Васильев намеренно начинает анализ в этой главе монографии с 30 сентября 2015 г., когда «по просьбе сирийского правительства Россия открыто вмешалась в конфликт своими военно-космическими силами» (с. 545). Россия, указывает автор, вошла в сирийские события в критический для Дамаска момент: он владел примерно лишь 25% территории страны, которая была опустошена и разорена, в ней насчитывались миллионы перемещенных лиц, несколько миллионов сирийцев вынуждены были бежать за ее пределы, сотни тысяч сирийцев были убиты и ранены, а в сознании большинства американцев и европейцев с «помощью» СМИ укрепился следующий стереотип: «народ хочет демократии; кровавый режим убивает народ, который хочет демократии; надо помогать народу добиваться демократии; для этого надо убрать диктаторский режим; убрать тирана цивилизованному мировому сообществу мешает «недемократическая» Россия» (с. 575).

«Реакция джихадистов и их спонсоров (на действия России. – *В.И.*) была предсказуемой» (с. 586). А.М. Васильев упоминает в связи с этим и об обращении 55 саудовских улемов с призывом воевать против «русских наследников коммунизма», и о «денежной награде в 13 тыс. долл. за любого, захваченного в плен русского солдата», и о трагедии с российским самолетом над Синаем, в результате которой погибли 224 человека, и об убийстве в Турции российского посла А. Карлова, не говоря уже о пропагандистской

реакции США и других стран Запада, обвинивших Россию «в ударах по умеренной оппозиции, убийстве гражданского населения» и т.п. (с. 586–587).

В этих непростых условиях Россия сумела благодаря высокопрофессиональным действиям нашей дипломатии объяснить свое вынужденное вмешательство в сирийские дела не только своим партнерам (например, Турции, Ирану, Египту и др.), но и довести свою позицию до таких оппонентов, как Саудовская Аравия или Катар. Фактически Россия убедительно продемонстрировала возможности подкреплять политические акции силовыми методами.

Подводя некоторые итоги этого раздела, А.М. Васильев справедливо полагает, что «военное вмешательство России, безусловно, изменило баланс сил и всю военно-политическую обстановку в Сирии. Были укреплены позиции правительства, улучшено моральное состояние армии, ослабели позиции джихадистов, и стала сужаться зона их контроля. Правительственные войска и их союзники наступали, джихадисты ослаблены и отступали». Все это, заключает автор, «не означало “победу” и “путь к победе” баасистского режима, но открывало возможности для конструктивных переговоров» (с. 593).

Казалось бы, на этой мажорной ноте можно было бы и завершить монографию. Но Алексей Михайлович идет дальше, рассматривая и другие аспекты деятельности России на Ближнем и Среднем Востоке в непрерывно меняющихся условиях. И в связи с этим он, как опытный и серьезный аналитик, делает не самое оптимистическое, но, как представляется, верное и обобщающее заключение: «Россия нужна мусульманскому миру, как и мусульманский мир нужен России... Хотелось бы на ноте оптимизма завершить книгу. Но – увы – слишком много тревожных признаков того, что ни России, ни ее соседям, ближним и дальним, ни ее партнерам, и более экономически развитым, чем она, и менее развитым, не избежать тяжких испытаний» (с. 626).

Заключая, можно утверждать, что российские и зарубежные специалисты, политологи, экономисты, научные сотрудники, журналисты и, что особенно важно, широкий круг читателей, получили от академика А.М. Васильева объективное и профессиональное исследование широкого круга проблем развития самых разнообразных связей России со странами Ближнего и Среднего Востока.

Vladimir A. Isaev

**BOOK REVIEW: V A S I L Y E V A. M.
FROM LENIN TO PUTIN. RUSSIA
IN THE MIDDLE AND NEAR EAST.
M.: CENTRPOLIGRAF edition, 2018. 670 p.**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The monograph titled “From Lenin to Putin. Russia in the Middle and Near East” is presented to the judgment of professionals and wide range of readers by the Academician A. M. Vasilyev who is the patriarch of the Russian Oriental and African studies. It covers immense period (what is reflected in the title of the work) that witnessed political and economic relations of both the USSR and Russia with countries extended over the Middle and Near East surviving a lot of controversial events. In the course of that period not only the regimes changes and various military and political conflicts of diverse intensity have taken place, but the breakdown and unification of some of them has been seen, followed by transformation of ideologies, political systems etc. Obviously, the author aimed his efforts at analysing of great majority of these events stressing the role of both with the USSR and Russia in them. Fundamental monograph by A. M. Vasilyev is of a great interest for professionals and wide range of readers from the educatory and informational points of view.

Key words: the USSR; Russia; the Middle and Near Eas; conflict; aggression; negotiations; pragmatism, tragedy of Syria; the United Nations; the USA; Western Europe.

About the author: *Vladimir A. Isaev* – DSc in Economics, Professor, Department of International Economic Relations, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: v-isaev@yandex.ru).

V.A. Meliantsev, A.A. Gorozhankina

HOW AND WHY HAS IT MANAGED TO SUCCEED?

**BOOK REVIEW: L E E K E U N. ECONOMIC
CATCH-UP AND TECHNOLOGICAL LEAPFROGGING:
THE PATH TO DEVELOPMENT AND
MACROECONOMIC STABILITY IN KOREA.
Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2016. 392 p.**

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In what follows we will try to assess the contribution of Lee Keun – the winner of the 2014 Schumpeter Prize and Professor of Seoul National University – to the theory of breakthrough economic development, based on the case of the Republic of Korea (RK).

Key words: the Republic of Korea; economic catch-up; technological leapfrogging; factors of growth; productivity growth.

During a rather long period of time that has passed since the start of massive decolonization in Asian and African as well as in Latin American countries¹ no more than 1/6 of them have really embarked on modern economic growth (in terms of Nobel prize winner prof. Simon Kuznets), and only a few of them have managed not only to become rich but have turned into technologically and institutionally advanced economies. Although we are nearly awash with books and articles on rules, drivers and paradigms of rapid economic growth, we have been witnessing dozens of examples of unsteady growth and failing states, incapable of delivering prosperity to their people.

However, some of the Asian ‘flying geese’ countries’ (according to a phrase coined long ago by the Japanese economist Kaname Akamatsu), which in many respects followed the Japanese pattern, have been devel-

Vitalii A. Meliantsev – Doctor in Economics, Professor, Head of Department of International Economic Relations of Asian and African countries, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (e-mail: vamel@iaas.msu.ru).

Anna A. Gorozhankina – Post-Graduate Student of Department of International Economic Relations of Asian and African countries, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (e-mail: ann_pinigina@yahoo.com).

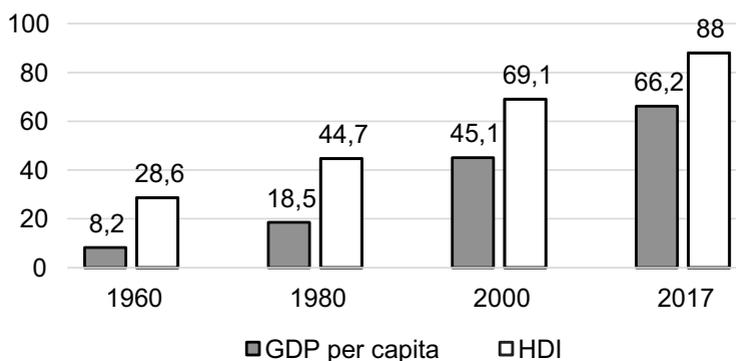
¹ This period is equal to the life of respectively 3 and 8 generations of people.

oping faster, more stable and efficient for many a decade. Among them is the RK. It seems useful to remind the reader that, although by the mid-1950s it possessed a devastated (by the Korean war) economy, the majority of its population lived in poverty, and the economy was (and still is) deprived of necessary natural resources, the RK has succeeded to realize a series of pragmatic economic, social and institutional reforms (reaching the first place among large countries by ease of doing business) and launched an export-oriented industrialization². It substantially raised the level of physical and human capital formation and generated a high-speed productivity-based economic growth. As a result, the country has become technologically developed, prosperous and built a world competitive economy.

Given that during the last five to six decades the average compound growth rate of per capita GDP in the RK surpassed that in the other advanced economies nearly three times, the RK's per capita GDP has risen from less than 1/10 of the USA in 1960 to more than 2/3 in 2017, and its human development index (HDI) related to the USA has surged from less than 1/3 to approximately 9/10 (see figure 1).

Figure 1

The Republic of Korea:
Dynamics of per capita GDP and HDI,
Related to the USA, %

This phenomenal progress was brought about by substantial rise in export contribution to its GDP growth from 1/2 in 1960–1980 to 4/5 in

² In what follows the figures are mostly derived from Meliantsev V.A. and A.A. Gorozhankina 'South Korea's Miracle, or No Gods, but Humans Make Pots'// VOSTOK (ORIENTS), 2018, N 3, pp. 150–164, and sources to Figure 2.

2000–2017, and considerable amelioration of its structure. Due to enormous innovation breakthrough of the RK, the share of high-tech exports has surpassed 1/4 of its value. The increase in the overall share of physical and human capital formation from 1/3 in 1961–1980 to 1/2 of GDP in 1981–2017 resulted in staggering growth of physical and human capital per labor ratios (in 1960–2017 approximately 30 and 4 times respectively). Should it be underscored that South Koreans are champions among the most diligent and educated workers in the world?! As a result, in the RK in 1960–2017 GDP per hour worked has shot up 10 times and Total Factor Productivity (TFP) – 2.5 times. The contribution of labor productivity to GDP growth has doubled – from 46% in 1960–1980 to 92% in 2000–2017 and that of TFP has nearly quadrupled – from 13% to 49% respectively (see Figure 2).

Figure 2

Figures 1 and 2 are calculated on the data of World DataBank (<http://databank.worldbank.org>); IMF Data (<http://www.imf.org/external/data.htm>); OECD.Stat (<http://stats.oecd.org>); Human Development Data (<http://hdr.undp.org/en/data>).

Despite a number of problems that has recently emerged (ageing of population, reduction in the impact of labor reallocation on productivity growth, deceleration in some indicators of educational attainment and GDP growth), during the last decade and a half the RK's average compound growth rate of productivity is nearly three times higher than that on average in other advanced economies.

Having revealed a number of basic features of the RK's developmental model, which are by and large known to some of the specialists, we would like now to draw attention to a number of crucial determinants underpinning its success, based on the research undertaken by Professor Lee Keun.

As a whole, the author defines the Korean model as a "late formation of capitalistic nation (with traditional Confucian values and inherent nationalism), led by hard bureaucracy through balanced industrial policy based on the priority industries' protection and foreign market orientation" (p. 28).

Professor Lee underscores the pivotal role of the efficient "state activism" as a driving force behind mobilization of physical and human capital and enlarging productive capacities of the country (p. 17, 22). The author adds that the state has gradually created a cooperative long-term relationship with the business where it has acted almost like a business partner (p. 25), systematically reducing any uncertainty and risks for businesses (p. 26–27). Besides, the state established a number of effective state institutions for setting up economic plans, developing industrial policy, promoting key industries (p. 38).

The author notes that one of the main differences between Korea and other Asian economies was a priority given to a technological development and a higher education. Having put an emphasis on technological development, the government financed a substantial part of R&D, encouraged technological development in the private sector by tax incentives and different privileges, opened joint public-private consortiums to carry out larger and riskier projects.

Professor Lee divided technological development into 3 types: (1) path-following catch-up – when the latecomer firm follows the same path as the forerunner, however, accomplishes it in a shorter period of time; (2) stage-skipping catch-up – when the latecomer firm follows the path of the forerunner but skips several stages, saving time; (3) path-creating catch-up – when the latecomer firm creates its own path of development (p. 174).

Having analyzed the technological development of the most competitive Korean industries, the author emphasizes that path-following and stage-skipping catch-up development is more likely to be carried out through private initiatives in industries with a low innovations frequency and a high predictability of a technological path (automobile industry); with the state's participation limited to protecting the domestic market (for a certain period) in industries with a high innovations frequency and a high predictability of a technological path (the case of PCs and consumer electronics); whereas path-creating catch-up development is more likely

to be realized through a systematic public-private partnership (p. 204) in industries with a high technological predictability and a high innovations frequency.

Concerning stage-skipping and path-following technological development, the author comes to the conclusion that there is a need in complex interaction of the national innovation system's elements, namely – firms, government agencies and academia. To his point of view, that point was missed in the case of the highly unpredictable Korean PCs industry (p. 190).

Professor Lee reveals some features of the most successful cases of path-creating catch-up and leapfrogging – CDMA cellular phone system and digital TV. In the case of the CDMA Korea chose a shorter but riskier way – to develop the emerging CDMA technology (p. 187). High risks were shared by the government-led consortium and the knowledge alliance with an American venture company Qualcomm chosen by the state Electronics and Telecommunications Research Institute (ETRI) in result of thoroughly monitoring the world market (p. 188).

In terms of the digital TV an important role was also played by the joint public-private consortium with the Korea Electronics Technology Institute (KETI) at the head, and Samsung, LG, Hyundai, Daewoo and other private companies involved. That consortium was characterized by a clear division of labor between the participants, each of which was appointed to accomplish different tasks with some overlaps between them to avoid a monopoly on research results (p. 216–217).

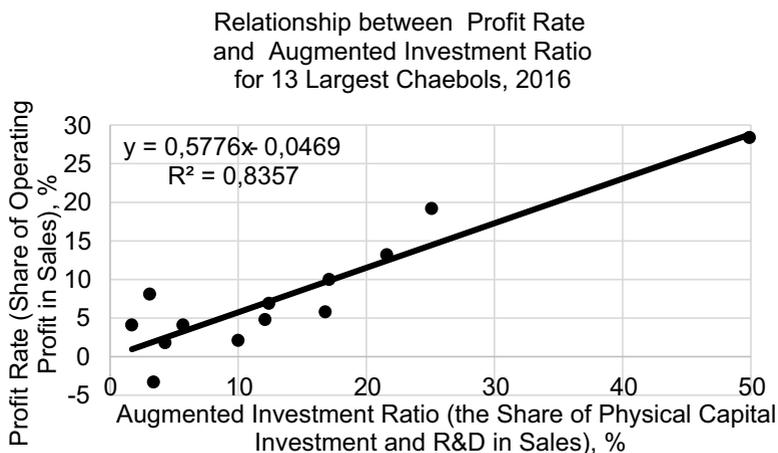
The author mentions that in the both cases of CDMA development and digital TV the state-based consortiums provided projects with a greater legitimacy (p. 217), gave an opportunity for R&D teams of firms to interact with universities and other public sector scientists (p. 218), while the state research institutes thoroughly investigated the latest world trends in R&D activities and provided the private sector with accurate and on-time information on technological trends. Both the cases show the importance of an access to a foreign knowledge base through overseas R&D outposts and acquisition of foreign firms (page 222), international alliances or joint ventures in order to withstand a cut-throat international competition (p. 202, 229).

Reflecting of conditions for leapfrogging, the author notes that a leapfrogging strategy is more likely to be successful during the changes of technological paradigms and such changes are more likely to occur in fields with short technological cycles (for example, IT products), where

knowledge changes quickly and disadvantages for latecomers are not so substantial due to lower entry barriers to the field, lower royalty payments (p. 49). In the context of Korean success, the author doubts that the Korean politicians considered the criteria of a short technological cycle when planning the course of economic development, but he strongly believes that they have always posed the question “what is next?” Consequently, having carefully analyzed fields where it was likely to be a progress, policy makers have always chosen that ones with a short technological cycle for its rapid and sustainable development.

The Korean economic success has been hardly achieved without the significant role of cheabols that gradually have been increasing their international competitiveness, based on their innovative and technological power. On our calculations, cheabols’ profitability has been to a great extent fueled by a substantial level of an augmented investment ratio (the share of expenses on physical capital and R&D in total company’s sales, see figure 3).

Figure 3

Calculated on the data from: EU R&D Scoreboard: World – 2500 Companies Ranked by R&D. URL: <http://iri.jrc.ec.europa.eu/scoreboard16.html> (Accessed: 2018.04.29)

In his book Professor Lee analyses the scale and determinants of the cheabols’ success using the example of Samsung Group. Considering a vertical integration of Samsung and its deepening (p. 256), Lee Keun concludes that Samsung’s business growth has become possible to a

large extent due to an internationalization of production around the world (p. 277) that allows it to significantly reduce production costs, gives a price advantage and a large profit for further investment. Besides, the author notices that the productivity of overseas factories' workers are not much lower than that of Korean ones (p. 278), and the failure rate of the final products in overseas factories has been gradually decreasing (p. 280–281).

Professor Lee highlights some preventive measures taken by Samsung against technological hollowing out. Firstly, Samsung launches new models in overseas factories only after preliminary testing it on the assembly line of the mother factory (Gumi) in Korea (p. 284). Secondly, Samsung still produces molds (outside covers) for its phones in Korea without sorting it out (p. 285) unlike Apple. It not only prevents technological hollowing out but also allows Samsung to introduce new models in a shorter period of time. Besides, in order to raise productivity and save time Samsung has reduced a number of bolts and nuts per unit (p. 286).

Adding the reasons for effectiveness of Samsung, the author mentions that when cutting its domestic production scale Samsung transferred key engineers and technicians to a special unit – the Global Manufacturing Technology Center (GMTC), instead of firing them (p. 287). About a half of GMTC staff goes on business trips, both domestically and globally, thus, managing and supporting 30 production bases in 27 countries. That specialists carry out important functions: increasing the productivity of the line, solving ad hoc problems, designing the assembly line, spreading innovations (p. 284).

A large-scale use of key Korean technical specialists around the world is supported by the Global Supply Chain Management (GSCM), a computerized system developed and operated by Samsung not only to provide 24-hour monitoring of the overseas factories and solving ad hoc problems, but also economizing physical and human resources.

However, notwithstanding the outstanding chaebols' performance the author notes that its high rigidity significantly constrains its further productivity growth. In spite of the fact that the Korea's position has been improved by almost all the criteria of corporate governance: transparency, accountability and responsibility (according to the survey on corporate governance conducted by Credit Lyonnais Security Asia), corporate boards still lack independence, as the controlling managers are still "friends" to the board (p. 107). It shows that informal institutions in Korea require more time to be changed (p. 109).

Considering small and medium enterprises as a source of new creative ideas the author highlights the importance of the QOSDAQ stock market that has become a financial support for new business ideas and, thus, a source of creation of hundreds of small and medium-sized venture companies and start-ups, attracting the talents from universities and rigid cheabols (p. 203).

Analyzing the several examples of successful small and medium enterprises (SMEs)' development in Korea (p. 294), the author comes to the conclusion that they caught up with the global market leaders, creating their own path instead of just following the leading firms' one (p. 308), but their strategies were often new combinations of existing technologies while the knowledge was acquired mainly through a trial-and-error strategy (p. 308). He mentions that the reason for many firms' failure during the trial-and-error stage is running out of funds. Thus, the state should thoroughly select and fund only those SMEs that intensively conduct trial-and-error R&D, rather than without discrimination fund research projects of all types of SMEs.

Professor Lee also highlights that having made the promotion of SMEs' development the priority task (p.292), the Korean government has already taken several measures to reduce challenges for SMEs, including providing insurance against possible IPR lawsuits, setting up a service of identifying possible legal disputes before marketing, providing consulting for overcoming IPR lawsuits with foreign entities (p. 309).

Summing up, it should be pointed out, that the book of the prominent South Korean scholar is a solid research, very useful not only for undergraduate and postgraduate students, majoring in developmental economics, but for the experts on (world) economic growth as well. It does not provide a clear-cut simple panacea for overcoming underdevelopment (probably, because, as elsewhere, the devil is in the details). However, the book seems to have shown that long-term fortune and success favor only most determined, ambitious and tireless actors (countries, peoples, companies and persons), who never cease learning lessons of development, acquiring experience, testing new paths and carrying out new combinations from both already existed and new resources, policies and institutions.

В.А. Мельянцев, А.А. Горожанкина

КАК И ПОЧЕМУ ЕЙ УДАЛОСЬ ПРЕУСПЕТЬ?

**РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: Л И Г Ы Н .
ДОГОНЯЮЩЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ: ПУТЬ
К РАЗВИТИЮ И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ
СТАБИЛЬНОСТИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ. Челтнем:
Издательский дом Edward Elgar Publishing, 2016. 392 с.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В рецензии оценивается вклад Ли Гына, лауреата премии Шумпетера 2014 г., профессора Сеульского университета, в теорию прорывного экономического развития на примере Республики Корея.

Ключевые слова: Республика Корея; догоняющее экономическое развитие; технологический прорыв; факторы роста; рост производительности.

Сведения об авторах: *Мельянцев Виталий Альбертович* – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vamel@iaas.msu.ru); *Горожанкина Анна Андреевна* – аспирант кафедры международных экономических отношений ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ann_pinigina@yahoo.com).

ПАМЯТИ...

ЗИНАИДА ГРИГОРЬЕВНА ЛАПИНА

Конец 2018 года принес нам еще одно печальное известие об уходе из жизни одного из старейших профессоров МГУ и ИСАА – Зинаиды Григорьевны Лапиной (1934–2018).

Будучи потомственной москвичкой, она с золотой медалью окончила школу и также успешно занималась на восточном отделении истфака МГУ, а позже – в Институте восточных языков (ныне ИСАА МГУ) и в Пекинском университете. По профессии она была специалистом по средневековой истории Китая, посвятившим этой теме большую часть жизни. Ее монографии и многочисленные статьи ввели в научный оборот наследие целой когорты выдающихся деятелей средневекового Китая. Их труды в переводе Зинаиды Григорьевны раскрыли новым поколениям отечественных китаистов сложные перипетии жизни Сунского Китая, убеждения и искания таких выдающихся деятелей того времени, как Ли Гоу, Сыма Гуана, Фань Чжуи-ян.

Своим молодым ученикам Зинаида Григорьевна оставила ряд крупных публикаций и довольно большое количество статей, что позволяет увидеть не только авторское понимание средневековой китайской цивилизации, но и ее стремление к более глубокому осмыслению как исторического прошлого, так и современных кардинальных перемен в Китае.

В последние годы жизни З.Г. Лапина старалась уйти от частных сюжетов какого-то одного исторического периода, чтобы выявить более общие закономерности, проявляющиеся, по ее мнению, в духовной культуре.

В 1993 г. Зинаида Григорьевна создала и возглавила лабораторию экологии культуры Востока. «Культура, – как считала она, – выявляет прежде всего энергетическую мощь человека, его потенциальные возможности, которые представлены прежде всего высокими носителями культуры, этими маяками подвижничества. Значение нашей эпохи – в осознании возможного превращения этой мощи в жизнь».

М.С. Мейер

**Указатель статей и материалов,
опубликованных в журнале «Вестник Московского
университета. Серия 13. Востоковедение» в 2018 г.**

№ С.

История

<i>Бочковская А.В.</i> Дом вдали от дома: последователи Нанака на Андаманах	2	29
<i>Бурыгин А.А.</i> Идеология Исламского государства как пример превратного использования мусульманской религии в политических целях	2	101
<i>Валеев Р.М., Василюк О.Д., Кириллина С.А., Мейер М.С.</i> Из жизни отечественного востоковедного сообщества на заре XX столетия: переписка В.В. Бартольда и А.Е. Крымского в 1908–1913 гг. (по материалам архивных фондов)	4	3
<i>Видясова М.Ф.</i> Алжир – крепость, в подzemелье которой прячутся джинны	4	19
<i>Кириллина С.А., Орлов В.В.</i> Историко-культурная и экономическая специфика шерифского землепользования в Северной Африке (XVI–XIX вв.)	4	31
<i>Колдунова Е.В.</i> Трансрегиональные исламские движения в Таиланде и их роль в социально-политической жизни страны (на примере деятельности Джемаат Таблиг)	3	57
<i>Никольская К.Д.</i> «Деньги не пахнут». Индийская версия	2	40
<i>Петров И.А.</i> Языковая ситуация в городских центрах независимой Индии (на примере Хайдарабада)	2	75
<i>Подоплелов С.А.</i> «Лоскутное» пограничье: исторические аспекты проблемы анклавов в индийско-бангладешских отношениях	3	74

	№	С.
<i>Сабиров Р.Т.</i> Буддийская сангха в Монголии: традиция и современность	1	40
<i>Сафин Т.А.</i> Данные эпиграфики о существовании в государстве Шан-Инь удельной системы	3	88
<i>Сафронова А.Л.</i> Проблемы интерпретации княжеского наследия в современной Индии	4	41
<i>Соловьева Д.В.</i> Марокканский султан Сиди Мухаммад бен Абдаллах (1757–1790 гг.): проблемы трактовки теологического наследия	3	101
<i>Тертицкий К.М.</i> Китайская Кяхта	4	56
<i>Чепильченко Е.И.</i> Круг восточных советников Петра I	1	75
<i>Шарова А.Б.</i> Утида Масао. Возвращение имени	2	87
<i>Шлыков П.В.</i> Трансформация роли Турции в борьбе с международным терроризмом на Ближнем Востоке	2	53
<i>Kozlov A.Yu.</i> Chasing perfection: plastic surgery and unemployment in China	1	56

Литературоведение

<i>Акимушкина Е.О.</i> Эволюция жанра шахрашуб в персоязычной поэзии XI–XVII вв.: от Мас‘уда Са‘да Салмана (1046–1121) до Сайидо Насафи (ум. 1711)	3	42
<i>Ершова Ю.С.</i> Индонезийское течение састра ванги в контексте современной женской прозы стран Востока	2	14
<i>Репенкова М.М.</i> Поэтика повести Айше Кулин «Бесконечное настоящее время»	3	16
<i>Семеновко И.И.</i> Ян Сюн как создатель китайской риторики	3	26

Памяти...

Зинаида Григорьевна Лапина	4	108

Публикации

<i>Куликов А.М.</i> Племянник Палладия (Кафарова) о российской духовной миссии в Японии	1	90

	№	С.
<i>Фролов Д.В., Зарипов И.А.</i> «Понимание Корана» Мусы Бигиева. Часть 1	4	70
Рецензии		
<i>Исаев В.А.</i> Рецензия на кн.: В а с и л ь е в А. М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2018.....	4	91
<i>Meliantsev V.A., Gorozhankina A.A.</i> How and Why Has It Managed to Succeed? Book review: Lee Keun. Economic Catch-up and Techological Leaperogging: the Path to Development and Macroeconomic Stability in Korea. Cheltenham:Edward Elgar Publishing, 2016	4	99
Филология		
<i>Румак Н.Г.</i> Полисемичные ониматопэтические слова в японском языке	1	21
<i>Строганова Н.А.</i> Особенности поэтики первых любовных посланий в китайской литературе	1	31
<i>Тао Юань.</i> Анализ универсалии предложений с «как» на основе параллельного корпуса русского и китайского языков	1	3
Экономика		
<i>Мельянцеv В.А.</i> Современная глобализация и ее воздействие на экономически продвинутые и развивающиеся страны	1	98
Языкознание		
<i>Захарьин Б.А.</i> Лексическое поле «передвижение в эфире» в древнем индоарийском	3	3
<i>Панина А.С.</i> Глаголы падения в японском языке	2	3

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение» публикует статьи, материалы и сообщения, рецензии и библиографические обзоры, информацию о круглых столах и конференциях по своему научному профилю.

Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных (в том числе географических названий), а также сведений энциклопедического характера.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статей:

- текстовый редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman или Times New Roman Cyrillic 12-й кегль;
- полуторный междустрочный интервал;
- поля: 2,54 и 3,17 см;
- **объем рукописи до 25 тыс. знаков с пробелами (для аспирантов – строго до 17 тыс. знаков с пробелами).**

Требования к форме предоставления статей:

- текст присылается на электронный адрес редколлегии в формате RTF (rich text format);
- если в статье используются дополнительные шрифты, то они должны быть записаны на отдельном файле;
- схемы, рисунки, алгоритмы и иной иллюстративный материал необходимо сохранить отдельными файлами в формате .tif.

Статья должна содержать следующие обязательные элементы:

- аннотации (200–300 слов) и ключевые слова (до 20 слов) на русском и английском языках;
- сведения обо всех авторах на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название и адрес научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;
- пристатейные библиографические списки (ссылки на цитируемые исследования должны быть оформлены в тексте в виде внутритекстовых ссылок; ссылки на источники оформляются в виде подстрочных сносок, список процитированных исследований должен быть вынесен в конец статьи в виде **списка литературы и references**).

Помните, что несоблюдение требований к оформлению может существенным образом усложнить процесс публикации статьи. **Подробнее требования изложены на сайте журнала** <http://iaas.msu.ru/index.php/ru/vestnik-vostok>

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова;
Институт стран Азии и Африки МГУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Брагинский В.И., докт. филол. наук, проф. Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета, Великобритания (SOAS, University of London, UK); **Ильбер Ортайлы**, проф. университета Стамбула, Турция (Istanbul University, Turkey); **Панчанан Моханти**, проф. университета Хайдарабада, Индия (Haiderabad University, India); **Ху Аньган**, проф. университета Цинхуа, Китай (Tsinghua University, China); **Экехард Шульц**, докт. филол. наук, проф. института Восточных исследований Лейпцигского университета, Германия (Institute of Oriental Studies, Leipzig University, Germany); **Ямасита Марико**, почетный профессор университета Токай, Япония (Tokai University, Japan)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Мейер М.С. (гл. редактор), докт. ист. наук, проф., президент ИСАА МГУ; **Гевелинг Л.В.** (зам. гл. редактора), докт. полит. наук, проф.; **Захарьин Б.А.** (зам. гл. редактора), докт. филол. наук, проф., зав. кафедрой индийской филологии; **Волчкова Е.В.** (отв. секретарь), канд. ист. наук, доц. кафедры истории Китая

Члены редколлегии:

Абрамова И.О., директор Института Африки РАН, чл.-корр. РАН; **Басс И.И.**, проф., зав. кафедрой иностранных языков и лингвистики Санкт-Петербургского ин-та культуры; **Быкова С.А.**, доцент, зав. кафедрой японской филологии; **Видясова М.Ф.**, проф.; **Громова Н.В.**, проф., зав. кафедрой африканистики; **Деопик Д.В.**, проф. кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии; **Карапетьянци А.М.**, проф. кафедры китайской филологии; **Кулешова Н.С.**, зам. директора по науке, проф. кафедры политологии; **Лапина З.Г.**, проф.; **Мельянцева В.А.**, проф., зав. кафедрой международных экономических отношений; **Мосяков Д.В.**, проф., заведующий Центром исследований Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Ин-та востоковедения РАН; **Орлов В.В.**, проф. кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока; **Писарев А.А.**, проф. ф-та русского языка и международ. отношений Тамканского университета (Тайвань); **Репенкова М.М.**, проф., зав. кафедрой тюркской филологии; **Сафронова А.Л.**, проф., зав. кафедрой истории Южной Азии; **Фридман Л.А.**, проф. кафедры экономики и экономгеографии; **Фролов Д.В.**, проф., зав. кафедрой арабской филологии, чл.-корр. РАН; **Яковлев А.И.**, проф., вед. науч. сотр. Института востоковедения РАН

Редактор *И.В. Краснослободцева*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации № 1563 от 14 февраля 1991 г.

Адрес редакции: 103009, Моховая, 11, стр. 1. Тел. 8 (495) 629-55-48.

Подписано в печать 25.11.2018. Формат 60×90^{1/16}. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж экз. Изд. № 11 023. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)
Тел.: (495)939-32-91. E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Отпечатано: Публичное акционерное общество «Т8 Издательские Технологии».
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.

ISSN 0201–7385

ISSN 0320–8095

ИНДЕКС 40552 (каталог «Пресса России»)

ISSN 0201–7385. ISSN 0320–8095

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 13. ВОСТОКОВЕДЕНИЕ. 2018. № 4. 1–112.